

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1902.

№ 9.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Высокопреосвященный Амвросій, Архіепископъ Харьковскій (продолженіе).
Протоіерея Т. Буткевича 497—516

Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в.
В. С—каго 517—555

Къ вопросу объ отношеніи митрополита Филарета къ расколу. *Б. Титлинова*. 556—570

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Научно-механическое міропониманіе и этика (окончаніе). *Свящ. Николая Липскаго* 367—387

Чѣмъ должна быть критика и чѣмъ иногда является она въ наше время.
Н. Страхова. 388—406

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Высочайшее повелѣніе.—Высочайшія награды.—Отъ Министерства Финансовъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1902.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою пумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линія, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 6 р. за каждый годъ; по 7 р. за 1890—1892 г., по 8 р. за 1895—1899 годы. За 1900 г.—9 р. и 1901 г. 10 рублей. Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 125 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вошіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.

4. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

5. Нѣсколько словъ по поводу „двухъ характерныхъ писемъ“. присланныхъ Преосвященному Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому. Леопида Баграцова. Харьковъ 1901 года. 52 стр. Цѣна 30 коп., съ перес. 35 коп.

6. Вѣновъ на могилу Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Харьковъ 1901 г. 141 стр. Цѣна 50 коп. съ пересылкою.

Πίστις νοοῦμεν.

Върою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Высокопреосвященный Амвросій Архієпископъ Харьковскій.

(Продолженіе *).

II.

Въ 1844 году Алексій Осиповичъ Ключаревъ окончилъ полный курсъ ученія въ московской духовной академіи. Этотъ курсъ былъ, безъ сомнѣнія, выдающимся въ исторіи академіи. Въ немъ числилось всѣхъ студентовъ, окончившихъ академическое ученіе, 58 человекъ, въ томъ числѣ 27 магистровъ. Алексій Осиповичъ занялъ въ спискѣ товарищей четвертое мѣсто.

30-го октября 1844 года Ключаревъ былъ назначенъ наставникомъ воспитавшей его Виѣанской семинаріи. Это назначеніе состоялось по особенной рекомендаціи члена академической конференціи профессора Ѡ. А. Голубинскаго, который не хотѣлъ далеко отпускать отъ себя своего любимаго ученика, желая впоследствии увидѣть въ немъ своего достойнаго преемника. Назначеніе это поддерживалъ и другой членъ тогдашней академической конференціи, московскій протоіерей, магистръ богословія, Сергій Алексѣевичъ Владимірскій, который лично зналъ Алексѣя Осиповича Ключарева, принималъ его въ своемъ домѣ и имѣлъ основаніе считать его своимъ будущимъ зятемъ. Въ виѣанской духовной семинаріи на Алексѣя Осиповича Ключарева было возложено преподаваніе логики, психологіи и латинскаго языка въ 1-мъ классѣ средняго отдѣленія. Объ А. О. Ключаревѣ, какъ о профессорѣ семинаріи, И. Н. Корсунскій дѣлаетъ слѣдующій отзывъ: „Въ непродолжительный періодъ своего профессорства въ Виѣанской семи-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1902 г. № 3.

нариі онъ оставилъ по себѣ память, какъ отличный преподаватель своихъ предметовъ, серьезно и въ то же время современно ставившій дѣло преподаванія, съ живымъ увлекательнымъ изложеніемъ уроковъ, гуманно и въ то же время съ достоинствомъ обращающійся съ учениками, такъ что нужно было сожалѣть, что его преподаваніе было непродолжительное. Этотъ отзывъ вполне справедливъ и не заключаетъ въ себѣ лишней похвалы. Такъ же отзываются и бывшіе ученики покойнаго святителя. Такъ, нынѣ здравствующій профессоръ московской академіи Д. Ѳ. Голубинскій въ своемъ письмѣ преосвященному Амвросію отъ 21-го іюля 1901 года, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ мое время обращеніе высшихъ съ низшими въ Виѳанской семинаріи было суровое; а потому, когда въ 1846 году мы перешли въ среднее отдѣленіе, для насъ очень дорого было Ваше гуманное обращеніе съ нами. Къ наказаніямъ Вы рѣдко прибѣгали. Однако же было два случая, когда Вы нашли полезнымъ подвергнуть меня наказанію, хотя и очень легкому. Лѣтомъ 1847 года на экзаменѣ я отвѣчалъ изъ Вашихъ лекцій по психологіи о памяти. Въ моемъ отвѣтѣ, между прочимъ, было слѣдующее: „*Ex omnibus animae partibus, жалуется одинъ престарѣлый риторъ, memoria maxime delicata et fragilis est, in quam primam senectus incurrit. Quae cunque ei aut puer aut juvenis deposui modo audita sine cunctatione profert. Tamen quae intra proximos annos commisi, sic perdidit, ut etiamsi saepius integrantur toties tanquam nova audiam*“. Эти слова оправдываются на мнѣ: новое забываю, а давно бывшее помню очень ясно. Въ 1848 году Вы задали намъ сочиненіе на тему: „О частныхъ дѣйствіяхъ Промысла Божія, усматриваемыхъ въ жизни человека“. Весьма много такихъ дѣйствій видѣлъ я прежде, а равно и теперь испытываю“. Добрымъ словомъ вспоминалъ всегда А. О. Ключарева, какъ профессора виѳанской духовной семинаріи, и другой ученикъ его, нынѣ уже умершій протоіерей о. Николай Ивановичъ Ѳаворскій.

По общепривычному въ то время обычаю, А. О. Ключаревъ преподавалъ свой предметъ на латинскомъ языкѣ; но объясненіе преподаваемаго предпочиталъ давать на русскомъ языкѣ.

Свои сочиненія воспитанники виѳанской семинаріи могли писать по его предмету какъ на латинскомъ, такъ и на русскомъ языкахъ, что для того времени было уже новаторствомъ, которое не всѣми было одобряемо.

Философскій складъ ума и способность къ тонкому психологическому анализу у А. О. Ключарева обнаруживались не только въ его преподаваніи, но и въ его тогдашнихъ проповѣдяхъ. По обычаю того времени, семинарскіе преподаватели обязаны были писать и произносить проповѣди въ назначенные дни. Расписаніе проповѣдей составляло академическое правленіе. Въ 1845 году виѳанскому профессору Ключареву была назначена проповѣдь на день Пятидесятницы. Темою для своей проповѣди онъ взялъ вопросъ о дѣйствіи благодати Св. Духа на душу человѣка. Когда проповѣдь эта была представлена на предварительный просмотръ митрополита Филарета, то, прочитавъ ее, митрополитъ спросилъ виѳанскаго ректора: „какой предметъ преподаетъ у васъ Ключаревъ?“ „Психологию и логику“, отвѣчалъ ректоръ. „Это видно и изъ его проповѣди“, сказалъ митрополитъ.

26-го октября 1845 года А. О. Ключаревъ, какъ пробывшій уже годъ преподавателемъ семинаріи, согласно дѣйствовавшимъ тогда правиламъ, былъ утвержденъ въ ученой степени магистра богословія и въ званіи профессора. Въ томъ же году онъ женился на дочери московскаго протоіерея, тогдашняго члена академической конференціи, магистра богословія, о. Сергія Алексѣевича Владимірскаго,—Евдокіи Сергѣевнѣ Владимірской, дѣвушкѣ скромной, кроткой и весьма добраго сердца. 1-го сентября 1847 г. А. О. Ключаревъ, по назначенію академической конференціи, принялъ на себя еще преподаваніе въ семинаріи патристики; но преподавалъ ее недолго,—всего только одинъ годъ. Крайне скудное въ то время жалованье семинарскихъ наставниковъ было недостаточно для того, чтобы на него можно было жить семейному человѣку. Чтобы хотя нѣсколько увеличить свое содержаніе А. О. Ключаревъ, какъ мы видѣли, принялъ на себя преподаваніе двухъ постороннихъ для его кафедры предметовъ—латинскаго языка и патристики; но и чрезъ это средства къ жизни увеличились незначительно, а трудъ сталъ

обременительнымъ. Подобно многимъ своимъ предшественникамъ и сослуживцамъ А. О. Ключаревъ сталъ все чаще и чаще подумывать о томъ, чтобы преподавательскую службу въ семинаріи перемѣнить на службу приходскаго священника въ Москвѣ. Въ этой мысли его поддерживали въ особенности жена и тестъ. Кромѣ того, онъ чувствовалъ, что должность семинарскаго преподавателя, осужденнаго на проживаніе въ пустынь и глуши, была не по его душѣ; въ Виѣаніи ему было тѣсно и душно; его душа рвалась на просторъ. въ Москву, для широкой дѣятельности общественной; ему хотѣлось быть тамъ, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ, гдѣ кипитъ борьба, гдѣ во всей силѣ можетъ быть проявлена энергія. Однимъ словомъ,— онъ чувствовалъ въ себѣ болѣе призванія къ общественной, чѣмъ школьной дѣятельности. „Если бы я остался въ виѣанской семинаріи навсегда“, говорилъ преосвященный Амвросій уже въ Харьковѣ, „я бы тамъ зачахъ, заглохъ, затерся; школа вѣдь сушитъ человѣка. К. П.—чѣ прекрасно выразилъ истину, что школьный учитель, какъ свѣча,—свѣтитъ другимъ, а самъ постоянно таетъ“.

23-го октября 1848 года А. О. Ключареву было предоставлено священническое мѣсто въ Московскомъ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; мѣсто это невидное, но и его можно было получить только благодаря ходатайству тестя Алексѣя Осиповича, заслуженнаго московскаго протоіерея о. С. А. Владимірскаго, котораго любилъ и цѣнилъ самъ митрополитъ Филаретъ. Такъ А. О. Ключаревъ оставилъ свою виѣанскую семинарію и перешелъ въ епархіальное вѣдомство. 14-го ноября онъ былъ рукоположенъ во діакона, а 17-го—во священника.

Вспоминая объ этомъ времени за четыре года до своей смерти, покойный владыка писалъ ¹⁾: Въ 1848 году я былъ рукоположенъ во священника къ Московскому женскому Рождественскому монастырю. Первые совѣты на новомъ служеніи давалъ мнѣ протоіерей Сергій Алексѣевичъ Владимірскій, пользовавшійся глубокимъ уваженіемъ въ Москвѣ и особенною благосклонностію митрополита Филарета, который назы-

¹⁾ В. и Р. 1897, т. 1. ч. 1, стр. 293 и сл.

валъ его „мужемъ совѣта“¹⁾. Я имѣлъ въ супружествѣ дочь Сергія Алексѣевича и радовался, что принадлежалъ къ его семьѣ. Въ наставленіяхъ мнѣ, какъ молодому священнику, покойный второй отецъ мой съ особенной заботливостію предупреждалъ меня относительно осторожнаго обращенія съ митрополитомъ. „Смотрите, говорилъ онъ, владыка любитъ сбивать ученую гордость магистровъ, учить смиренію, школить ихъ. Принимайте съ покорностію замѣчанія, какъ бы они ни были рѣзки, никогда не возражайте. Всякое проявленіе гордости губитъ молодого священника во мнѣніи митрополита“.

Впрочемъ, служеніе А. О. Ключарева въ Московскомъ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ было весьма непродолжительно, всего только 4 мѣсяца, а потому и ничѣмъ не было отмѣчено. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что о. А. Ключаревъ долженъ былъ перейти на другое и болѣе видное мѣсто. Въ концѣ февраля 1849 года тестъ его, протоіерей Казанской, у Калужскихъ воротъ, церкви С. А. Владимірскій заболѣлъ какою-то горловою болѣзнію, которую врачи признавали простою „жабою“. Вначалѣ казавшаяся легкою и совершенно неопасною, болѣзнь эта была однако-же роковою. Въ первыхъ числахъ марта больной, совершенно неожиданно для всѣхъ знавшихъ его, скончался, оставивъ послѣ себя сиротѣлюю, довольно многочисленную семью безъ всякихъ средствъ къ жизни. Филаретъ, любившій и уважавшій усопшаго, отнесся весьма сочувственно къ горю и положенію его семейства и ради обезпеченія и устройства его перевелъ о. А. Ключарева на мѣсто его тестя, къ Казанской, у Калужскихъ воротъ, церкви. О. А. Ключаревъ съ благодарностію принялъ эту милость и не только не тяготился многочисленнымъ семействомъ своего покойнаго тестя, а напротивъ всегда радовался, заботясь о немъ, и утѣшался имъ. Вспоминая объ этомъ времени

¹⁾ Подтвержденіе этого мы находимъ даже и въ письмахъ самаго митрополита Филарета. Такъ, 15-го марта 1849 года, вскорѣ послѣ смерти о. Владимірскаго, Филаретъ писалъ памѣстнику Сергіевой лавры, архимандриту Антонію: „Мнѣ очень печальна нечаянная кончина Казанскаго протоіерей Сергія, котораго добрымъ духовнымъ направленіемъ, разсудительностію и искренностію и пользовался не только для дѣла, но и для себя. Помолитесь о его доброй душѣ“.

своей жизни, покойный архипастырь писалъ ¹⁾: „Прошло только четыре мѣсяца послѣ моего рукоположенія, какъ скончался мой второй отецъ, оставивъ вдову и восемь человѣкъ не пристроенныхъ дѣтей, начиная отъ студента университета до младенца, бывшаго на рукахъ няньки. Ужасъ объялъ меня при этомъ несчастіи. Какая предстояла участь семьѣ, когда все состояніе ея осталось только въ домѣ при Казанской, у Калужскихъ воротъ, церкви, къ которой, незадолго до смерти, Сергій Алексѣевичъ былъ переведенъ владыкою изъ Казанскаго собора? И вотъ меня, молодого священника, владыка переводитъ на мѣсто покойнаго, для поддержанія семьи, въ одинъ изъ самыхъ лучшихъ московскихъ приходоу. И замѣчательно, что, по уваженію къ покойному протоіерею Сергію Алексѣевичу и сожалѣнію къ осиротѣвшему его семейству, никто изъ московскаго духовенства не произнесъ ни единого слова ропота на то, что такой приходъ данъ молодому священнику. Въ этой благословенной семьѣ я прожилъ пятнадцать счастливейшихъ лѣтъ моей жизни. Матушка ²⁾ Екатерина Семенова была вся любовь и ангель кротости, дѣти росли одинъ лучше другаго. Постепенно они выходили изъ моего дома; дочери стали примѣрными матерями семействъ, а сыновья заняли впослѣдствіи почетныя должности. Нѣкоторые изъ нихъ уже померли, иные живы, но всѣ они оказались людьми религіозными, высокой честности и неутомимыми дѣятелями на службѣ. Остающіеся въ живыхъ, и въ генеральскихъ чинахъ, относятся ко мнѣ съ тою же любовію, какую я видѣлъ отъ нихъ въ ихъ дѣтствѣ. Это составляетъ для меня и въ настоящее время великое утѣшеніе. Таковы были благотворныя послѣдствія милости, оказанной владыкою почтенному семейству любимаго имъ протоіерея“.

Намъ припоминается здѣсь два разсказа покойнаго владыки, относящіеся къ этому времени его жизни. Когда, послѣ смерти моего тестя, говорилъ преосвященный Амвросій, я поселился въ его домѣ вмѣстѣ съ его семействомъ, квартира наша казалась довольно помѣстительною и удобною; но потомъ,

¹⁾ В. п. Р. 1897 т. I. ч. I, стр. 294.

²⁾ Т. е. теща.

съ каждымъ годомъ начинаю замѣчать, что она дѣлается все тѣснѣе и тѣснѣе. Что бы, думаю, значило это? Оказывается, что недоумѣніе мое разъяснилось просто: сироты стали подростать, вытягиваться, занимая больше мѣста за столомъ и съуживая комнаты своими удлинившимися ногами. Другой рассказъ прекрасно характеризуетъ покойнаго преосвященнаго, который отличался прямою, откровенностію, характеромъ твердымъ и настойчивымъ въ осуществленіи предпринятаго рѣшенія, хотя бы оно касалось и чего-либо незначительнаго. „Когда я поселился въ семействѣ моего тестя, рассказывалъ онъ, мнѣ захотѣлось купить турецкій диванъ, а денегъ не было. Толкуюсь я о своемъ диванѣ день—два, мѣсяць, другой, третій. „Да на что тебѣ нуженъ онъ?—У насъ его и поставить негдѣ“, замѣтила жена. „Да онъ мнѣ нуженъ на то, чтобы выкинуть его изъ своей головы. Онъ сидитъ тамъ и ни о чемъ иномъ мнѣ думать не даетъ“, отвѣтилъ я.—„Ну, въ такомъ случаѣ покупай“, сказала жена. И турецкій диванъ былъ купленъ.

Какъ ни богатъ былъ приходъ Казанской, у Калужскихъ воротъ, церкви, но онъ не могъ давать достаточныхъ средствъ о. А. Ключареву для содержанія многолюдной семьи и воспитанія сиротъ Владимірскихъ. Нужно было добывать средства какимъ-либо инымъ образомъ, помимо прихода. Наиболее удобнымъ источникомъ для добыванія такихъ средствъ были, конечно, уроки по закону Божию. О. А. Ключаревъ не былъ, впрочемъ, законоучителемъ ни въ одномъ учебномъ заведеніи; но за то онъ имѣлъ очень много уроковъ въ частныхъ аристократическихъ домахъ Москвы, такъ что рѣдко какой день онъ возвращался домой раньше 10-ти или 11-ти часовъ вечера. Сначала онъ занялъ уроки своего тестя въ домахъ Шереметевыхъ, Самариныхъ, Бутурлиныхъ, Шиповыхъ и др.; впоследствии же, когда онъ самъ сталъ извѣстенъ въ Москвѣ своею образованностію, гуманностію и умѣньемъ преподаванія, онъ сталъ занимать уроки въ лучшихъ домахъ москвичей во всѣхъ частяхъ города.

Къ сожалѣнію, это множество частныхъ уроковъ и обширный кругъ заведеннаго чрезъ нихъ знакомства поглощали у него все время. Проповѣдничество, о которомъ онъ мечталъ

еще будучи преподавателемъ вѣапской семинаріи, казалось, для него было невозможнымъ. За недостаткомъ времени о. А. Ключаревъ долго не писалъ ничего, кромѣ очередныхъ проповѣдей, назначаемыхъ разъ въ годъ для произнесенія въ Успенскомъ соборѣ. Что же оставалось дѣлать? Правда, предъ его глазами въ Москвѣ было два примѣра проповѣдниковъ, не писавшихъ, а просто импровизировавшихъ свои поученія народу и пользовавшихся въ то время обширною популярностію: первый—протоіерей Трехсвятительской, у Красныхъ воротъ, церкви о. Николай Петровичъ Друговъ—любимецъ простого народа, и второй—протоіерей Вознесенской, у Серпуховскихъ воротъ, церкви о. Сергій Николаевичъ Терновскій—любимецъ образованнаго общества; но о. А. Ключаревъ былъ слишкомъ скромнаго о себѣ мнѣнія и считалъ себя совершенно неспособнымъ къ импровизаціи поученій. Скоро, впрочемъ, случай побудилъ его къ этому роду пастырской дѣятельности. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ самъ покойный святитель ¹⁾. „Тридцать лѣтъ (худо ли, хорошо-ли, не мнѣ судить) я упражнялся въ устной проповѣди. Много было ошибокъ, много напрасно потрачено было труда, много прошло лѣтъ въ дѣятельности, такъ сказать, не вполне сознанный, не руководимый какими либо законами и правилами, почти инстинктивной. Да и гдѣ было взять эти законы и правила? Во время служенія моего священникомъ въ Москвѣ у меня былъ предъ глазами примѣръ моего сосѣда по приходу Вознесенскаго, у Серпуховскихъ воротъ, протоіерея С. Н. Терновскаго,—примѣръ завидный для молодого священника; но я и не помышлялъ о возможности подражанія. Выступилъ я на поприще импровизаціи, какъ говорится, совершенно случайно, т. е., неожиданно, но, конечно, не безъ всеблагаго указанія Промысла Божія, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ. Расскажу это съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ въ этомъ имѣю случай изъяснить благодарность памяти моего благодѣтеля, давно уже усопшаго, который подвинулъ меня на это дѣло.

„Въ Москвѣ еще свѣжа память объ умномъ и весьма замѣ-

¹⁾ Живое Слово, 1892, стр. 58 и сл.

чательномъ по характеру и дѣятельности баринѣ прежняго типа Θεодорѣ Васильевичѣ Самаринѣ, отцѣ пзвѣстнаго Юрія Θεодоровича. Съ самаго начала моего священническаго служенія въ 1849 году я имѣлъ честь (дѣйствительную честь) по семейнымъ мопмъ обстоятельствамъ сдѣлаться ему извѣстнымъ. Въ то время здоровье Θεодора Васильевича уже слабѣло, онъ духовно располагался уже къ приготовленію себя на путь къ вѣчной жизни и пригласилъ меня къ себѣ для чтенія книгъ и собесѣдованія по одному и по два раза въ недѣлю. Такъ тщательно онъ заботился объ очищеніи своей совѣсти, такъ внимательно въ чувствѣ покаянія останавливался на каждомъ шагу своей прошедшей жизни, такъ старался щедрою благотворительностію (и между прочимъ чрезъ мои руки) покрыть сознаваемые имъ грѣхи, что представлялъ для меня поучительный примѣръ живой вѣры и твердаго христіанскаго характера. При частыхъ сношеніяхъ велись между нами продолжительныя и разнообразныя бесѣды. Однажды я пріѣхалъ къ нему на другой день большого праздника и какъ-то по ходу рѣчи сталъ ему жаловаться на безпорядочность нашего простого народа при исполненіи обрядовъ, и особенно за все-нощными бдѣніями при поклоненіи свв. иконамъ и помазаніи св. елеемъ. И вотъ, къ какому разговору между нами подало поводъ это мое замѣчаніе:

— „Что же вы народъ не останавливаете? говоритъ Θεодоръ Васильевичъ.

— „Да какъ мы его остановимъ,—отвѣчаю я, когда и полиція часто не знаетъ, что съ нимъ дѣлать?

— „Вы обязаны говорить народу и учить его, когда замѣчаете въ храмѣ безпорядки; кто-же и долженъ это дѣлать, если не вы?

— „Такъ, но мы можемъ говорить это въ проповѣдяхъ только по праздникамъ; одни изъ народа придутъ въ церковь и услышатъ наше слово, а другіе нѣтъ; да и тѣ, которые слышатъ, скоро забываютъ, или не считаютъ себя обязанными исполнять слышанное.

— „Говорите чаще, говорите всякій разъ и въ ту самую минуту, когда замѣчаете безпорядокъ, обличайте на мѣстѣ на-

рушителей порядка,—тогда всѣ будутъ васъ слышать и привыкнуть слушаться!

— „Ну, къ этому мы не привыкли,—говорю я; не водится у насъ и не умѣемъ мы говорить сейчасъ, въ данную минуту, по требованію обстоятельствъ.“

— „Какъ вамъ не стыдно говорить это,—отвѣчаетъ, возвышая голосъ, вспыльчивый Федоръ Васильевичъ:—вы говорите со мной по дѣльнымъ часамъ, говорите свободно о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и не можете сказать нѣсколько словъ вашимъ прихожанамъ, когда это крайне нужно!—Вы, особенно Вы,—непремѣнно должны это дѣлать! Не умѣете,—учитесь, привыкайте! „Крѣпко задумался я, возвращаясь домой отъ почтеннаго старца. Вотъ какъ, думаю, умные люди,—сторонніе, понимаютъ наши обязанности, и какіе прекрасные даютъ намъ совѣты! Что же мы? Да, „стыдно намъ“! У меня была умная семья, были въ ней родственники, получившіе высшее образованіе; я сообщилъ имъ мысль Самарина; всѣ единодушно ее одобрили. Я рѣшился въ слѣдующее же воскресенье произнести неписанное слово. Обстоятельства благоприятствовали: у насъ строилась трапезная церковь, богослуженіе совершалось въ небольшой холодной церкви, и была по праздникамъ одна ранняя литургія, въ которой собирался почти одинъ простой народъ. Слушатели, думаю, будутъ у меня простые: если и замнусь и ошибусь въ чемъ нибудь, не взыщутъ. Приготовился я, обдумалъ проповѣдь; предмета, избраннаго тогда мною, теперь не помню. Началъ служить литургію въ озабоченномъ состояніи духа. По той мѣрѣ, какъ приближалось время проповѣди, я сталъ чувствовать возрастающее безпокойство, и когда надо было отверзать царскія врата послѣ приобщенія, и мнѣ слѣдовало приказать поставить аналогій, мною овладѣлъ такой страхъ, что я едва прочиталъ заамвонную молитву, чуть не лихорада приняла меня,—и я для проповѣди не вышелъ... Прихожу домой,—спрашиваютъ: „что съ вами? Почему вы не говорили слова?“—„Оробѣлъ“—отвѣчаю я.—„Чего? почему?“—„И самъ не знаю“.—И горько, и стыдно было мнѣ моего малодушія, но тѣмъ не менѣе преодолѣть страхъ на этотъ разъ было выше силъ моихъ. Всѣ дни не-

дѣли до слѣдующаго воскресенья я былъ въ грустномъ настроеніи духа, съ Самаринымъ разговора объ этомъ не возобновлялъ, опасаясь справедливаго отъ него замѣчанія и пристыженія. Наканунѣ слѣдующаго воскресенья я рѣшился повторить опытъ. Далъ своимъ домашнимъ, которые также сочувствовали моей заботѣ, честное слово, что упаду у аналогія, но выйду. Это была недѣля предъ началомъ постной тріоди и предстояло чтеніе Евангелія о Закхеѣ. Размышляя о содержаніи предстоящаго Евангелія, думая про себя: вѣдь смогу же я рассказать, какъ малорослый Закхей взлѣзъ на дерево, чтобы видѣть Иисуса Христа, какъ увидѣлъ его и обратился къ нему Господь, какъ былъ въ его домѣ и что говорилъ и прочее. Вѣдь маленькія дѣти это рассказываютъ. Въ крайнемъ случаѣ смущенія, запутанности въ словахъ, опасности замолчать, скажу „аминь“ и сдѣлаю видъ, что почувствовалъ нездоровье. Пришедши къ Богослуженію, чтобы обязать себя, я заранѣе распорядился, чтобы былъ поставленъ аналогій, сказалъ, что будетъ проповѣдь; а про себя повторилъ: „упаду, но выйду!“ Вышелъ, перекрестился, и какъ только сказалъ первыя слова о Закхеѣ,—страхъ исчезъ совершенно, я почувствовалъ какую-то радость, что побѣдилъ, повидимому, непобѣдимое препятствіе,—говорилъ совершенно спокойно и развязно,—вывелъ изъ событія приличное назиданіе; однимъ словомъ, сказалъ проповѣдь во всей формѣ. Пришелъ я домой совершенно счастливый, родные меня поздравляютъ съ успѣхомъ, у нѣкоторыхъ на глазвхъ выступили слезы,—и съ тѣхъ поръ день праведнаго Закхея я встрѣчаю, какъ великій праздникъ и, кажется, во всѣ тридцать лѣтъ не оставлялъ этого дня безъ проповѣди“.

Этотъ рассказъ показываетъ намъ, съ какою нерѣшительностію и съ какимъ трудомъ о. А. О. Ключаревъ началъ въ Москвѣ свое импровизаторское проповѣдничество. Въ этомъ отношеніи онъ впоследствии много работалъ надъ собою. Онъ проповѣдывалъ почти каждый воскресный и праздничный день живымъ, устнымъ словомъ, пока произнесеніе поученій такого рода не обратилось у него въ нравственную потребность, какъ обязанность его служенія, какъ его призваніе. „Когда

почему-нибудь проповѣди, бывало, не пригото­вишь,—говорилъ онъ, уже будучи харьковскимъ архіепископомъ,—и видишь, какъ народъ заранѣе придвигается къ аналогію, становится скучно и тяжело на душѣ, и выходишь изъ церкви съ смущенною совѣстію, точно сдѣлалъ какое-нибудь дурное дѣло. Оно и дѣйствительно выходитъ дурное: не исполнена святая обязанность“.

Нѣтъ сомнѣнія, что о. Алексѣй Ключаревъ отъ природы имѣлъ богатая дарованія и склонность къ ораторскому искусству; частый опытъ давалъ ему поводъ и возможность къ дальнѣйшему развитію этой способности. Тѣмъ не менѣе только постепенно и мало-по-малу онъ достигъ той степени свободнаго обладанія живымъ словомъ и импровизированною рѣчью, на которой онъ стоялъ уже во время своего пастырскаго служенія въ Москвѣ.

О вѣкоторыхъ случавшихся затрудненіяхъ при произнесеніи написанныхъ поученій вспоминаетъ и онъ самъ въ своемъ „Живомъ словѣ“. „Однажды,—говоритъ онъ,—въ одной изъ московскихъ больницъ, при открытіи общества попеченія о бѣдныхъ, выходящихъ изъ больницы, я вздумалъ сказать рѣчь, не приготовившись къ ней заранѣе, какъ говорится, подъ вліяніемъ впечатлѣнія. Началъ, какъ слѣдуетъ, планъ представлялся довольно ясный; но только переступилъ я за половину рѣчи, какъ постигъ меня этотъ, говоря по-просту, *столбнякъ*. Я смутился, оборвалъ рѣчь, и долженъ былъ сѣсть на мѣсто, когда слушатели видѣли, что дѣло еще не кончено. Въ другой разъ,—продолжаетъ преосвященный Амвросій,—при служеніи преосвященнаго Леонида, въ своей приходской церкви я говорилъ проповѣдь по случаю открытія въ приходѣ „попечительнаго совѣта о приходскихъ бѣдныхъ“—о нравственномъ значеніи и пользѣ этого учрежденія,—и также къ половинѣ слова потерялъ содержаніе рѣчи, но тутъ-же я рѣшился не подвергать себя стыду при огромномъ стеченіи народа, а какъ-нибудь выдти изъ затруднительнаго положенія. Я остановился, вынулъ платокъ, утерся, помедлилъ нѣсколько секундъ, какъ-бы желая передохнуть и ухватился за первую мысль, которая представилась подходящею къ самому случаю рѣчи (котораго

уже нельзя забыть), не заботясь,—она ли слѣдуетъ по плану, или нѣтъ,—и только принялся за ея выраженіе, какъ мгновенно возвратилась ясность взгляда на все предстоявшее содержаніе слова“.

Такихъ случаевъ въ проповѣднической дѣятельности о. А. О. Ключарева въ Москвѣ было однако-же немного; самъ онъ могъ припомнить только два. Въ общемъ же его импровизаторскій талантъ постоянно усовершенствовался, и слава о немъ быстро расходилась по Москвѣ. Число слушателей постоянно увеличивалось. Многие приходили въ его церковь исключительно ради его живого слова изъ отдаленныхъ окраинъ Москвы, и, если проповѣди почему-либо не было, они оставляли церковь съ грустью и разочарованіемъ. Объ одномъ такомъ случаѣ припоминаетъ въ своемъ „Живомъ словѣ“ и самъ преосвященный Амвросій, рассказывая о немъ не въ похвалу себѣ, а скорѣе—въ свое осужденіе. „Еще въ первые годы, когда я началъ говорить свои проповѣди за ранними литургіями, пишетъ онъ, однажды зимою, не помню почему, можетъ быть, по лѣности, проповѣди я не говорилъ. И вотъ, по окончаніи литургіи, когда я вышелъ съ крестомъ къ народу, вижу, съ усиленіемъ проталкивается ко мнѣ почтенный, сѣдовласый старикъ—крестьянинъ; приложившись ко кресту и обратившись ко мнѣ, онъ громко, на всю церковь говоритъ: „батюшка! я съ четырехъ часовъ утра шелъ съ Воробьевыхъ горъ къ Калужскимъ воротамъ, по поясъ въ снѣгу—къ вамъ проповѣдь слушать, а проповѣди-то и не было“... „Извини, дѣдушка, отвѣчалъ я, а самому и стыдно, и жалко стало, что я опустилъ случай доставить благочестивому человѣку духовное утѣшеніе“.

Кто судить о проповѣдничествѣ преосвященнаго Амвросія только по однимъ писаннымъ и напечатаннымъ проповѣдямъ его, тотъ составитъ себѣ неизбѣжно лишь одностороннее представленіе. Его импровизированныя проповѣди имѣли существенно иной характеръ, чѣмъ проповѣди заранѣе написанныя и напечатанныя. Послѣднія онъ предназначалъ для обширнаго круга читателей, для лицъ интеллигентныхъ и научно образованныхъ, болѣе для чтенія, чѣмъ для слушанія (нѣкоторыя изъ нихъ онъ даже прямо печаталъ безъ предварительнаго произнесенія ихъ

въ церкви); въ нихъ онъ говоритъ больше уму, чѣмъ сердцу, а потому всѣ онѣ и отличаются серьезною, научною или философскою постановкою; нѣкоторые писатели поэтому называли ихъ прямо *трактатами* (мнѣніе это, впрочемъ, ошибочно). Въ своихъ проповѣдяхъ импровизированныхъ, не писанныхъ и не печатанныхъ, но произнесенныхъ только живымъ словомъ, онъ имѣлъ въ виду напротивъ лишь простой, неученый народъ, который только и посѣщаетъ церковное богослуженіе; въ нихъ онъ говоритъ, за ранними литургіями, уже не столько уму, сколько сердцу своихъ благочестивыхъ слушателей, а потому онѣ и отличались всегда простотою, ясностію, общедоступностію и сердечностію изложенія. „Архіепископомъ Амвросіемъ, справедливо говоритъ священникъ А. Полозовъ въ „Церков. Вѣд.“ (1901, № 38), напечатано далеко не все, что было произнесено. Онъ, какъ извѣстно, неустанно проповѣдывалъ слово Божіе, и народныя массы охотно любили его слушать, когда онъ просто, ясно и сердечно обращался къ нимъ однимъ. Эти, не писанныя, но не менѣе обильныя и цѣнныя, чѣмъ печатныя поученія покойнаго витія были и сердечны, и доступны всѣмъ и каждому, и вызывали слезы умиленія“. Такъ какъ свои импровизаціи о. А. О. Ключаревъ предназначалъ главнымъ образомъ для простаго народа, то иногда, въ шутку, онъ называлъ ихъ просто „*мужскими* проповѣдями“. И онъ не ошибался. Простой народъ зналъ свои проповѣди и любилъ ихъ: онъ цѣнилъ ихъ выше даже ученыхъ и напечатанныхъ проповѣдей своего любимаго витія. Объ этомъ зналъ и самъ проповѣдникъ. „Мнѣ объяснили разницу между проповѣдями обдуманными, обдѣланными, и импровизированными поученіями, говоритъ онъ, мои бывшіе прихожане, большею частію, люди простые. Я дарилъ имъ свои печатныя проповѣди; прочитавши ихъ, они мнѣ говорили: „благодаримъ, но вотъ тѣ проповѣди, которыя вы говорите намъ каждое воскресенье, лучше“.

Какое благотворное вліяніе имѣли на слушателей проповѣди о. Алексѣя Осиповича, объ этомъ можно уже судить по письму какого-то московскаго старожила, писанному въ 1883 году уже въ Харьковъ преосвященному Амвросію и случайно сохранившемуся въ его бумагахъ. Вотъ это письмо. „Преосвя-

щеннѣйшій владыко! Съ давняго времени слушая ваши высокія и глубоко прочувствованныя поученія, показывающія силу вашего обширнаго ума и краснорѣчія, я всегда выносилъ изъ храма Божія весьма полезныя и назидательныя для себя уроки, которые въ образѣ жизни моею во многомъ остались не безслѣдны. Кромѣ того, ваше вниманіе ко мнѣ грѣшному и недостойному слушателю неоднократно выражалось въ храмѣ Божіемъ. Многіе изъ предстоявшихъ это видѣли, а я приходилъ въ смущеніе. Не знаю, чѣмъ могъ я заслужить такое вниманіе. Быть можетъ, какъ давнишній и постоянный слушатель вашъ, или вы замѣчали мои слезы и благосердествовали ко мнѣ! Да, дѣйствительно, это были слезы искренняго самосознанія, это были слезы покаянія, эти слезы—плодъ вашихъ трогательныхъ и задушевныхъ поученій! Я не могу пройти все это молчаніемъ, въ противномъ случаѣ тяжело было бы моему сердцу. Вотъ почему я счелъ своею непремѣнною обязанностію усерднѣйше и нижайше благодарить васъ, преосвященнѣйшій владыко, за дорогія для меня минуты, проведенныя во храмѣ Божіемъ во время назидательныхъ поученій вашихъ. Простите мою откровенность и мое признаніе. Помолитесь за меня, грѣшнаго, Господу, да отставитъ отъ меня путь неправды и благостию своею помилуетъ меня. Степанъ Николаевичъ Старковъ“.

Ревность и усердіе о. А. О. Ключарева къ проповѣданію слова Божія поражали всѣхъ близко знавшихъ его. „Вы ежедневно, съ утра до вечера разъѣзжаете по урокамъ; когда же вы готовитесь къ своимъ проповѣдямъ, которыя вы произносите каждое воскресенье и каждый праздникъ?“ спросила его однажды знакомая. Когда?—переспросилъ ее о. Алексѣй Осиповичъ. „Сижу на извощикѣ и обдумываю“...

Но если съ большимъ трудомъ о. Алексѣй Осиповичъ выработывалъ въ себѣ способность къ импровизаторскому проповѣдничеству, то еще съ бѣльшимъ трудомъ пришлось ему пріобрѣтать умѣнье писать проповѣди. Главное затрудненіе заключалось, впрочемъ, въ томъ, что за исполненіемъ пастырскихъ обязанностей и многочисленностію частныхъ уроковъ по преподаванію закона Божія, въ первое время службы у него со-

вершено не было свободнаго времени. Онъ почти ничего не писалъ для печати въ теченіе перваго десятилѣтія по поступленіи въ Москву на мѣсто приходскаго священника, а проповѣди писалъ, какъ мы сказали выше, только очередныя, по назначенію консисторіи для произнесенія въ Большомъ Успенскомъ соборѣ. Вотъ что писалъ въ 1897 году самъ преосвященный Амвросій въ своихъ „Воспомяніяхъ“ о своихъ первыхъ опытахъ въ писаніи проповѣдей. „Московскому духовенству памятно, какое тщательное вниманіе митрополитъ Филаретъ обращалъ на очередныя проповѣди священниковъ, а также и діаконовъ, при ихъ прошеніяхъ на священническія мѣста. По проповѣдямъ онъ оцѣнивалъ способности священнослужителей и выбиралъ людей. И никто не могъ сказать, чтобы кто-нибудь изъ даровитыхъ людей былъ имъ не замѣченъ. Всѣ должности по епархіальной службѣ были замѣщаемы имъ достойнѣйшими людьми. Мнѣ же самую строгую школу пришлось пройти именно въ дѣлѣ проповѣди. Съ самаго начала, по сравненію съ академическими диссертациями, мнѣ казалось нетруднымъ написать небольшую проповѣдь. Я и написалъ первую проповѣдь безъ особенной заботливости. И вотъ, когда я пришелъ получить ее отъ владыки обратно, онъ вышелъ ко мнѣ гнѣвный и, отдавая вчетверо сложенную рукопись, сказалъ: „На,—у меня діаконы лучше пишутъ. Надо больше разсуждать“. Это—первый урокъ. Потомъ между также неудачными проповѣдями одна заслужила одобренія владыки, и онъ, отдавая ее, сказалъ: „Хороша твоя проповѣдь, спасибо тебѣ“. Но послѣ этой пошли одна за другой неудачнѣе. Отъ того ли, что я ничего не писалъ, кромѣ очередныхъ проповѣдей, назначаемыхъ разъ въ годъ для Успенскаго собора, и отвыкъ отъ сочиненій, или хитрилъ въ выборѣ темъ и отъ лишняго старанія осложнялъ дѣло, или, наконецъ, не умѣлъ разбираться въ хаосѣ представляющихся мыслей (чѣмъ всегда затруднялся), только почти все, что было представляемо, не было разрѣшаемо для произнесенія, и владыка все напоминалъ мнѣ объ удачной проповѣди: „Ты прежде лучше писалъ“. Разъ онъ отдалъ мнѣ проповѣдь со словами: „Ученіе изложено правильно“, но всетаки произносить не дозволилъ. Но особенно

памятенъ мнѣ одинъ случай. Я представилъ длинную проповѣдь. Владыка, держа ее въ рукахъ, говоритъ: „есть частныя мысли хорошія: но кто станетъ слушать такую нѣмецкую проповѣдь?“ Я сказалъ въ свою защиту:

— „Но вѣдь я старался, владыка святой, мнѣ хотѣлось раскрыть предметъ.“

— „Да ты пиши себѣ дома хоть цѣлую книгу, а тутъ надо дѣлать, что велятъ.“

„Грустно мнѣ стало; слезы градомъ полились изъ глазъ. Владыко сказалъ:

— „Ну, ты успокойся!“

„Принявъ благословеніе, я пошелъ вонъ изъ длинной приѣмной комнагы. Но лишь только я приблизился къ двери, владыка вслѣдъ мнѣ очень громко произнесъ:

— „Да, ты успокойся!“

„Не легко было успокоиться.“

„Часто я обдумывалъ свое положеніе и искалъ объясненій строгаго обращенія, а иногда и рѣзкихъ замѣчаній владыки по разнымъ представлявшимся случаямъ. Когда мои сверстники получали разныя должности по епархіальному управленію, мнѣ никакой не давали. Между тѣмъ слышу отъ одного архимандрита отзвѣтъ владыки обо мнѣ: „онъ человекъ мыслящій“. Другой говоритъ мнѣ: „васъ предлагали въ члены консисторіи, но митрополитъ сказалъ: не развлекайте его!“ Что все это значило, объяснилось въ 1863 году. Къ этому объясненію я и клоню весь рассказъ о всѣхъ моихъ неудачахъ въ проповѣдничествѣ, чтобы читатели имѣли возможность видѣть, что значило строгое обращеніе митрополита съ духовенствомъ, и какъ мудро и терпѣливо воспитывалъ онъ въ молодыхъ священникахъ способность и усердіе къ дѣлу.“

„20 декабря 1863 года я чрезъ секретаря представилъ владыкѣ проповѣдь на Новый годъ „О воспитаніи характеровъ“. Меня ввели въ спальню владыки. Я увидѣлъ его сидящимъ въ глубинѣ комнаты на липовой кровати съ перомъ въ рукахъ. Онъ указалъ мнѣ на близь стоящій стулъ и сказалъ:

— „Садись, читай!“

„Я началъ чтеніе, владыка молчитъ. По временамъ я взгля-

дываю на него и замѣчаю, что онъ пристально на меня смотритъ, и глаза его горятъ. Я кончилъ и услышалъ безъ всякихъ замѣчаній два слова: „скажи въ соборѣ“. Въ первый день Новаго года я произнесъ въ Успенскомъ соборѣ проповѣдь. Когда въ урочное время, по произнесеніи, я подошелъ принять благословеніе владыки, онъ сказалъ: „зайди ко мнѣ“. Это значило, какъ мнѣ обяснили, зайти на чай и завтракъ въ Чудовомъ монастырѣ. Отъ волненія и неожиданности мнѣ было не до завтрака. По окончаніи завтрака, я изъ послѣднихъ подошелъ къ владыкѣ благодарить и принять благословеніе. Онъ взялъ меня за руку и говоритъ:

— „Вчера я представилъ тебя въ протоіереи, остальное сдѣлаетъ Святѣйшій Синодъ.“

„Итакъ, это представленіе послано на другой день по прочтеніи ему моей проповѣди“.

Строгая школа Филарета, какъ показываетъ вся вообще проповѣдническая дѣятельность преосвященнаго Амвросія, не была для него бесполезною. О. А. О. Ключаревъ сталъ именно такимъ проповѣдникомъ, какимъ и хотѣлъ его видѣть митрополитъ Филаретъ: проповѣдникомъ глубоко и серьезно разсуждающимъ. Онъ отказался отъ той мысли, что хорошую проповѣдь написать легко. Опытъ разубѣдилъ его въ этомъ. Усопшій архимонастырь всегда обдумывалъ планъ своихъ проповѣдей долго и обстоятельно; затѣмъ онъ наносилъ его на бумагу и, неоднократно перечитывая его, исправлялъ, дополнял или измѣнял совершенно. И только послѣ того, когда планъ былъ выработанъ окончательно, онъ приступалъ къ послѣдовательному выполненію его. При писаніи своихъ проповѣдей онъ былъ крѣпе требователенъ къ себѣ: онъ взвѣшивалъ смыслъ каждаго слова, опасался тавтологій, избѣгалъ длинныхъ періодовъ. Съ этою цѣлію онъ имѣлъ обыкновение прежде произнесенія или печатанія нѣсколько разъ громко прочитывать свою проповѣдь, часто даже въ присутствіи другихъ, и обращалъ серьезное вниманіе на благозвучіе и плавность рѣчи. Съ этою-же цѣлію онъ всегда самъ читалъ и корректуру своихъ проповѣдей. „Когда я былъ священникомъ въ Москвѣ, рассказывалъ онъ уже въ Харьковѣ, моимъ первымъ и луч-

шимъ цензоромъ была всегда моя жена. Если она высказывала одобреніе, если ей нравилась моя проповѣдь по своему содержанию и изложенію, я былъ покоенъ: значить, мою проповѣдью будутъ довольны и мои слушатели въ церкви“. Своимъ основнымъ требованіемъ А. О. Ключаревъ признавалъ слѣдующее: 1) точное обслѣдованіе предмета и 2) краткое, но ясное, точное, живое и безхитростное изложеніе его. Выполнить это требованіе, очевидно, не легко. Оттого черновики проповѣдей преосвященнаго Амвросія всегда были исписаны дополненіями, измѣненіями или зачеркнутыми мѣстами въ такой степени, что ихъ переписывать могли немногіе. Иногда самъ преосвященный переписывалъ свои проповѣди начерно по нѣсколько разъ. Эта кабинетная работа оставалась сокрытою для постороннихъ, и читатели поэтому не знали, какимъ тяжелымъ и упорнымъ трудомъ были созданы чудныя, образцовыя проповѣди покойнаго святителя, объединявшія въ себѣ достоинство проповѣдей Филарета по глубинѣ мыслей и достоинство Иннокентія (Борисова) по изящности, живости и картинности изложенія.

Съ 1864 года Московскія Вѣдомости, Домашняя Бесѣда и другія *святскія* періодическія изданія начинаютъ печатать проповѣди знаменитаго московскаго проповѣдника, протоіерея А. О. Ключарева. Явленіе—исключительное и рѣдкое. Причина этого заключается въ томъ, что проповѣди о. А. О. Ключарева уже съ самаго начала приняли тотъ основной характеръ, какимъ они отличались до самой смерти проповѣдника. „Мы весьма рѣдко и неохотно помѣщаемъ въ *Домашней Бесѣдѣ* слова и поученія in extenso,—писалъ Аскочепскій еще въ 1872 году; но все, что выходитъ изъ устъ и изъ подъ пера знаменитаго московскаго проповѣдника, отца протоіерея А. О. Ключарева, само собою просится на возможно-широкое распространеніе. Никто такъ смѣло не касается глубокихъ общественныхъ ранъ, никто съ такимъ искусствомъ не вскрываетъ повапленныхъ гробовъ современнаго прогресса и всемутящей цивилизаціи, какъ онъ, и ничьи проповѣди не читаются съ большимъ наслажденіемъ и неотрицаемою пользою, како его. Это—одинъ изъ тѣхъ достойныхъ дѣлателей нивы

Христовой, о посланіи которыхъ міру современному молитъ онъ самъ Господа Бога“. Этотъ краткій отзывъ о проповѣдяхъ о. А. Ключарева за время его служенія въ должности приходского священника совершенно вѣренъ. Наши читатели, безъ сомнѣнія, имѣютъ вѣрное представленіе объ этомъ времени, чтобы здѣсь говорить о немъ подробно. Это было время 60-хъ и 70-хъ годовъ; время господства всевозможныхъ крайнихъ и враждебныхъ благоустройству Россіи и Христовой Церкви ученій—матеріалистическихъ, социалистическихъ, нигилистическихъ, коммунистическихъ, анархическихъ и атеистическихъ, —время, закончившееся роковымъ событіемъ 1-го марта, навсегда омрачившимъ честь тогдашней Россіи. Москва—сердце Россіи—выступила за спасеніе отечества. Имя Каткова, какъ публициста, останется священнымъ для каждаго истинно русскаго человѣка... На церковную кафедру Промыслъ Божій возвелъ Ключарева...

Протоіерей Т. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ Московскомъ государствѣ въ концѣ XV и первой половинѣ XVI в.в.

(Исслѣдованіе по памятникамъ древне-русской письменности конца XV и первой половины XVI в.в.).

I.

Какъ совершился въ нашей исторіи переходъ отъ удѣльнаго періода къ періоду Московскаго единодержавія и самодержавія. Краткая характеристика взятой эпохи (кон. XV и перв. полов. XVI в.в.). Русское духовенство и монашество, какъ одинъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ развитію новаго порядка политической жизни въ Московскомъ государствѣ.

Вопросъ о томъ, какъ въ нашей исторіи совершился переходъ отъ такъ называемаго удѣльнаго періода съ родовымъ порядкомъ наслѣдованія княжеской власти къ періоду Московскаго единодержавія и потомъ самодержавія, когда прежній родовой порядокъ началъ уступать мѣсто порядку государственному, — вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ великую важность. Рѣшить этотъ вопросъ значитъ охарактеризовать одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ историческаго роста русскаго народнаго самосознанія. Естественно поэтому, что наши историки занимались этимъ вопросомъ, но, какъ почти всегда бываетъ, приходили къ различнымъ рѣшеніямъ его.

С. М. Соловьевъ, первый изъ историковъ, занявшійся разработкою даннаго вопроса, въ своихъ сочиненіяхъ ¹⁾ высказалъ на этотъ разъ весьма оригинальную и остроумную тео-

¹⁾ „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“ М. 1845; „Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикава дома“ М. 1847 г.; „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Т. II, изд. 5, М. 1879.

рію. По его мѣнію, государственная исторія Россіи до XIII в. представляетъ исключительное господство родовыхъ отношеній: всѣ князья суть члены одного княжескаго рода, вся Россія составляетъ его нераздѣльную родовую собственность. При такомъ порядкѣ не можетъ быть рѣчи о частной собственности князей, не можетъ быть понятія объ удѣлѣ. Рѣчь идетъ лишь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ, и за это всѣ споры, всѣ междоусобія. Владѣніе, города, области имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Словомъ, всѣ междукняжескія отношенія указаннаго времени опредѣляются однѣми личными, родственными, кровными связями: всѣ счеты происходятъ изъ-за старшинства, дающаго высшее или низшее мѣсто въ общей родовой княжеской іерархіи и, сообразно съ этимъ, то или другое владѣніе. Эпоха, въ теченіе которой царитъ данный порядокъ вещей, частнѣе можетъ быть подраздѣлена такимъ образомъ: съ начала такъ называемаго періода удѣловъ—отъ Ярослава до смерти Мстислава I—столкновенія и распри между князьями происходятъ вслѣдствіе исключенія изъ общаго владѣнія племянниковъ дядями; съ этого времени до Андрея Боголюбскаго возникаетъ уже борьба между князьями за старшинство, дающее право на такое или другое владѣніе, и преимущественно Кіевомъ. Князь Андрей Боголюбскій полагаетъ пачало новому порядку вещей. Этотъ князь, которому не полюбилось Кіевское княженіе, который предпочелъ славному и богатому Кіеву бѣдный Владиміръ на Клязьмѣ, обосновался на сѣверѣ и создалъ себѣ здѣсь независимое, могущественное положеніе, давшее ему возможность перемѣнить прежнее поведеніе старшаго князя относительно младшихъ, измѣнить родовыя отношенія къ младшимъ или слабѣйшимъ князьямъ въ государственныя. Примѣръ Боголюбскаго могъ оказаться и дѣйствительно оказался плодотворнымъ только въ сѣверной Руси. „Въ южной половинѣ Руси—говоритъ Соловьевъ—онъ не нашелъ подражателей: здѣсь не умѣли и не хотѣли понять важности этого явленія, не могли подражать ему; здѣсь самые доблестные князья обнаружили

отчаянное сопротивленіе ему; здѣсь старыя преданія были слишкомъ укоренены; здѣсь ни одинъ князь не обладалъ достаточною матеріальною силою для того, чтобы создать для себя независимое и могущественное положеніе въ своей волости; здѣсь, при борьбѣ разныхъ племенъ (липій) Ярославова потомства за старшинство, это старшинство и столъ Кіевскій обыкновенно доставался старшему въ томъ племени, которое одерживало верхъ; власть великаго князя была крѣпка не количествомъ волостей, но совокупною силою всей родовой линіи, въ которой онъ былъ старшимъ...; наконецъ, утвержденію новаго порядка вещей на югѣ препятствовали разныя другія отношенія, основанныя или по крайней мѣрѣ, развивавшіяся, укрѣпившіяся въ силу родовыхъ отношеній княжескихъ: мы говоримъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ, городамъ, войску, составленному изъ пограничнаго варварскаго народонаселенія, извѣстнаго подъ именемъ черныхъ клобуковъ и т. п. Но другое дѣло на сѣверѣ: здѣсь была почва новая, дѣвственная, на которой новый порядокъ вещей могъ приняться гораздо легче, и точно принялся; здѣсь не было укорененныхъ старыхъ преданій о единствѣ рода княжескаго; сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этимъ шагомъ князя своего къ новому порядку вещей: Всеволодъ III наследуетъ стремленія брата своего; всѣ князья сѣверные происходятъ отъ этого Всеволода третьяго: слѣдовательно, между ними новое преданіе о княжескихъ отношеніяхъ есть преданіе родовое, преданіе отцовское и дѣдовское; но главное обстоятельство здѣсь было то, что новымъ стремленіямъ князей на сѣверѣ открылось свободное поприще, они не могли встрѣтить себѣ препятствій въ другихъ отношеніяхъ, въ отношеніяхъ, къ народонаселенію страны... Еслибы на югѣ какой нибудь князь захотѣлъ ввести новый порядокъ вещей относительно счетовъ по волостямъ, то встрѣтилъ бы сильное сопротивленіе въ гордахъ, которое вмѣстѣ съ сопротивленіемъ многочисленной толпы князей-родичей, помѣшало бы ему достигнуть своей цѣли. Но существовало-ли это препятствіе на сѣверѣ? Господствовали-ли тамъ тѣ неопредѣленные отношенія между князьями и гражданами, какія существовали въ старыхъ городахъ, старыхъ общинахъ, какія были остаткомъ прежнихъ родовыхъ

отношеній народонаселенія къ старшинамъ и поддерживались родовыми отношеніями, безпрестанными переходами и усобицами князей Рюрикovichей? Здѣсь, на сѣверѣ, въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Святославичей, а съ другой соприкасающейся съ владѣніями Великаго Новгорода, въ этой суровой и рѣдко населенной странѣ находился только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода варяговъ: то былъ Ростовъ великій, отъ котораго вся окружающая страна получила названіе земли Ростовской. Скоро начали возникать около него города новые; сынъ Мономаха Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неутомимый; эти новопостроенные города входили къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, становились ихъ пригородами и должны были находиться въ ихъ волѣ; отсюда младшіе города или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тиуна; эта зависимость выражается въ лѣтописи такъ: „на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды стануть“. Ясно, что если въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ пригородамъ старшихъ, князь утвердитъ свой столъ, во власть его будетъ развиваться гораздо свободнѣе; при этомъ не забудемъ, что въ Ростовской области всѣ эти новые города были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностію. Такимъ образомъ, на сѣверѣ, въ области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, вокругъ одинокаго Ростова, князь собралъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелнномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ, считалъ эти города своею собственностію, которою могъ распоряжаться: неудивительно послѣ того, что здѣсь явился первый князь, которому лѣтописецъ приписываетъ стремленіе къ единовластію, неудивительно, что здѣсь впервые явились понятія объ отдѣльной собственности княжеской, которую Боголюбскій успѣшилъ выдѣлить изъ общей родовой собственности Ярославичей, оставивъ примѣръ своимъ потомкамъ, могшимъ без-

препятственно имъ воспользоваться¹⁾. И потомки эти дѣйствительно имъ воспользовались: они дѣлили свою вотчину, княжескія, между дѣтьми; каждый старался усилить и умножить ее на счетъ другихъ, не уважая или мало уважая родовыя права, нормировавшія прежде между—княжескія отношенія. При такихъ обстоятельствахъ, одной княжеской линіи, а именно Московской, удалось усилиться надъ всѣми прочими. Результатомъ этого явилось отнятіе владѣній у прочихъ князей и ихъ подданническое служебное отношеніе къ Московскому; наконецъ, независимые князья совсѣмъ исчезли въ Россіи, и она обратилась въ Московское государство, окончательно основанное на развалинахъ прежняго удѣльнаго родового порядка Іоанномъ III-мъ и IV-мъ.

Таковъ взглядъ по разбираемому вопросу историка Соловьева. Сущность этого взгляда, какъ видимъ, состоитъ въ томъ, что пока вся земля была во владѣніи всѣхъ князей извѣстнаго княжескаго рода, у отдѣльнаго князя не было точки опоры для борьбы съ своими родичами и побѣды надъ ними. Но вотъ на сѣверѣ князья строятъ новые города и имѣя ихъ своею собственностію, получаютъ въ то же время твердую опору для своихъ властныхъ притязаній. Такъ начинается новый государственный порядокъ.

Остроумная гипотеза Соловьева о старыхъ и новыхъ городахъ встрѣтила сильное возраженіе со стороны К. Д. Кавелина. „Гипотеза о различіи старыхъ и новыхъ городовъ—говоритъ Кавелинъ—не нужна и весьма неправдоподобна. Дѣйствительно-ли различались новые города отъ старыхъ?... Мы съ своей стороны тщетно перебирали въ памяти историческіе факты, напрасно пересматривали лѣтописи: ни одно данное не приводитъ къ ней. Во первыхъ, въ устройствѣ старыхъ и новыхъ городовъ мы не находимъ рѣшительно никакой разницы; вольныя общины отличались особенной организаціей—это правда; но если всѣ вольные города древней Руси были старыя, то далеко нельзя сказать наоборотъ, что всѣ старыя города были вольныя. Напротивъ, лѣтописи представляютъ намъ

¹⁾ „Ист. Россіи съ древнѣйш. врем.“ изд. 5, т. II, стр. 230—234.

множество старыхъ городовъ, которые безусловно повиновались князьямъ, приходившимъ къ нимъ безъ призванія, и множество новыхъ городовъ, построенныхъ князьями, и въ сѣверо-восточной Россіи, которые не повиновались князьямъ и своевольствовали. Различіе между тѣми и другими невозможно провести, потому что устройство городовъ древней Руси не имѣло никакой опредѣленности, правильности, постоянства, которыя, при возмужалости народа, кладутъ особенную, неизмѣнную печать на всю исторію города и глубокими чертами отличаютъ ее отъ исторіи и быта всѣхъ другихъ городовъ... Исторія нашихъ городовъ въ древности служитъ этому неопровержимымъ доказательствомъ. Тѣ только изъ нихъ сохраняютъ самостоятельность, которые удалены отъ главной сцены дѣйствія русской исторіи; придетъ съ ними въ соприкосновеніе сильный князь—они отдаются ему „на всей его волѣ“, конечно, не безъ сопротивленія, но всетаки отдаются: князь на лицо—городъ исполняетъ его волю, нѣтъ—тогда городъ начинаетъ дѣйствовать, собираться на вѣче, распоряжается. Ослабѣютъ князья—города ихъ не слушаются и заключаютъ съ ними условія; усидлились они—города опять замолкли. А когда утвердилось московское единовластіе, достаточно было ста лѣтъ, чтобы сравнить какой нибудь Новгородъ со всѣми другими городами,—Новгородъ, который до конца XV вѣка составлялъ цѣлое государство съ огромной территоріей; а тогда еще не было и помяна о тѣхъ административныхъ средствахъ совершеннаго покоренія, которыя изобрѣтены уже въ новѣйшее время. Что можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ фактовъ? Не говорятъ-ли они, что тогда города сами по себѣ ничего не значили, что ихъ муниципальныя права не были правами, а обычаями, не имѣвшимъ даже юридическаго характера, потому что эти права не были созданы и усвоены и только въ отсутствіе или при слабости князей предъявляли свое существованіе. Стадо быть, не изъ характера новыхъ городовъ развилось понятіе объ отдѣльной княжеской собственности“ ¹⁾).

Какую же теорію на данный разъ предлагаетъ самъ Кавелинъ?

¹⁾ „Собравіе сочин. К. Д. Кавелина, т. I. СПб. 1897 г., стр. 237—239.

По его словамъ, „никакихъ сильныхъ переворотовъ во внутреннемъ составѣ нашего отечества не происходило; отсюда можно а priori безошибочно заключить, что всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самаго патріархальнаго, родового быта... Исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественно перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообща всею русскою землею. Такую картину представляетъ до-общественный, до-историческій бытъ всякаго человѣческаго общества. Отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочей осѣдлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою только по родству, старшинствомъ. Впоследствии они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробился на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли—областію или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждой отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе: стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество—ни болѣе, ни менѣе, какъ княжеская вотчина, наследственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распоряжаться безусловно. Когда эта мысль, конечно безсознательно, наконецъ, укрѣпилась и созрѣла, территоріальные, владѣльческіе интересы должны были одержать верхъ надъ личными, то есть, по тогдашнему кровными и родственными. Вотъ какимъ образомъ князья мало по-малу утратили живое сознаніе, что они члены одного рода, кровные между собою. Они стали относиться между собою, какъ владѣльцы, собственники, у которыхъ владѣльческіе интересы на первомъ планѣ. Родъ княжескій чрезъ это превратился во множество отдѣльныхъ, независимыхъ владѣльцевъ. Здѣсь лежитъ первый, хотя и слабый, зародышъ гражданскаго общества. Оно нестройно и без-

связно, потому что не судъ, не верховная власть опредѣляли ихъ отношенія, а произволъ и сила оружія. Одному изъ такихъ князей—собственниковъ удалось, наконецъ, съ помощію разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, усилиться на счетъ другихъ. Онъ и его преемники усердно, правдой и неправдой, прибирали владѣнія послѣднихъ къ своимъ рукамъ. Такъ образовалась огромная вотчина, въ которой исподволь стали появляться первые зачатки государства; но и они условливались не степенью нашего тогдашняго развитія, а, такъ сказать, громадностію факта, физическими средствами владѣльца. Этотъ порядокъ вещей продолжался два съ половиною вѣка, пока, наконецъ, въ началѣ XVIII в. Московское царство дѣйствительно преобразовалось въ политическое, государственное тѣло и стало державой въ настоящемъ значеніи слова¹⁾.

Взглядъ Кавелина въ свою очередь встрѣтилъ вѣское возраженіе со стороны Соловьева. Послѣдній замѣчаетъ, что указанный Кавелинымъ процессъ „изнашиванія“ родового начала невозможенъ, что процессъ этотъ долженъ вести къ слѣдствіямъ, какъ разъ противоположнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда территорія меньше, когда княжеская вѣтвь малочисленнѣе, тогда-то и представляется полная возможность развиться родовымъ отношеніямъ, укорениться понятію объ общемъ владѣніи, потому что обширная территорія и многочисленность княжескихъ вѣтвей всего болѣе содѣйствуютъ раздробленію рода, порванію родовой связи²⁾. Кавелинъ какъ будто опустилъ изъ виду, что съ раздѣленіемъ родовой единицы отдѣльные вѣтви ея могли сохранить у себя то понятіе, какое хранилось въ цѣломъ, и это тѣмъ удобнѣе, что, съ разложеніемъ рода, родовой счетъ вести было легче.

Тогда какъ Соловьевъ и Кавелинъ, при рѣшеніи вопроса о переходѣ удѣльнаго родового начала въ начало государственное, поставляютъ на видъ внутренній органической ходъ событій русской исторіи, не привнося при этомъ сюда никакихъ

¹⁾ „Собран. сочин., Т. I, стр. 235—237; см. также его „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ Ibid. стр. 6—66.

²⁾ См. полемику Соловьева съ Кавелинымъ по данному вопросу въ прилож. ко II т. „Истор. Росс. съ древнѣйш. врем.“, стр. 461—462.

внѣшнихъ положительныхъ факторовъ, проф. Д. Я. Самоквасовъ, при рѣшеніи того же вопроса, выдвигаетъ на первый планъ именно факторъ внѣшній, и въ немъ видитъ главный ключъ къ объясненію даннаго явленія. Такимъ факторомъ является у него завоеваніе Руси монголами.

По взгляду Самоквасова, со времени Ярослава Владиміровича всѣ области его державы (за исключеніемъ Новгородской земли, образовавшей изъ себя народоправство—республику, въ которой власть князя принималась только по волѣ народа) получаютъ значеніе родового владѣнія, наследуемаго по закону, измѣнить который сонаследники не имѣли права. Этотъ законъ состоялъ въ наследованіи государственной власти по началу отчины, въ порядкѣ бокового первородства т. е. старшимъ по степени, по линіи и по рожденію. До Всеволода Ольговича законное преемство великокняжеской власти опредѣляется исключительно родовымъ старшинствомъ.

Со времени Всеволода Ольговича до завоеванія Руси монголами наследованіе по началу отчины, въ порядкѣ бокового первородства, сохраняетъ значеніе законнаго порядка преемства великокняжеской власти; но споры между размножившимися потомками Ярослава за родовое старшинство и удѣлы въ родовомъ владѣніи выдвигаютъ волю народа, какъ силу, дающую преобладаніе одному претенденту надъ другимъ. Въ этомъ періодѣ законный порядокъ преемства государственной власти иногда нарушается, подъ вліяніемъ народной воли, склонявшейся на сторону князей, не имѣвшихъ за собою родового старшинства.

Завоеваніе Руси монголами, по Самоквасову, произвело рѣшительный переворотъ въ отношеніяхъ политическихъ силъ древней Руси. Это событіе превратило самостоятельныя удѣльныя государства въ части одного ханскаго улуса, подвластнаго волѣ хана, ярлыки котораго имѣли значеніе общихъ законовъ, обязательныхъ одинаково для всѣхъ русскихъ князей, для всѣхъ удѣльныхъ государствъ. Удѣлы русскихъ князей теряютъ характеръ родового владѣнія и получаютъ значеніе поземельной собственности, получаемой отъ хана—завоевателя. Власть русскихъ князей, потерявъ самостоятельность по отно-

шенію къ завоевателю, усилилась въ русской землѣ по отношенію къ русскому народу. Получивъ ярлыкъ въ ордѣ, русскій князь возвращался на родину полнымъ господиномъ своего удѣла, господствовалъ надъ нимъ именемъ верховнаго царя, какъ неограниченной власти надъ русскою землею. Подъ владычествомъ орды, борьба между русскими князьями получаетъ новый смыслъ по ея цѣли и новый характеръ по ея средствамъ. Цѣль борьбы составляетъ не родовое старѣйшинство, потерявшее прежній смыслъ, а расширеніе поземельныхъ владѣній. Средства борьбы опредѣляются не княжескими дружинами, а ханскою милостію. Родовое право князей является ничтожнымъ при столкновеніи съ выгодами завоевателя; значеніе старѣйшаго и сильнѣйшаго князя получаетъ тотъ изъ претендентовъ, за которымъ стоитъ сила орды.

За періодъ времени отъ завоеванія Руси монголами до времени Московскаго князя Юрія Даниловича законный порядокъ преемства великокняжеской власти въ русской землѣ, ставшей собственностію князя, состоитъ, какъ и прежде, въ наследованіи по началу отчины, въ порядкѣ бокового первородства, а въ спорахъ князей за родовое старшинство и размѣры удѣловъ въ родовомъ владѣніи волю русскаго народа замѣняетъ судъ орды. Со времени Юрія Даниловича, по волѣ орды, родовой порядокъ преемства великокняжеской власти нарушается въ пользу рода Московскихъ князей, обратившихъ великое княженіе въ свою отчину не по родовому праву и передавшихъ въ своемъ родѣ государственную власть по завѣщанію въ новомъ, нисходящемъ порядкѣ¹⁾.

Нельзя, конечно, отрицать, что въ ряду обстоятельствъ, при пособіи которыхъ развивался на Руси, начиная съ XIII в., новый порядокъ вещей, были и монгольскія отношенія, но нельзя и утверждать за монгольскимъ игомъ такого рѣшительнаго въ нашей исторіи значенія, какое признаетъ за нимъ проф. Самоквасовъ, приписывающій монголамъ самое сильное, почти исключительное, вліяніе на произведеніе данныхъ явленій нашей исторіи.

¹⁾ См. „Главнѣйшіе моменты въ государ. развитіи древней Руси и происхожд. Московск. государства“. Варшава 1886 г., стр. 65—66 (въ первой статьѣ) и стр. 1, 30—31 (во второй).

Историкъ Бестужевъ—Рюминъ въ первомъ томѣ своей „Русской Исторіи“, послѣ изложенія и оцѣнки взглядовъ на государственный бытъ древней Руси С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Н. И. Костомарова (теорія господства въ древней Руси федеративнаго начала) и В. И. Сергѣевича (теорія господства договорнаго начала или теорія договоровъ), дѣлаетъ такое заключеніе: „изъ всего сказаннаго ясно, что мы недовольны ни одной изъ теорій, взявшихся объяснять государственный бытъ древней Руси, отыскать его движущее начало; мы держимся того мнѣнія, что одного движущаго начала не было, и что пестрота событій объясняется очень хорошо переплетающимся взаимодѣйствіемъ многихъ началъ, какъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ величайшихъ историковъ ХІХ в. Гизо, и бываетъ всегда въ создающихся обществахъ“¹⁾. Какія именно эти „многія начала“, Бестужевъ-Рюминъ не указываетъ, и такимъ образомъ уклоняется отъ прямого отвѣта на нашъ вопросъ.

Не вѣрнѣе-ли, кажется, будетъ приступить къ рѣшенію даннаго вопроса вотъ съ какой стороны. Разложеніе родового начала могло совершиться подѣ дѣйствіемъ начала противоположнаго т. е. начала личнаго. При господствѣ родового порядка наследованія княжескихъ столовъ члены рода представляли изъ себя какъ бы одну вытянувшуюся въ длину линію, и у князя, стоящаго позади, не было законной возможности выдвинуться впередъ по этой линіи. Но предположимъ, что нашлась въ этой линіи такая выдающаяся талантливая личность, которая не мирится съ даннымъ порядкомъ, старается выйти изъ своего подавленнаго состоянія; ей нужно только встрѣтить благопріятный для себя случай, и личность, пользуясь этимъ случаемъ, нарушаетъ давящій ея свободу порядокъ. Такъ оно бывало и въ самой дѣйствительности. Исторія представляетъ намъ неоднократно примѣры подобнаго нарушенія господствовавшаго порядка во имя личности. Первый такой примѣръ она указываетъ въ лицѣ славнаго Владиміра Мономаха, бывшаго безспорно однимъ изъ лучшихъ

¹⁾ „Русск. Исторія“ т. I, СПб. 1872 г., стр. 162.

князей древней Руси. По свидѣтельству лѣтописи, названный сейчасъ князь занялъ столъ Кіевскій, обойдя старшинство племени Святославова, и сдѣлавъ это по приглашенію и просьбѣ Кіевлянъ, отдавшихъ справедливое предпочтеніе доблестному Мономаху предъ Черниговскими князьями Святославичами ¹⁾. Такимъ образомъ, послѣ перваго же старшаго князя во второмъ поколѣніи нарушенъ уже былъ порядокъ первенства вслѣдствіе личныхъ достоинствъ сына Всеволодова. Въ фактъ избранія Мономаха выступило на сцену земское начало, и это начало во имя личности нарушило родовое право. По смерти Мономаха старшее племя Святославово опять было устранено отъ стола Кіевского: на столъ этотъ сѣлъ старшій сынъ Мономаха Мстиславъ ²⁾. Въ личныхъ достоинствахъ Мономахова сына, обеспечивавшихъ ему народное расположение, была вѣрная гарантія не страшиться соперниковъ ³⁾. Въ княженіе Мстислава произошла распря между Черниговскими князьями, гдѣ Всеволодъ Ольговичъ не по праву занялъ Черниговскій столъ, устранивъ дядю своего Ярослава Святославича. Соперники обратились за помощію къ великому князю (Мстиславу) и послѣдній думалъ встать ратью на Всеволода въ защиту родовыхъ правъ Ярослава. Но по приговору духовнаго собора, на судъ котораго передано было дѣло и на рѣшеніе котораго можно смотрѣть, какъ на выраженіе общаго народнаго мнѣнія, племянникъ удержалъ за собою старшій столъ вопреки правамъ дяди ⁴⁾. Личное начало, вспомощенное земскимъ, такимъ образомъ опять торжествуетъ.

Въ исторіи дальнѣйшаго развитія этого новаго порядка княженіе Андрея Юрьевича Боголюбскаго по справедливости можетъ быть названо эпохой. Андрей первый изъ русскихъ князей энергически проводилъ въ своемъ лицѣ типъ князя—„само-

¹⁾ Кіевляне, „свѣтъ створивше“, два раза посылали къ Владиміру съ приглашеніемъ занять Кіевскій столъ. Послѣ втораго посольства „Володимерь пойде въ Кіевъ. Полн. собр. лѣт. Т. II, стр. 4.

²⁾ См. Полн. собр. лѣт. Т. I, стр. 129; т. II, стр. 10; т. IX, стр. 153.

³⁾ Недаромъ лѣтопись, начиная, рассказъ о княженіи Мстислава, говоритъ, что этотъ князь еще „ювъ сый“ одолѣлъ дядю своего Олега Святославича. Полн. собр. лѣт. Т. IX, стр. 153.

⁴⁾ Полн. собр. лѣт. Т. I, стр. 130; II, стр. 10—11, IX, стр. 154.

властца“, стремившагося прежнія родственныя отношенія старшаго къ младшимъ замѣнить отношеніями новыми, подручными или подданническими. „Мы тя до сихъ мѣсть акы отца имѣли по любви, заявляяъ Андрею недовольный его образомъ дѣйствій одиъ изъ южныхъ князей—Ростиславичей (именно Мстиславъ), аже еси съ сякими рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту челоуѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ“¹⁾. Дѣйствуя во имя новыхъ стремленій, Андрей не терпитъ: родовой іерархіи въ своихъ владѣніяхъ, которая опутывала и стѣсняла одинаково и младшихъ, и старшихъ князей, и желая быть единоправнымъ, не даетъ своимъ братьямъ и племянникамъ волостей и выгоняетъ ихъ изъ своихъ владѣній; вмѣстѣ съ ними изгоняетъ онъ изъ своего княжества и старыхъ бояръ отца своего²⁾. Онъ хочетъ, такимъ образомъ, самъ—одиъ держать всѣ области своего княжества, только при помощи нѣкоторыхъ новыхъ приближенныхъ къ нему людей. Но и эти люди не потерпѣли деспотизма сѣвернаго „самовластца“—и онъ палъ отъ ихъ руки.

Личное начало, нанесшее при Андреѣ Боголюбскомъ столь сильный ударъ началу родовому, было выдвинуто, какъ мы видѣли, самую землю. Въ землѣ нужно было искать поддержки и для дальнѣйшаго развитія этого новаго начала. Но чтобы поддержка со стороны земской силы была вѣрна и постоянна, нужно было освободиться отъ той неустойчивости и случайности, какія присущи были дѣйствіямъ названной силы. Для достиженія этого лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ являлось приобрѣтеніе собственности. А гдѣ же легче и удобнѣе можно было это сдѣлать, какъ не на сѣверѣ, вдали отъ Кіева, тамъ, гдѣ родовое начало было слабо развито и гдѣ, слѣдовательно, привязанность къ государственному порядку могла скорѣе привиться и возрасти? Андрей Юрьевичъ Боголюбскій лучше всѣхъ созналъ эту потребность земельной собственности. Оставивъ Кіевъ—этотъ старѣйшій и богатѣйшій изъ городовъ русскихъ, владѣніе которымъ давало старѣйшинство между братьями и

¹⁾ Ibid. Т. II, стр. 109.

²⁾ Полн. Собр. Лѣт. Т. IX, стр. 221.

около котораго толпились спорившіе за это старѣйшинство князья—родичи,—Андрей удалился на любимый имъ сѣверъ, въ свою наследственную Ростовско-Суздальскую область и здѣсь утвердилъ свое мѣстопробываніе во Владимірѣ и Боголюбѣ, гдѣ чувствовалъ себя княземъ—собственникомъ, хозяиномъ—владѣльцемъ, имѣющимъ право располагать своимъ владѣніемъ. Опираясь на силу собственной личности князя—собственности, съ одной стороны, на преданность и покорность окружающаго народонаселенія съ другой ¹⁾, Андрей принялъ на сѣверѣ характеръ правителя—„самодержца“ ²⁾. Данный имъ примѣръ нашелъ ревностныхъ подражателей въ лицѣ его потомковъ, и этимъ примѣромъ они воспользовались съ полнымъ успѣхомъ.

Итакъ, личное и земско-территориальное начало—вотъ общія условія, подъ дѣйствіемъ которыхъ разложился удѣльный родовой порядокъ и перешелъ въ Московско-государственный. Имѣли при этомъ свою долю значенія и нѣкоторыя другія обстоятельства, въ томъ числѣ и монгольскія отношенія, что мы и отмѣтимъ ниже, въ рѣчи о причинахъ возвышенія Москвы на степень всероссійской столицы, а ея князей на степень государей всея Руси.

Новый порядокъ политическихъ отношеній, столь замѣтно проявившійся въ сѣверной Руси въ княженіе Андрея Боголюбскаго, еще замѣтнѣе и яснѣе начинаетъ выступать здѣсь со времени возвышенія и усиленія въ первой половинѣ XIV в. Москвы, или со временъ извѣстныхъ князей—братьевъ Даниловичей—этнхъ, какъ ихъ называютъ, первоначальниковъ собиранія русскихъ земель подъ Московскимъ главенствомъ. Въ Москвѣ—„городкѣ, по замѣчанію одного изъ нашихъ историковъ, дотолѣ незначительномъ, рѣдко упоминаемомъ въ лѣтонисяхъ, бывшемъ удѣломъ младшихъ и потому наименѣе сильныхъ князей“ ³⁾,—постепенно устанавливается государственный центръ, къ которому тяготеетъ сѣверо-восточная Русь; Москва приобрѣтаетъ первенствующее значеніе среди

¹⁾ Полн. Собр. Лѣтоп. Т. IX, стр. 209.

²⁾ Ibid., стр. 210.

³⁾ Вестужевъ-Рюминъ. „Русс. Ист.“ Т. I. Спб. 1872 г., стр. 387.

другихъ русскихъ земель и городовъ и привимаетъ на себя дѣло государственнаго единства и національной независимости. Начинается періодъ постепеннаго сосредоточенія и укрѣпленія верховной государственной власти въ рукахъ великихъ Московскихъ князей, при чемъ великокняжеское званіе утверждается въ одной княжеской линіи и наслѣдованіе этого званія подчиняется не старымъ родовымъ пачаламъ, не древнеславянскимъ понятіямъ о естественномъ старшинствѣ дяди надъ племянникомъ, а началу новому: утверждается порядокъ престолонаслѣдія по прямой нисходящей линіи ¹⁾). Съ образованіемъ въ Москвѣ прочнаго государственнаго средоточія, удѣльно-родовой порядокъ политической жизни все болѣе и болѣе сходится съ исторической сцены; территоріально и политически раздробленная русская земля собирается въ одно цѣлое подъ едною верховною властію великаго князя Московскаго. Вотчина Московскихъ Даниловичей все болѣе и болѣе расширяется во всѣ стороны и превращается въ государство Московское и всея Руси. Возникаетъ въ собственномъ смыслѣ Московское единоедержавіе, рядомъ съ которымъ развивается и Московское самодержавіе.

Такъ—какъ замѣна стараго новымъ нигдѣ и никогда не обходится безъ борьбы (исключенія въ этомъ отношеніи весьма

1) Въ договорѣ Дмитрія Донскаго съ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ въ первый разъ ясно выражено новое начало старшинства: старшинство сына управляющаго князя надъ его братомъ, господство племянника надъ дядею. Здѣсь сказано: „быти ны за одинъ, и вѣсти ему мене отцомъ, а сына моего князя Василья братомъ старѣйшимъ“... См. Собр. Госуд. грам. и договоровъ, т. I, № 83, стр. 55. Государственная власть, намѣченная Дмитріемъ Донскимъ, развита, узаконена и проведена въ жизнь въ договорахъ, завѣщаніи и другихъ распоряженіяхъ Іоанна III Васильевича. По мысли послѣдняго, нисходящіе родственники государя устраняли отъ наслѣдованія государственной власти всѣхъ его боковыхъ родственниковъ, а между членами семейства государя наслѣдника престола указывала воля его предшественника. И этому, назначенному волею государя, наслѣднику должны были безусловно повиноваться, наравнѣ со всѣми другими подданными, всѣ члены княжескаго рода, какъ близкіе, такъ и дальніе. Собр. Госуд. грам. и догов. Т. I, №№ 123—126 (договоры Іоанна III съ братьями Андреемъ Угличскимъ и Борисомъ Волоцкимъ), № 133, 134 (договоръ сына и наслѣдника, Іоанна, Василья съ братомъ Юріемъ, заключенный при жизни и по приказанію отца), № 144 (дух. грамота Іоанна Васильевича), см. Акты Запад. Россіи Т. I, № 192 (вазальныя рѣчи посламъ Іоанна къ Литовскому правительству).

рѣдки), то, естественно, неизбежна была борьба эта и въ данномъ случаѣ. Добровольнаго, тихаго подчиненія старыхъ независимыхъ княжествъ одному изъ самыхъ младшихъ городовъ не могло быть. Выступившему въ лицѣ носителей великокняжеской Московской власти новому порядку политической жизни, естественно, повтому пришлось пережить многія и часто опасныя столкновения съ порядкомъ старымъ, представители котораго не замедлили давать отпоръ враждебной новизнѣ. Но трудно уже было вполне оживить исчезавшую старину, исчезавшія политическія отношенія. Хода общественной жизни остановить было нельзя: новый порядокъ вещей, находившій для себя могучую поддержку въ самомъ общественномъ сознаниіи, всегда выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ и съ успѣхомъ двигался по пути своего дальнѣйшаго развитія. Вспыхнувшая при Василии Темномъ Шемякинская смута, грозившая ниспровергнуть довольно уже прочно къ тому времени сложившійся Московскій государственный порядокъ, явилась, можно сказать, послѣднимъ сильнымъ возбужденіемъ мятежнаго духа древне-русскихъ усобицъ, происшедшихъ какъ будто для того, чтобы сказать свою послѣднюю предсмертную рѣчь о полной несостоятельности старозавѣтныхъ началъ жизни. Старое зданіе удѣльно—родовыхъ отношеній оказалось въ своихъ основаніяхъ расшатаннымъ, и нужны были послѣдніе и при томъ немногіе удары, чтобы ово окончательно и безвозвратно рушилось. Это и совершается во взятую нами эпоху русской исторіи.

Конецъ XV и первая половина XVI в. были временемъ, когда, можно сказать, приведено было къ окончанію дѣло объединенія сѣверо-восточной Руси въ одну „Московскую державу“ подъ единою самодержавною властію великихъ Московскихъ князей—государей, были временемъ, когда въ Московской Руси исчезли послѣдніе удѣльные ручьи и новый государственно-политическій порядокъ прочно установленъ былъ по всѣмъ сѣверно-русскимъ областямъ. Единодержавный строй политической жизни, съ неограниченною властію государя, подавляя собою послѣдніе остатки удѣльно-вѣчевого быта, хотя уже и парализованные, но все еще существовавшіе, достигаетъ за это время широкаго развитія и сильнаго могущества. Мо-

сковскіе государи—единовластители, съ такимъ терпѣливымъ усердіемъ и съ такою изобрѣтательностію въ способахъ дѣйствія сосредоточивавшіе въ своихъ рукахъ разбитую на части русскую землю, ясно сознаютъ теперь высоту своего положенія и ревниво оберегаютъ свои, вѣковыми усиліями прибрѣтенныя, права. Гордые потомки древнихъ самостоятельныхъ князей и сами недавно бывшіе независимыми князьями—владѣльцами, а равно потомки старыхъ дружинниковъ (удѣльныхъ боярь), которые были необходимыми и дѣятельными участниками политическихъ думъ и предпріятій своего князя, и считали себя въ правѣ говорить послѣднему: „о собѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ: мы того не вѣдали“ ¹⁾, и тѣ, и другіе должны были преклониться предъ быстро возрастающимъ значеніемъ Московскихъ единовластителей, съ болью въ сердцѣ должны были поникнуть предъ ихъ могучей силой, предъ ихъ державнымъ достоинствомъ, которое уже не считало нужнымъ сообразовать свои дѣйствія съ совѣтомъ и волею своихъ слугъ. Порядки удѣльной старины отходили для нихъ въ область несбыточныхъ мечтаній, дѣлались анахронизмами, а при новыхъ (*volens—polens*) приходилось имъ принимать на себя роль, какую угодно было назначить Московскому повелителю, приходилось занять положеніе его „холоповъ“ ²⁾, сдѣлаться его служилыми людьми, и всѣмъ стать рядомъ въ распоряженіи одной власти, подъ дѣйствіемъ одного государственнаго порядка. Князь Московскій могъ теперь говорить своимъ боярамъ: мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре“ ³⁾, или: „пойди, смердъ, прочь, ненадобенъ ми еси“ ⁴⁾. Младшіе братья государя строго обязываются „держать старшаго своимъ господиномъ честно и грозно“ ⁵⁾:

• 1) Полн. собр. лѣт. Т. II, стр. 97 и др. лѣтописныя мѣста въ этомъ родѣ.

2) См. Соловьева „Ист. Россіи съ древнѣйш. врем.“ кн. I, стр. 1503; кн. II, стр. 9.

3) Слова Василия III. См. Ключевского „Боярская дума древней Руси“. М. 1882 г., стр. 185.

4) См. отрывокъ слѣдств. дѣла о Иванѣ Берсенѣ и Теодорѣ Жареномъ.. въ актахъ арх. экспед. Т. I, № 172, стр. 143.

5) См. договоръ Іоанна Васильевича III съ братомъ Юріемъ въ Собр. госуд. грам. и догов. т. I, № 133, 134.

они становятся въ положеніе не болѣе, какъ богатыхъ владѣльцевъ, такихъ же подданныхъ, какъ прочіе князья и бояре; государь—самодержецъ всегда имѣлъ возможность подъ всякимъ предлогомъ лишить ихъ вотчинъ и земель. Такъ называемое право свободного отъѣзда, право вольнаго слуги-боярина выбирать себѣ мѣстомъ службы любой изъ княжескихъ дворовъ, встрѣчаетъ за описываемое время настойчивыя попытки къ его ограниченію, и фактическое пользованіе имъ, въ виду предпринимаемыхъ на этотъ разъ политическихъ мѣръ со стороны Московскихъ властителей, становится настолько затруднительнымъ, что невольно приходилось отказываться отъ такого пользованія. „Вотъ какъ онъ съ нами поступаетъ,—жаловался на Іоанна III одинъ изъ его братьевъ другому (Борисъ Волоцкій Андрею Угличскому),—нельзя уже никому отъѣхать къ намъ!.. Кто отъѣдетъ отъ него къ намъ, того беретъ безъ суда, считаетъ братью свою ниже бояръ,... забылъ и договоры, заключенные съ нами послѣ смерти отцовской“¹⁾. Власть князей и бояръ склонялась такимъ образомъ къ окончательному упадку, а параллельно этому единая самодержавная власть главы окончательно объединявшася Московскаго государства достигала все большей и большей силы и крѣпости.

Рядомъ съ внѣшне-политическимъ объединеніемъ русскихъ земель подъ главенствомъ Москвы и ея великихъ князей-государей, успѣшно совершалось въ описываемое время и объединеніе ихъ въ сферѣ религіозно-нравственныхъ интересовъ.

Для Москвы, становившейся, вмѣстѣ съ объединеніемъ Руси въ одно политическое цѣлое и съ централизаціей государственной власти въ лицѣ ея великихъ князей, общерусскимъ центромъ въ государственно-политическомъ отношеніи, важно было сдѣлаться такимъ же центромъ и въ отношеніи религіозно-церковномъ. Дѣло объединенія различныхъ русскихъ областей подъ ея главенствомъ являлось бы болѣе твердымъ и несокрушимымъ, еслибы параллельно внѣшне-политической

¹⁾ См. Соловьева „Ист. Россіи съ древнѣйш. врем.“ кн. I, стр. 1395; Поля. собр. лѣт. т. VI, стр. 222. О строгихъ мѣрахъ противъ отъѣздовъ при Василіи Іоанновичѣ III см. у Соловьева „Ист. Россіи съ древн. врем.“ кн. I, стр. 1670—1671.

централизаціи шла и создавалась централизація внутренняя, еслибы со связью внѣшнею полагалась и усиливалась связь внутренняя, единеніе на началахъ религіозно-нравственныхъ въ видѣ тождества религіозныхъ убѣжденій, единство богослуженія, нравовъ, обычаевъ... Въ виду этого, уничтоживъ внѣшне-политическую особность различныхъ русскихъ областей, Москва должна была сгладить еще особность характера церковно-религіознаго, очень часто въ своемъ основаніи имѣвшую мотивы чисто политическіе,—должна была соединить въ себѣ все, что было святого и священнаго въ каждой отдѣльной области и сдѣлать это общецерковнымъ достояніемъ.

И вотъ какъ бы въ отвѣтъ на эту потребность—внѣшне-политическое объединеніе Руси довершить и закрѣпить объединеніемъ внутреннимъ, въ царствованіе Василя III и Іоанна IV развивается широкая собирательная дѣятельность церкви. И въ этой церковно-собирательной дѣятельности самая видная роль по справедливости должна быть приписана знаменитому Макарію, который въ данномъ отношеніи вполне заслуживаетъ названіе „собирателя церкви“ въ параллель Московскимъ князьямъ—„собирателемъ Руси“.

Первымъ крупнымъ проявленіемъ собирательной церковной дѣятельности, начавшейся по инициативѣ названнаго іерарха русской церкви и совершавшейся при его главномъ участіи и подъ его главнымъ вліяніемъ, служатъ знаменитыя такъ называемыя „Макарьевскія Четы-Минеи“, или: „собраніе всѣхъ книгъ чтимыхъ, которыя въ русской землѣ обрѣтаются“,—собраніе, лучшіе и полнѣйшіе списки котораго пожертвованы были собирателемъ—іерархомъ въ Москву: одинъ—Государю, а другой—въ Успенскій соборъ ¹⁾. Этотъ многолѣтній собирательный трудъ, совершенный стараніями Макарія въ Новгородѣ, восполненный и нѣсколько видоизмѣненный имъ потомъ въ Москвѣ, „представляетъ—по словамъ проф. Ключевскаго—такую же попытку централизаціи въ области древне-русской письменности, какой были соборы 1547—1549 г.г. въ области русскихъ церковно-историческихъ воспоминаній“ ²⁾. Понятно,

1) См. „Ист. русс. церкви“ Преосв. Макарія, т. VII, СПб. 1874 г., стр. 428.

2) „Древнерусскія житія св., какъ историч. источникъ“. М. 1871 г., стр. 229.

съ какой идеей могло, между прочимъ, связываться составленіе обширнаго сборника всей русской церковной письменности. Желаніе поставить Москву въ положеніе церковно-учительнаго центра занимало, конечно, не послѣднее мѣсто въ ряду побужденій къ подобному предпріятію. Что въ данномъ отношеніи являлось мѣстнымъ, то теперь, благодаря указанному труду, приводилось во всеобщую извѣстность и присовокуплялось къ общей сокровищницѣ національнаго благочестія, центромъ котораго являлся царствующій градъ Москва.

Но составленіе „Четьи—Миней“ было только, такъ сказать, прологомъ къ болѣе значительному предпріятію въ дѣлѣ начавшейся церковной централизаціи, подобнаго которому мы не находимъ ни ранѣе, ни послѣ въ русской церкви. Разумѣемъ совершенную при Макаріи на соборахъ 1547—1549 г.г. канонизацію русскихъ святыхъ. Это событіе было дѣйствительно однимъ изъ самыхъ крупныхъ проявленій централизаціи, развивавшейся въ русской церкви объ руку съ государственной,—было „новымъ фактомъ церковно-политическаго объединенія, съ которымъ возвышался авторитетъ Московской церковной и государственной власти“ ¹⁾.

Чтобы понять вполнѣ церковно-политическое значеніе этого церковнаго предпріятія, нужно вспомнить, какими характерными свойствами, и часто съ оттѣнкомъ политическимъ, запечатлѣно было и какими своеобразными обстоятельствами сопровождалось одно лишь мѣстное почитаніе святыхъ. По мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе осязательно проявлялись стремленія Москвы усилиться на счетъ другихъ русскихъ областей, объединить ихъ подъ своимъ главенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, сгладить и уничтожить мѣстныя историческія преданія, нарушавшія связь ихъ съ новой столицей русскаго государства, каждая мѣстность этого государства, заботившаяся о сохраненіи своей самобытности, естественно должна была дорожить своими преданіями и отстаивать ихъ. Руководимая этимъ желаніемъ, она старалась свои мѣстныя историческія преданія связать съ мѣстною святынею, послѣднею освятить пер-

¹⁾ А. Н. Пыпинъ „Ист. русск. литературы“, т. II, СПб. 1893 г., стр. 193.

выя и такимъ образомъ показать свое значеніе и силу. „При политическомъ раздѣленіи, которое сопровождалось нерѣдко прямою враждою земель, церковная святыня извѣстной земли, благочестивый подвижникъ, получившій признаніе святости, оставались мѣстною принадлежностію этой земли. Ихъ священный авторитетъ былъ прибѣжищемъ въ благочестивой жизни, въ самой военной защитѣ земли и въ удѣльныхъ раздорахъ: мѣстныя святыни и святые были патронами своей земли“ ¹⁾. Въ жизнеописаніяхъ святыхъ нерѣдко рассказывается, съ какою охотою исполняетъ просьбы извѣстнаго святого, возымѣвшаго намѣреніе поселиться въ какомъ нибудь глухомъ мѣстечкѣ и построить здѣсь монастырь, мѣстный удѣльный князь, радуясь, „яко близъ его державства хочетъ Богъ обитель воздвигнути“ ²⁾. Недаромъ и „Господинъ великій Новгородъ“, чувствуя близость грозы со стороны властолюбивой Москвы и сознавая слабость своего жизненнаго пульса, перенесъ свои думы съ Ярославова двора, гдѣ замолкалъ его голосъ, на св. Софію и другія мѣстныя святыни, вызывая изъ нихъ преданія старины. Открытіе архіепископомъ Евѣиміемъ въ 1439 г. мощей владыки Іоанна, вмѣстѣ съ установленіемъ панихиды 4-го октября всѣмъ „княземъ, лежащимъ въ святѣй Премудрости Божіи, и ихъ сродникомъ, и архіепископомъ Великаго Новграда“ ³⁾, должны были сильно содѣйствовать оживленію мѣстныхъ преданій. Объ архіепископѣ Евѣиміи извѣстно также, что онъ предпринималъ попытку собрать всѣ древнія преданія о Новгородской святынѣ, записать ихъ и предать въ назиданіе народу. Этотъ патріотическій подвигъ Новгородскаго владыки выступаетъ—по словамъ г. Буслаева— „въ особенномъ свѣтѣ въ исторіи развитія литературныхъ идей, если возьмемъ въ соображеніе ту эпоху, когда Новгороду въ борьбѣ съ Москвою не оставалось иныхъ средствъ, кромѣ авторитета литературнаго. Это духовное ополченіе, окруженное

¹⁾ Ibid., стр. 194 и слѣд.

²⁾ См. напр. Житіе Діонсія Глушицкаго въ рукоп. сборн. Кіев. дух. акад. подъ знакомъ Аа 154, л. 33 и об., л. 45; Житіе преп. Іосифа Волоцкаго, написанн. Саввою Чернымъ, изданн. Невоструевымъ, стр. 20.

³⁾ Житіе архіел. Новгор. Іоанна въ рукоп. сборн. той же акад. Аа 118, л. 24 об. и л. 25; житіе архіел. Евѣиміи, *ibid.*, л. 37 об.

ореоломъ святости, какъ нельзя болѣе во время вызвано было изъ старыхъ преданій и какъ бы пущено на встрѣчу притязаніямъ Москвы, еще столь бѣдной въ то время своими мѣстными святынями“¹⁾. Стремленіемъ заявить свою обособленность и индивидуальность чрезъ мѣстную святыню объясняется и то нерѣдкое въ тѣ времена явленіе, что святой, почитаемый въ одной области, не почитался въ другой,—и въ этомъ случаѣ непочтеніе къ чуждому святому часто носило политическій оттѣнокъ. Свободолюбивый Новгородъ почти до самыхъ послѣднихъ годовъ своей политической независимости не хотѣлъ чествовать преподобнаго Сергія, особенно почитавшагося въ Москвѣ, именно какъ покровителя Московскаго государства²⁾. И Москва съ своей стороны какъ будто нарочно иногда стремилась даже унижить Новгородскую святыню. Яснымъ отраженіемъ этого стремленія служить извѣстный рассказъ объ Іоаннѣ III Васильевичѣ, который, желая показать свою царственную власть надъ святымъ покровителемъ Новгорода, преподоб. Варлаамомъ Хутынскимъ, какъ и надъ самимъ Новгородомъ, съ яростію приказалъ раскопать при себѣ могилу чудотворца, за что и получилъ чудесное вразумленіе³⁾. А писатель житія Новгородскаго владыки Моисея рассказываетъ о первомъ Новгородскомъ архіепископѣ—москвичѣ Сергіи, что этотъ послѣдній, заѣхавъ по пути изъ Москвы въ Новгородъ въ Сковородскій монастырь и получивъ отказъ въ своей просьбѣ открыть находившійся здѣсь гробъ св. Моисея, „вознесся—по словамъ писателя—умомъ высоты ради сана своего, яко отъ Москвы приде, укори преподобнаго Моисея архіепископа, рекъ, кого сего смердія сына смотрѣти, за что и бысть ему ума отъятіе и смысла изступленіе“⁴⁾.

1) „Лѣтописи русс. литерат. и древн.“ вѣ. VI, стр. 72, 77—79.

2) Этого св. патрона Москвы въ Новгородѣ стали почитать лишь при Василии Темномъ. Архіепископъ Новгор. Іона, отправившись въ Москву, чтобы заступиться предъ названымъ велик. княземъ за свободу своего родного города, далъ обѣтъ выстроить въ Новгородѣ первый храмъ въ честь св. Сергія, и исполнилъ потомъ свой обѣтъ. См. Житіе Архіеп. Новгор. Іоны въ рукоп. сборн. Кіев. Дух. Акад. подъ знакомъ Аа 118, л. 55.

3) См. Костомарова „Сѣвероорусскія народоправства во времена удѣльно—вѣчеваго уклада“ Т. II, Спб. 1863 г., стр. 334—335.

4) Житіе Моисея въ рукоп. сборн. Кіев. Дух. Акад. Аа 118, л. 76 об.

Вотъ для устраненія этой-то церковно-религіозной особенности областей, часто шедшей рука объ руку съ особенностію политической и проявлявшейся иногда въ довольно рѣзкихъ формахъ, „дивный во святителѣхъ“ Макарій чрезъ произведенную при немъ канонизацію святыхъ и имѣлъ, между прочимъ, въ виду съ одной стороны дать на мѣсто областныхъ священныхъ преданій, дорогихъ преимущественно для каждой отдѣльной мѣстности, преданія, такъ сказать, общерусскія, а съ другой—подчинить центральному (Московскому) контролю и самыя мѣстныя преданія, и такимъ образомъ ставшую уже окончательно центромъ политической жизни Москву сдѣлать и центромъ церковно-религіозной жизни Руси. Въмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ данное предпріятіе какъ нельзя болѣе рельефно осуществлялась и та общая церковно-политическаго характера цѣль, чтобы съ новымъ блестящимъ внѣшнимъ положеніемъ русскаго царства, какое заняло оно со времени торжественнаго принятія царскаго титула Іоанномъ Васильевичемъ IV, находилась въ полной гармоніи и внутренняя высота русской церкви, чтобы русскій царь являлся единымъ правовѣрнымъ обладателемъ государства, въ которомъ повсюду сіяетъ померкшее въ Царьградѣ солнце истиннаго православія и благочестія, надъ которымъ почиваетъ свыше небесное благословеніе, являющее свою силу въ можествѣ святыхъ угодниковъ Божіихъ, нетлѣнныя тѣлеса коихъ покоются въ разныхъ мѣстахъ обширной русской земли.

Если „собраніе всѣхъ книгъ чтомыхъ, которыя въ русской землѣ обрѣтаются“, сдѣланное при главномъ участіи и подъ ближайшимъ вліяніемъ и руководствомъ митр. Макарія, являлось, между прочимъ, фактомъ централизаціи въ области церковно-учительной, а канонизація святыхъ—фактомъ централизаціи въ области церковно-отечественной святыни, то Макарьевская редакція такъ называемой „Степенной книги“ представляла изъ себя того же рода явленіе по отношенію къ исторіографіи. На Руси издревле существовали лѣтописи—Новгородская, Псковская и пр., лѣтописи мѣстныя не только по району описываемыхъ дѣйствій, но и по духу и идеѣ. Мѣстный или областной характеръ ихъ неизбѣжно выражался

какъ въ явномъ пристрастіи къ своимъ князьямъ или іерархамъ, такъ и въ непріязненномъ тонѣ по отношенію къ другимъ областямъ, съ которыми случались столкновенія. Между тѣмъ сочувствіе составителей „Степенной“ лежитъ на сторонѣ тѣхъ только лицъ, которые содѣйствовали возвышенію Москвы. Личности великихъ князей Московскихъ—собирателей Руси здѣсь обрисовываются обыкновенно чертами самыми возвышенными, —чертами, изъ совокупности которыхъ слагается образъ „единого православнаго царя—самодержца“ въ собственномъ смыслѣ этихъ словъ. Вотъ для примѣра величественная характеристика личности Іоанна Васильевича III: „Богомъ поставленный бодреливый стражъ и истинный пастырь, благо-разумная и правдивая глава превозлюбленнѣй его рустѣй величѣй земли, коренеплодному отечеству изрядный наслѣдникъ и крѣпкій поборникъ православію,.. всяку ересь потребляющій и всяку вражду пресѣкающій, и многоначаліе и самовластіе упраздняющій, иже окрестъ державы его власто-держателей подъ свою державу покоряющій,.. славный и пресловущій,.. свѣтлѣйшій самодержецъ, благовѣрный и христіолюбивый... всея Руси Государь и царь“ ¹⁾. Говоря вообще, „Степенная книга“ стремится окружить русское государство и его верховнаго представителя—Государя Московскаго ореоломъ величія, стремится показать, что русскій царствующій домъ и руководимая имъ русская исторія сіяютъ блескомъ и славой и имѣютъ на себѣ особенное божественное покровительство. Она старается представить, такъ сказать, историческій апоэозъ русскаго царствующаго дома, связывая его происхожденіе съ римскою имперіею ²⁾. Отмѣ-

¹⁾ Степенная книга, ч. II, стр. 98—99.

²⁾ Въ помѣщенномъ въ самомъ началѣ книги житіи княгини Ольги, которое приписываютъ знаменитому во времена Грознаго Благовѣщенскому іерею Сильвестру (см. „Ист. русс. церк.“ Преосв. Макарія, т. VII, изд. СПб. 1874 г., стр. 454—прим. 361; см. также Погодина „Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи“ Т. III, М. 1846 г., стр. 89, прим. 147), рядомъ съ указаніемъ, что апостоль Андрей жезломъ преобразовалъ въ Русь самодержавное скипетро-правленіе, стоитъ извѣстіе, что это самодержавное скипетроправленіе „начаясь отъ Рюрика, иже бѣ отъ племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется; Прусь же братъ бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа“. Степенн. кн. ч. I, стр. 7; см. также стр. 52, 78.

тимъ, наконецъ, что такъ называемый „Стоглавъ“ стремится уничтожить мѣстные религіозные и другіе обычаи, ввести однообразіе въ богослуженіи, регламентировать, подчинить определенному центральной властію закону то, что было дѣломъ обычая или личной инициативы и т. п.

Итакъ, мы видимъ, что конецъ XV и первая половина XVI в.в.—время знаменательное въ нашей исторіи, время усиленной Московской централизаціи какъ въ сферѣ чисто политической, такъ и въ сферѣ религіозно-нравственной. Въ области политической съ успѣхомъ приходитъ къ концу дѣло объединенія сѣверно-русскихъ областей подъ главенствомъ Москвы и прочно слагается Московское государство съ единымъ самодержавнымъ Государемъ во главѣ. А шедшая рука объ руку съ этимъ централизація въ области религіозно-нравственной внѣшне-политическое объединеніе Руси скрѣпляла и утверждала объединеніемъ внутреннимъ.

Не случайно, конечно, безъ всякихъ обусловливающихъ или опредѣляющихъ причинъ, Москва возвысилась на степень столицы русскаго государства, а ея великіе князья сдѣлались едиными неограниченными государями всея Руси. Съ другой стороны, ошибочно было бы считать это исключительно созданіемъ единичныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ тутъ во имя своихъ личныхъ стремленій и цѣлей. Дѣятельность отдѣльныхъ лицъ всегда и въ сильной степени „обусловлена бываетъ состояніемъ общества, посреди котораго они дѣйствуютъ, и соединеніемъ разныхъ обстоятельствъ, при которыхъ они дѣйствуютъ“ ¹⁾. Эта общая точка зрѣнія необходимо требуетъ признанія не одной, а нѣсколькихъ причинъ, дѣйствіемъ которыхъ достаточно объяснялось бы указанное сейчасъ историческое явленіе.

Какія же это были причины?

Къ такимъ причинамъ историки относятъ: А) особенные тактъ и ловкость, составлявшіе отличительную черту князей Московскихъ, которые сумѣли самихъ татаръ обратить въ орудіе для достиженія своихъ цѣлей. „Московскіе князья,—характеризуетъ ихъ К. Д. Кавелинъ,—наслѣдственные господа

¹⁾ Бестужевъ-Рюминъ „Русская Исторія“, т. I, Слб. 1872 г. Введеніе, стр. 6-7.

надъ своими вотчинами, прежде всего заботятся о томъ, чтобы умножить число своихъ имѣній. Лучшимъ средствомъ для этой цѣли было великокняжеское достоинство,—и они стараются удержать его за собою. Единственнымъ средствомъ для удержанія великокняжескаго достоинства была милость, благоволеніе хановъ,—и они ничего не щадятъ, чтобы имъ нравиться... Ограждаемые покровительствомъ хановъ, авторитетомъ ихъ власти, и опираясь на свою собственную силу, Московскіе великіе князья угнетаютъ князей, отнимаютъ у нихъ владѣнія, вмѣшиваются въ ихъ распри, становятся ихъ судьями и собираютъ въ ихъ владѣніяхъ ордынскій выходъ. Такъ дѣйствовали всѣ великіе Московскіе князья. Быстро подвигались они къ своей цѣли, быстро обращалась Россія въ ихъ наследственную вотчину... Чѣмъ далѣе, тѣмъ они становились самостоятельнѣе. Опираясь на собственное могущество, они начали рѣшительно господствовать надъ удѣльными князьями и сбрасывать иго орды, тягостное, и для нихъ болѣе ненужное¹⁾.—В) Малочисленность княжеской Московской семьи въ теченіе довольно долгаго времени и недолговѣчность ея членовъ, чѣмъ обуславливался преобладающій порядокъ наследства отъ отца къ сыну. „Обстоятельства сложились такъ, что, когда княжеское семейство размножилось, власть великаго князя успѣла окрѣпнуть и усилиться: прямой переходъ наследства отъ отца къ сыну уже прибрѣлъ свойство преданія, привычки, а что особенно важно, населеніе успѣло оцѣнить выгоды такого перехода и было рѣшительно на его сторонѣ“²⁾.—С) Тѣсный союзъ великихъ князей Московскихъ съ духовною властію. „Союзъ этотъ—по словамъ Бестужева-Рюмина—былъ самый естественный: если князья

1) „Взглядъ на юридическій бытъ древ. Россіи“. Собр. сочин. Кавелина, т. I, Спб., 1897 г., стр. 43; см. объ этомъ также у Соловьева: „Взглядъ на истор. устр. государ. порядка въ Россіи“, М. 1852 г., стр. 51; у Бестужева-Рюмина „Русс. Ист.“, Спб. 1872 г., т. I, стр. 389; у Шовайскаго „Исторія Россіи“ М. 1884 г., т. II, стр. 54.—Монгольскія отношенія, касавшіяся большею частію богатыхъ и сильныхъ московскихъ князей, приучали послѣднихъ смотрѣть на себя, какъ на собственниковъ русской земли, а другихъ князей—смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ представителей.

2) Шовайскій „Исторія Россіи“, т. II, стр. 53.

нуждались въ авторитетѣ церкви, то духовенство, представитель высшихъ—сравнительно съ остальною Русью—идей гражданскаго порядка, искало этого порядка, который былъ нуженъ ему даже въ его экономическихъ отношеніяхъ“¹⁾.—D) Стремленіе русскаго боярства покидать и сосѣднія, и отдаленныя области, и поступать въ болѣе почетную, болѣе обеспеченную службу великихъ князей Московскихъ, какъ князей сильнѣйшихъ. „Уже въ XIV в.—скажемъ словами профессора Ключевскаго—Московская служба представляла выгоды, какихъ бояринъ не находилъ при другихъ дворахъ; отсюда и усиленный приливъ служилыхъ людей въ Москву, и сравнительно меньшая склонность Московскихъ бояръ переѣзжать къ другимъ князьямъ. Уже около половины XV в. Московское боярство по происхожденію своему представляло собою всю русскую землю, состояло изъ многочисленныхъ фамилій, родоначальники которыхъ сошлись въ Москву, чуть не изъ всѣхъ угловъ Руси, даже изъ такихъ, гдѣ тогда еще слабо пахло Русью. Это сообщало здѣшнему боярству большую устойчивость, его положенію и отношеніямъ большую опредѣленность. Выгоды Московской службы росли вмѣстѣ съ политическими успѣхами Москвы; отсюда дружное содѣйствіе, какое великіе Московскіе князья находили въ своихъ и иногда даже въ чужихъ боярахъ... Выгоды службы тянули боярство къ великому Московскому князю, и подъ рукой этого князя оно стало могущественнымъ орудіемъ политическаго объединенія русской земли“²⁾. Споры за мѣста или взаимное соперничество боярскихъ фамилій—по справедливому замѣчанію Иловайскаго—также въ свою очередь не мало способствовали возвышенію и усиленію власти

¹⁾ „Русская Ист.“, т. I, стр. 390; см. также у Соловьева „Ист. Россіи съ древн. врем.“, в. I, стр. 1076; у Иловайскаго „Ист. Россіи“ т. II, стр. 55, 357; у Забѣлина: „Взглядъ на развитіе Москов. единодержавія“. Истор. Вѣсти. за 1881 г., № 1, стр. 518; у проф. Самохвасова: „Главнѣйш. моменты въ госуд. развитіи древней Руси и происход. Москов. Государства“ Варшава 1886 г., стр. 4—5 (вторая статья).

²⁾ „Боярская дума древней Руси“ М. 1882 г., стр. 183—184, 188; см. также у Иловайскаго „Ист. Россіи“ т. II, стр. 55, 360; у проф. Самохвасова: „Главнѣйшіе моменты въ госуд. развитіи древн. Руси...“, стр. 6 (вторая статья); у Соловьева: „Историческія отнош. между русскими князьями Рюрикова дома“. М. 1847 г., стр., 402, 410, 467.

и значенія государя Московскаго, ибо соперничество велось о большой или меньшей близости къ великому князю. Въ то же время оно мѣшало пока внутреннему сплоченію самаго боярскаго сословія и, слѣдовательно, съ его стороны не могло явиться дружнаго отпора развивающемуся Московскому самодержавію ¹⁾. Е) Выгодное географическое положеніе княжества Московскаго, достаточно удаленное отъ сильныхъ вѣшнихъ враговъ и удобное въ промышленно-торговомъ отношеніи. Причина второстепенная, безъ другихъ не имѣвшая бы значенія, какъ вѣрно называетъ ее Бестужевъ-Рюминъ ²⁾.—F). Ослабленіе орды и распаденіе ея со второй половины XIV в., чѣмъ не замедлила воспользоваться ловкая Московская политика ³⁾. Отмѣчаютъ еще, какъ условія же и обстоятельства, способствовавшія возвышенію Москвы и ея князей, слабость и неустройство другихъ княжествъ, равно и вѣчевыхъ общинъ сѣверо-восточной Руси, а также умъ и энергію Великорусскаго племени, которое неудержимо потянуло къ Москвѣ, какъ скоро почувствовало въ ней надежное средоточіе для собранія своихъ силъ въ борьбѣ съ варварскимъ игомъ и внутренними неурядицами ⁴⁾.

Таковы, по указаніямъ историковъ, въ общихъ чертахъ факторы, содѣйствовавшіе усиленію и возвышенію Москвы и ея великихъ князей.

Соотвѣственно нашей спеціальной задачѣ, мы остановимъ теперь свое вниманіе на одномъ изъ перечисленныхъ факторовъ, имено на русскомъ духовенствѣ, въ тѣсномъ союзѣ съ которымъ находились великіе князья Московскіе. Духовенство

¹⁾ „Исторія Россіи“, т. II, стр. 363; см. „Лекціи и изслѣдованія по древн. истор. русскаго права“ проф. Сергѣевича. СПб. 1894 г., стр. 55.

²⁾ См. „Ист. Россіи“ Иловайскаго, т. II, стр. 357; „Русская Исторія“ Бестужева-Рюмина, т. I, стр. 391—392.

³⁾ „Ист. Россіи“ Иловайскаго, т. II, стр. 357; „Рус. Ист.“ Бестужева-Рюмина, т. I, стр. 392.

⁴⁾ См. „Ист. Россіи“ Иловайскаго, т. II, стр. 357. По мнѣнію автора, это—самое главное условіе. Московскіе князья—замѣтимъ здѣсь отъ себя—являлись въ глазахъ земскаго населенія князьями наиболѣе сильными и дѣлательными, не разъ оказавшими важныя услуги отечеству въ борьбѣ съ иноплемennыми врагами. Естественнo отсюда, что на ихъ сторону склонилось народное сочувствіе и расположеніе, обезпечивая имъ усилья въ борьбѣ съ соперниками.

русское, дѣйствительно, представляло собою одинъ изъ могучихъ и дѣйственныхъ факторовъ, способствовавшихъ успѣшному достиженію тѣхъ политическихъ цѣлей, какія преслѣдовали посетители Московской великокняжеской власти.

И не трудно понять, чѣмъ обуславливались сила и дѣйственность этого фактора, если принять въ соображеніе то господствующее положеніе въ странѣ, какое занимало въ древней Руси духовенство, и тѣ обширныя духовныя и гражданскія права, которыми оно пользовалось. Не забудемъ, что то было время, когда общество воспитывалось почти подъ исключительнымъ вліяніемъ Церкви, когда Церковь въ лицѣ своихъ передовыхъ вождей являлась почти единственной представительницей умственныхъ и нравственныхъ интересовъ общества. Это было время господства во всѣхъ сферахъ жизни религіозныхъ идей, когда всѣ движенія и событія освящались знаменемъ религіи и только подъ условіемъ этого освященія находили для себя поддержку въ общественномъ сознаніи. Уже это одно ясно говоритъ, какимъ громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ владѣли представители духовенства по отношенію къ русскому обществу того времени, такъ сильно чувствовавшему потребность божественнаго освященія формъ своей жизни. Ихъ наставленія служили выраженіемъ Слова Божія, и высшая небесная кара угрожала тѣмъ, кто осмѣливался нарушать ихъ ¹⁾. Другая нравственная сила духовенства заключалась въ епитиміяхъ и отлученіяхъ, которыя были равно для всѣхъ обязательны. Слова: „не буди на тобѣ наше благословеніе ни въ сій вѣкъ, ни въ будущій“ ²⁾ были слишкомъ грозны и потому почти всегда достигали своей цѣли.

Параллельно развитію нравственнаго вліянія духовенства шло развитіе его матеріальнаго положенія. Мало-по-малу въ рукахъ высшей іерархіи, а особенно въ рукахъ монастырскаго духовенства сосредоточилась обширная земельная территория, подлежащая ихъ непосредственному управленію и суду. „Въ частной и государственной жизни нашихъ предковъ XV и XVI в.в., по замѣчанію профессора Павлова, — господствовало, въ качествѣ

1) См. Акты историческіе, т. I, №№ 7 и 9.

2) См. Полн. собр. лѣтоп. т. VI, стр. 274.

высшаго опредѣляющаго начала, то убѣжденіе, что благотворительное усердіе къ церквамъ и монастырямъ, выражающееся въ обычныхъ приношеніяхъ къ нимъ тѣхъ или другихъ имуществъ, есть вѣрнѣйшій залогъ всякаго блага, общественнаго и частнаго¹⁾. Подъ сильнымъ и всеобщимъ вліяніемъ этого убѣжденія частныя лица и правительство надѣляли церкви и монастыри сокровищами и имѣніями, видя въ этомъ непосредственныя приношенія Богу и Его святымъ угодникамъ. Набожность вѣка создала изъ этого твердый общественный обычай и скопила въ рукахъ духовенства громадныя богатства и обширныя земельныя владѣнія. И все это по отношенію къ духовнымъ лицамъ и монастырямъ соединялось къ тому же со множествомъ различныхъ привиллегій, сдѣлавшихся мало-по-малу почти общимъ правиломъ.

Великій нравственный авторитетъ духовенства, связанный съ самымъ званіемъ и служеніемъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его матеріальное положеніе, какъ богатаго собственника, открывали по этому самому предъ представителями церкви широкія права на участіе въ ходѣ общественныхъ и политическихъ дѣлъ. Знаменитѣйшіе князья считали своею обязанностию совѣтоваться съ епископами и духовными лицами, которые являлись всегда съ совѣтами на добро. „Епископы, и поны, и игумены—завѣщаль еще славный Мономахъ своимъ дѣтямъ—съ любовію взимайте отъ нихъ благословеніе, и не устраняйтесь отъ нихъ, и по силѣ любите и снабдите“²⁾. Этотъ завѣтъ Мономаха исполнялся въ точности и во все послѣдующее время. Припомнимъ, что во всѣхъ важныхъ случаяхъ общественно-государственной жизни великіе князья приходили „на совѣтъ и думу къ своему отцу митрополиту“³⁾; различныя ратныя предпріятія они обыкновенно совершали не иначе, какъ „по благословенію преосвященнаго митрополита и еже о немъ священнаго собора архіепископовъ, и епископовъ, и всего

1) „Историч. очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи“. Одесса 1871 г., ч. I, стр. 158.

2) См. Погодина: „Исслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русс. Исторіи“, т. VII, М. 1856 г., стр. 377.

3) Полн. Собр. Лѣтон., т. VI, стр. 224.

священническаго чина“¹⁾); между собою, въ своихъ взаимныхъ счетахъ, князья „укрѣплялись въ правдѣ крестомъ честнымъ да владыками“²⁾); они иногда поставляли себѣ даже за правило, въ случаѣ взаимныхъ споровъ и несогласій, обращаться къ третейскому суду митрополита³⁾. У представителей духовенства князья испрашивали совѣтовъ и содѣйствія относительно управленія, суда и вообще лучшаго устройства свсей земли⁴⁾. „Соборъ духовенства православный! Отче митрополитъ и владыки!—произносилъ торжественно Іоаннъ Васильевичъ Грозный.—Я совѣтовался съ вами о Казанскихъ измѣнахъ, о средствахъ прекратить оныя, погасить огонь въ нашихъ селахъ, унять текущую кровь Россіянъ, снять цѣпи съ христіанскихъ плѣнниковъ, возвратитъ ихъ отечеству, церкви... Молю васъ и нынѣ, да способствуете мнѣ утвердить законъ, правду, благіе нравы внутри государства“⁵⁾. Замѣтимъ, наконецъ, что у древнихъ писателей житій святыхъ и у древнихъ лѣтописцевъ лучшею похвалою для хорошаго князя выставляется то, что онъ „любилъ священники, священническому и ивоческому чину честь велію подавалъ“, что „почиталъ митрополита и епископовъ, какъ самого Христа“⁶⁾. Духовенство было сильно правомъ печалованія⁷⁾; его вліяніе на общественныя дѣла увеличивалось еще отъ того, что весьма многія изъ этихъ дѣлъ совершались подъ присягой, и когда обстоятельства требовали измѣненія, тогда утвержденное прежде посредствомъ присяги только духовенство могло разрѣшить, и успокоитъ совѣсть⁸⁾.

1) Ibid., стр. 206, 288, 302—303; см. Степени. Ки., ч. II, стр. 109, 139, 256.

2) Полн. Собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 176.

3) См. Договорн. Грам. велик. кн. Василія Темнаго съ княземъ Рязанскимъ. Собр. госуд. грам. и договор. ч. I, № 66; они положили: „а о чемъ ся сокрутъ, ино имъ третей митрополитъ, а кого митрополитъ обвинятъ, ино обидное отдати“.

4) „Воярская дума древ. Русѣ“ Ключевского, стр. 520—521.

5) „Стоглавъ“ Казан. изд. 1862 г., стр. 30, 31 и сл.; см. также „Русс. Ист.“ Бестужева-Рюмина, т. II, Сиб. 1885 г., стр. 216, пр. 21.

6) См. напр. житіе св. Стефана Махрищскаго въ рукоп. сборн. Киев. дух. акад. подъ знак. Аа 155, л. 191 об.; см. Полн. Собр.; Лѣтоп., т. II, стр. 221; IV, стр. 183, 200 и др.; см. свазаніе о смерти князя Тверскаго Мхавла Александровича въ Никон. Лѣтоп., ч. VI, стр. 285—296.

7) Полн. Собр. Лѣтоп., т. IV, стр. 251, 295.

8) См. Акты Историч., т. I, № 23.

Кажется, достаточно и этихъ немногихъ, сказанныхъ нами, словъ о положеніи и правахъ духовенства древней Руси, чтобы видѣть, насколько могучей являлась эта общественная сила въ исторической жизни нашего отечества того времени, и отсюда понять, какую твердую и сильную опору могла она представить для политическихъ стремленій великихъ князей Москвы къ водворенію единодержавной и самодержавной формы правленія въ Московскомъ государствѣ. Такою опорой для нихъ наше духовенство, дѣйствительно, и послужило, особенно въ лицѣ высшей своей іерархіи и, въ частности, митрополитовъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ рядомъ и вмѣстѣ съ великими князьями, а также въ лицѣ игуменовъ—основателей монастырей, пользовавшихся глубокимъ уваженіемъ и вліяніемъ среди современниковъ и потомства. Сдѣлаться такой опорой представители духовенства имѣли и достаточныя побужденія, и вполнѣ надежныя средства.

Долгъ служенія христіанскаго представлялъ постоянное и сильное побужденіе для пастырей нашей церкви стоять на стражѣ благоденствія русской земли среди вражды и междоусобій княжескихъ; онъ возлагалъ на нихъ ревностную заботу всеми зависящими отъ нихъ средствами предотвращать пагубное разъединеніе Руси и всячески предупредить неизбежно вытекавшее изъ этого разъединенія ослабленіе силъ государства. Какъ люди, составившіе, можно сказать, въ то время единственную умственную силу страны, представители духовенства лучше другихъ понимали, насколько пагубно отражались на благосостояніи русской земли ея раздробленность, почти постоянныя политическія неурядицы, а вмѣстѣ съ этимъ они, конечно, прекрасно сознавали, что только путемъ сосредоточенія верховной государственной власти въ однѣхъ рукахъ могла быть вполнѣ гарантирована безопасность страны и ея жителей. „Проникнутое понятіями о царской власти,—власти, получаемой отъ Бога и независимой ни отъ кого и ни отъ чего, наше духовенство должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей, къ родовымъ отношеніямъ, не говоря уже о томъ, что усобицы княжескія находились въ прямой противоположности съ духомъ религіи,

а безъ единовластія онѣ не могли прекратиться. Вотъ почему, когда Московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали со стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ, великокняжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный¹⁾.

Другое, не менѣе сильное, побужденіе для нашего духовенства и монашества стать опорой для Московскихъ великихъ князей въ ихъ стремленіяхъ къ утвержденію единой державы связывалось съ существованіемъ многочисленныхъ церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ и неволью вытекавшею отсюда зависимою ихъ владѣтелей отъ свѣтской власти. „Князья—говоритъ Милютинъ—извлекали изъ существованія монастырскихъ имуществъ чисто политическую пользу, ибо посредствомъ этихъ имуществъ, сохраненію и увеличенію которыхъ они могли содѣйствовать или препятствовать, держали въ постоянной отъ себя зависимости одно изъ самыхъ могущественныхъ и вліятельныхъ сословій; съ другой стороны, они выигрывали чрезвычайно много и отъ того, что это сословіе присоединяло къ своему нравственному могуществу могущество матеріальное. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ борьбѣ своей съ удѣльными князьями и вольными городами, и вообще въ исполненіи своихъ политическихъ видовъ и намѣреній, великіе князья Московскіе получали много содѣйствія и помощи отъ духовенства, и нѣтъ сомнѣнія также, что это содѣйствіе не было бы такъ искренно и въ то же время такъ могущественно, если бы, съ одной стороны, существованіе церковныхъ имуществъ не связывало интересовъ духовенства съ интересами Московскихъ князей, а съ другой, не увеличивало бы вліянія его на народъ и не возвышало его значенія въ дѣлахъ общественныхъ. Въ особенности должно обратить при этомъ вниманіе на содѣйствіе, оказанное духовенствомъ великимъ князьямъ Московскимъ въ борьбѣ ихъ съ удѣльными князьями и въ стремленіи къ водворенію единой державы; нѣтъ никакого сомнѣнія, что одной изъ главныхъ причинъ давности духовенства видамъ и

¹⁾ Соловьевъ „Исторія Россія съ древнѣйш. врем.“, кн. I, стр. 1076.

политикѣ князей Московскихъ было убѣжденіе въ тѣхъ матеріальныхъ выгодахъ, которыя оно должно было приобрѣсти отъ сосредоточенія всѣхъ владѣній въ рукахъ одного князя. Дѣйствительно, при существованіи удѣловъ, съ одной стороны, духовенству было гораздо труднѣе охранить безопасность своихъ владѣній и правъ, ибо сохраніе этой безопасности зависѣло не отъ одного, но отъ многихъ, а съ другой—удѣльные князья чаще нарушали права духовенства, чѣмъ великіе, что и было причиною желанія многихъ монастырей освободиться отъ зависимости мѣстнымъ владѣльцамъ и перейти въ непосредственное вѣдѣніе великихъ князей Московскихъ. Нигдѣ права духовенства не нарушались такъ часто, какъ въ Новгородѣ, и нигдѣ не появилась такъ рано, какъ въ этомъ городѣ, мысль о секуляризаціи, именно потому, что тамъ покровительство Московскихъ князей и митрополита имѣло наименѣе значенія, и мѣстное духовенство находилось въ совершенной зависимости отъ мѣстнаго свѣтскаго правительства. Разсѣянность монастырскихъ вотчинъ по разнымъ княженіямъ еще болѣе заставляла духовенство желать уничтоженія удѣловъ, ибо сопровождалась не только неудобствами въ управленіи, но и большою трудностію въ сохраненіи приобрѣтенныхъ правъ и въ огражденіи ихъ отъ нарушеній. Особенно, въ случаѣ войны между удѣльными князьями, духовенство одного удѣла легко могло лишиться своихъ вотчинъ, находившихся въ другомъ удѣлѣ, потому что въ то время всѣ средства вредить врагу считались дозволенными. По всѣмъ этимъ причинамъ духовное сословіе должно было ревностно желать сосредоточенія всѣхъ удѣловъ въ рукахъ одного князя, ожидая отъ того многихъ выгодъ и не предвидя тѣхъ неудобствъ, которыя впоследствии для него возникли именно изъ этого сосредоточенія“¹⁾). Хорошо понимая простицавшую отъ этихъ ревностныхъ желаній духовенства выгоду для утверждавшагося политическаго порядка, князья—государя московскіе и съ своей стороны не менѣе ревностно желали усилить расположеніе къ себѣ его (духо-

¹⁾ „О недвижимыхъ имуществахъ духов. въ Россіи“. Итен. въ Общ. истор. и древн. Россійск. при Моск. универс. 1861 г., кн. I, стр. 397—398.

венства) представителей. Это послѣднее желаніе, по крайней мѣрѣ, отчасти, лежало въ основѣ и тѣхъ близкихъ отношеній, въ которыя старались поставить себя и, дѣйствительно, стояли къ монастырямъ московскіе государи. Эти отношенія хорошо извѣстны. Достаточно вспомнить, что монастырямъ они — по выраженію одного изъ писателей житій — „подавали довольную милостыню, нивы и удоія и езера на препитаніе мнихомъ“¹⁾; изъ монастырей избирали они придворныхъ духовниковъ и крестныхъ отцовъ для своихъ дѣтей²⁾; туда обращались они за молитвою по случаю домашнихъ несчастій и радостей³⁾; посѣщеніе монастырей было ихъ постояннымъ и любимымъ удовольствіемъ⁴⁾.

Но каковы-бы ни были побужденія, которыми руководились представители нашего духовенства, оказывая содѣйствіе осуществленію политическихъ плановъ великихъ московскихъ князей, во всякомъ случаѣ то неоспоримо, что въ представителяхъ церкви великокняжеская власть Москвы находила прочную и вѣрную опору для успѣшнаго достиженія своихъ цѣлей. Въ чемъ-же проявлялись дѣйствія этой опоры, или говоря иначе: въ какихъ-же мѣрахъ выражало духовенство свое участіе въ развитіи единой державы и самодержавія въ московскомъ государствѣ?

Какъ увидимъ ниже, съ самаго того времени, когда со стороны князей московскихъ было ясно обнаружено стремленіе къ единой державѣ, которое должно было принести столько благотворныхъ послѣдствій для возвышенія Россіи, — представители нашего духовенства рѣшительно становятся на сторо-

1) См. Житіе Стефана Махрищскаго. Рукон. сборн. Кіев. дух. акад. Аа 155, л. 200, 201 об. и л. 202.

2) См. Житіе Дмитрія Вологодскаго. Рукон. сборн. той-же акад. подъ знак.: О. 4. 79, л. 382; Полн. сбор. Лѣтоп. т. VI, стр. 223, 265, 266; Степенн. кн. ч. II, стр. 207, 227; см. такъ называемое „письмо о нелюбкахъ“ въ прибалт. ктв. твор. св. о. о. 1851 г., ч. X, стр. 505.

3) См. Житіе Александра Свирскаго. Рукон. сборн. Кіев. дух. акад. подъ знак.: Аа 106, л. 266; Полн. собр. Лѣтоп., т. VI, стр. 261, 268—269, 283; Степенн. кн., ч. II, стр. 136, 191, 205.

4) См. Житіе Корнелія Комельскаго. Рукон. сборн. той-же акад. подъ зн.: Аа 155, л. 79 об.—85; Полн. сбор. Лѣт. т. VI, стр. 49, 265, 267; Степенн. кн. ч. II, стр. 167, 225, 227, 268.

нѣ московскихъ князей—собирателей Руси, и всѣми зависящими отъ нихъ средствами стараются поддерживать этихъ князей при всякихъ посягательствахъ на ихъ единодержавное преобладаніе, при всякихъ столкновеніяхъ ихъ съ различными препятствіями, стоявшими на пути къ полному развитію и окончательному утвержденію новаго строя политической жизни. И смысломъ своей проповѣди, и самымъ дѣломъ стараются они въ такихъ случаяхъ выразить свое содѣйствіе московскимъ властителямъ въ дѣлѣ осуществленія ихъ политическихъ плановъ.

Но это лишь одна сторона, или одна форма проявленій содѣйствующаго участія представителей цевкви въ данномъ направленіи. Въ концѣ XV и первой половинѣ XVI вв., такъ сказать, рука объ руку съ нею особенно ярко выступаетъ и другая сторона или форма этихъ проявленій, не менѣе, если не болѣе, существенная, чѣмъ первая. Разумѣемъ въ данномъ случаѣ ту исходившую за указанное время изъ среды духовенства и монашества литературную проповѣдь, которая направлялась къ теоретическому и практическому примѣненію къ личности единого представителя русскаго государства—великаго князя московскаго византійскихъ принциповъ царской власти, къ перенесенію на эту личность возвышенныхъ чертъ того величественнаго царственнаго образа, какой сложился на почвѣ Византіи и олицетворялся въ лицѣ ея православныхъ царей—самодержцевъ. Идея о богоустановленности царской власти, усиливаемая часто идеей объ ея особомъ, священномъ значеніи (тема, заимствованная изъ ветхозавѣтно-библейскаго ученія и изъ писаній отцовъ церкви) и почти всегда тѣсно связанная съ основаннымъ на божественномъ писаніи ученіемъ о почитаніи властей, идея или ученіе о вытекающихъ изъ самой высоты и священнаго величія царскаго сана правахъ и обязанностяхъ носителей этого послѣдняго во всѣхъ сферахъ жизни, не исключая и жизни церковно-религіозной,—все это становится виднымъ и въ подробностяхъ раскрываемымъ—предметомъ духовно-литературной проповѣди даннаго времени. Правда, всѣ эти идеи не были совершенно новыми на русской почвѣ: ихъ пропаганда началась здѣсь, можно сказать, вслѣдъ

за прінятіемъ изъ Византіи Христіанства и велась то съ большею, то съ меньшею настойчивостію. Упоминая^о ихъ по частямъ мы находимъ еще въ извѣстномъ лѣтописномъ разсказѣ объ искорененіи разбоя при князѣ Владимірѣ ¹⁾, въ извѣстномъ знаменитомъ словѣ митрополита Иларіона о законѣ и благодати ²⁾, въ поученіяхъ Новгородскаго епископа Луки Жидаты ³⁾, въ различныхъ поученіяхъ XIII—XIV в.в. неизвѣстныхъ авторовъ ⁴⁾, въ поученіяхъ митрополитовъ—Кирилла, Алексія, Фотія и др. ⁵⁾. Но современная этимъ проповѣдни-

¹⁾ Епископы по этому поводу внушали Владиміру Равноапостольному, что онъ обязанъ судить и казнить преступниковъ, такъ-какъ получивъ свою власть „отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на помилованіе“. См. Поля. собр. лѣтоп., т. V, стр. 123; Степенн. кн., ч. I, стр. 165, 312.

²⁾ Обращаясь къ кагану Владиміру, авторъ слова говоритъ: добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сыпъ твой Георгій, егожь сотвори Господь намѣстника по тебѣ; твоему владычеству“. См. Прибавл. къ твор. св. о.о. за 1844 г., кн. II, стр. 246, св. „Ист. русс. церкви“ Преосв. Макарія, т. I, СПб. 1857 г., стр. 99.

³⁾ Въ „поученіи къ братіи“ онъ наставляетъ: „Бога бойтеси, книзи чтите: мы рабы во нервахъ Бога, а потомъ государя“... См. „Ист. русс. церкви“ Преосв. Макарія, СПб. 1857 г., т. I, стр. 89, пр. 221.

⁴⁾ См. напр. „поученіе избранно отъ св. писавій како подобаетъ кртіаномъ жити“. Рук. сборн. XVI—XVII в.в. Кіев. Дух. Акад. подъ зн. о 4, 79. Въ этомъ поученіи (на л. 96 и обор. сборника) сказано: „пачеж. князю своему прийте всѣмъ сердцемъ и не помыслите паче зла: „глаголетъ бо апостолъ властителей отъ Бога суть учинени, аще кто противится властелемъ, то Господню повелѣнію противится“.

⁵⁾ Вотъ что напр. писалъ митр. Фотій въ одномъ поученіи велик. князю Василію Дмитріевичу: „Христось Богъ поставилъ тебя на престолѣ отеческомъ великимъ княземъ и представителемъ всей Руси великой. Церковь Божія, тебя породившая крещеніемъ и воспитавшая, приготовила тебя къ тому, чтобы ты могъ дѣйствовать къ ея утверженію и устроенію... и паству Христову охранять и соблюдать отъ всякихъ озлобленій“...; а въ другомъ поученіи ему же говорилъ: „Ты царствуешь съ Богомъ надъ Его избранною паствою; потому долженъ подвизаться за Его паству и за Его правду противъ всякаго возстанія, даже до крови“. См. твор. св. о.о. за 1852 г., кн. 2-я, стр. 224, 225. См. Полн. собр. лѣт. т. X, стр. 149 (Поученіе митр. Кирилла Новгородца); см. Прибавл. къ Твор. св. о.о. за 1847 г., стр. 33—34 („Поученіе отъ апостол. правилъ къ христіанамъ“ митр. Алексія). Въ посланіи митр. Никифора къ Владиміру Мономаху о латявахъ особенно ярко указывается основывавшаяся на высокомъ значеніи государств. власти, какъ института богоустановленнаго, обязанность ея носителей быть блюстителями чистоты правосвѣрія: „князьмъ, отъ Бога избраннымъ и призваннымъ къ православнои вѣрѣ Его, должно хорошо знать ученіе Христово и твердое основаніе церковное, да послужать сами подпорами для святой церкви, въ назиданіе и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ“. См. „Ист. русс. церкви“ преосв. Макарія, СПб. 1857 г., т. II, стр. 149. Идея

камъ государственно-политическая жизнь не поставляла твердо на видъ, такъ сказать, одинаго объекта, къ которому бы указанная идеи могли всецѣло примѣняться, такъ что затруднительнымъ являлось самое примиреніе этихъ идей съ господствовавшими началами (удѣльно-родовыми) дѣйствительной жизни, съ постоянно колебавшимися государственно-политическими отношеніями. Не то было въ отмѣченное выше время, когда вполне подходящій объектъ для этихъ идей явился въ лицѣ одинаго сильнаго властителя всея Руси—государя Московскаго. Примѣненіе къ его единой личности всѣхъ этихъ чисто византійскихъ началъ власти могло теперь совершаться легко и удобно, а вмѣстѣ съ этимъ оно являлось, какъ нельзя болѣе кстати, и для личныхъ интересовъ государя Московскаго, и при томъ именно въ данное время. Русскія области только что окончательно собирались теперь въ одно цѣлое подъ единою властію князя Московскаго; единодержавная великокняжеская власть только что начинала утверждаться на прочномъ незыблемомъ основаніи фактически совершившагося подчиненія ей остатковъ удѣльно—вѣчевого порядка. Въ то же время различные сторонники исчезавшей старины не забывали дорогихъ для нихъ преданій и при случаѣ не замедляли дѣлать попытку къ ихъ оживленію. Поэтому для окончательно утверждавшейся теперь единодержавной и самодержавной власти государей Московскихъ, естественно, являлось на пользу начавшееся съ особенной силой какъ разъ въ это время и продолжавшееся въ теченіе всей данной эпохи теоретическое и практическое примѣненіе къ личности этихъ государей правъ и обязанностей византійскихъ царей. Вышне установленное въ русскомъ государствѣ въ лицѣ великихъ Московскихъ князей единодержавіе находило для себя въ этомъ великую, такъ сказать, внутреннюю поддержку. Это примѣненіе проводило въ сознаніе русскаго общества и укореняло въ немъ мысль о Московскомъ государѣ, не только какъ о еди-

объ обоготвореніи государственной власти ясно высказывается напр. въ поученіи, или какъ оно озаглавлено: наказаніи княземъ, шке дають волость и судъ ве Богобоявимъ и лукавымъ мужемъ“. „См. Памят. старши. русс. литературы“, изд. Кушелевымъ—Безбородко, ч. IV, стр. 184.

номъ властителейъ всей русской земли съ внѣшне-политической стороны, но и какъ о единомъ неограниченномъ носителѣ такой власти, права и обязанности которой, вытекающія изъ самыхъ основъ, на которыхъ эта власть зиждется, простираются и обнимаютъ собою все области жизни вѣреннаго ея попеченію государства, включая сюда и область религіозно-церковныхъ отношеній. Путемъ такого примѣненія развивался и укрѣплялся въ русскомъ общественномъ сознаніи образъ истиннаго православнаго царя—самодержца въ томъ смыслѣ и значеніи, въ какомъ образѣ этомъ сложился на почвѣ родной намъ Византіи.

В. С—кій.

(Продолженіе будетъ).

Къ вопросу объ отношеніи митрополита Филарета къ расколу.

21-го мая 1896 г. въ казанской духовной академіи происходилъ магистерскій диспутъ по поводу диссертациі В. Бѣликова: „Дѣятельность московскаго митрополита Филарета по отношенію къ расколу“. Одинъ изъ оппонентовъ—профессоръ И. Бердниковъ—нѣсколько позже печатно высказалъ свои замѣчанія, сдѣланныя имъ по поводу новаго научнаго изслѣдованія. „У г. Бѣликова, писалъ онъ (Церк. Вѣстн. 1896 г. № 30), въ книгѣ сказано, что по мнѣнію митрополита Филарета расколъ съ церковной точки зрѣнія есть отломившаяся, поврежденная отрасль господствующаго вѣроисповѣданія, есть общество людей, само себя поставившее въ отчужденіе отъ всецелой православной церкви и справедливо отлученное отъ оной каноническимъ постановленіемъ московскаго собора 1667 года (стр. 11, 335). Если такъ, говорили мы диспутанту, если раскольники находятся вѣвъ православной церкви, то какъ объяснить то, что митрополитъ Филаретъ считалъ раскольниковъ обязанными приносить присягу въ присутствіи православнаго священника и въ православномъ храмѣ (стр. 378),—что онъ считалъ въ порядкѣ вещей допускать раскольниковъ къ совершенію браковъ въ православныхъ или единовѣрческихъ церквахъ (Собр. мнѣн. и отз. п. III, стр. 63), что онъ выражался, что у раскольниковъ-безпоповцевъ „нѣтъ иного законнаго духовенства, кромѣ православнаго“ и поэтому считалъ возможнымъ и законнымъ подвергать безпоповцевъ епи-

теміи подѣ надзоромъ православнаго духовенства (Собран. мѣн. и отв. т. VI, 111—112), что оны противился допущенію смѣшанныхъ браковъ между раскольниками и протестантами по тому мотиву, что этимъ будетъ нанесенъ ущербъ православнои церкви (Собран. мѣн. и отв. т. II, 373. III, 63),— что оны считалъ правильнымъ, чтобы метрики о рожденіи и смерти раскольниковъ велись православнымъ духовенствомъ. Диспутантъ отказался указать точку примиренія этихъ послѣднихъ взглядовъ митрополита Филарета съ первымъ общимъ сужденіемъ его о расколѣ“.

Приведенная замѣтка проф. Бердникова наводитъ насъ на интересный вопросъ, относящійся къ дѣятельности знаменитаго московскаго святителя. Былъ ли послѣдователемъ митрополитъ Филаретъ въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ въ отношеніи къ расколу, оставался ли вѣренъ имъ до конца въ дѣйствительности, или, быть можетъ, практика и теорія, какъ большею частью бываетъ, не совпадали между собою и послѣдняя невольнo измѣнялась по требованіямъ первой? Трудно найти такой умъ, который былъ-бы живымъ воплощеніемъ логики, даже среди отвлеченныхъ мыслителей философовъ; но несравненно труднѣе указать его среди людей дѣла, практическихъ дѣятелей. Жизнь историческихъ лицъ протекаетъ въ столь сложныхъ и разнообразныхъ условіяхъ, что вѣрность принципу до послѣднихъ выводовъ можно считать здѣсь рѣдкимъ исключеніемъ. Окружающая среда, историческая обстановка, созданная прошлымъ и поддерживаемая настоящимъ, предъявляютъ свои неумолимыя требованія и логика мысли должна бываетъ уступать логикѣ жизни. Для современниковъ такая непоследовательность остается обыкновенно незамѣтной и неувидимой, потому что ихъ вниманіе сосредоточивается не на цѣлой дѣятельности извѣстной личности, а лишь на ея отдѣльныхъ моментахъ. Самъ дѣятель нерѣдко поступаетъ вопреки своимъ убѣжденіямъ совершенно безсознательно и невольнo, подѣ влияніемъ самыхъ различныхъ соображеній. Только когда историческое лицо дѣлается достояніемъ исторіи и его жизнь предметомъ изученія для біографовъ и ученыхъ, тогда въ зеркалѣ времени предстанетъ его личность въ ея не-

прерывномъ развитіи и нераздѣльной цѣльности, а вмѣстѣ съ тѣмъ станутъ ясны и ея противорѣчія и антиноміи.

То, что относится ко всѣмъ историческимъ лицамъ, можно сказать и о митрополитѣ Филаретѣ. Онъ относится несомнѣнно къ числу крупныхъ историческихъ дѣятелей, имя которыхъ написано на страницахъ русской исторіи XIX вѣка. Его, продолжавшаяся полвѣка, кипучая и разнообразная дѣятельность оставила свой слѣдъ въ жизни церкви и государства; но выясненіе ея со всею подробностью во всѣхъ ея частяхъ началось лишь въ сравнительно недавнее время. Выясняются постепенно общіе взгляды митрополита Филарета, выясняются его частныя мнѣнія, отношеніе его къ вопросамъ государственнымъ и церковнымъ и активное участіе въ ихъ разрѣшеніи. Конечно, не было бы ничего удивительнаго, если бы теперь оказалось, что принципиальные взгляды знаменитаго іерарха расходятся иногда съ его частными воззрѣніями: такова судьба почти всѣхъ историческихъ дѣятелей. Поэтому вполне возможно и то противорѣчіе во взглядахъ митрополита Филарета на расколъ, на какое указываетъ проф. Бердниковъ и примирить которое отказался г. Бѣликовъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что мнѣнія московскаго митрополита по отдѣльнымъ вопросамъ раскола, не соответствующія, повидному, его общему взгляду на послѣдній, составляютъ не болѣе какъ результатъ двойственности самаго общаго взгляда.

Для московскаго святителя расколъ есть „общество людей, которое, вслѣдствіе давно возникшихъ распрей и усиленно изысканныхъ сомнѣній о вселенско-православной церкви, само себя поставило въ отчужденіе“ отъ послѣдней ¹⁾ и отлучено отъ нея капоническимъ постановленіемъ московскаго собора 1667 года ²⁾. Такимъ образомъ раскольники суть „отпадшіе“ ³⁾ отъ православной церкви и, какъ таковые, находятся внѣ ея ограды. Но слѣдуетъ ли отсюда, что между матерью и отпадшими дѣтьми нѣтъ никакой связи? Нѣтъ связи эта есть, хотя чисто историческая, поскольку „раскольники суть отрасль гос-

¹⁾ Сочин. м. Фил. т. V, стр. 289.

²⁾ Собран. мн. т. III, стр. 229.

³⁾ Ibid. т. V, ч. I, стр. 494.

подтвующаго вѣроисповѣданія, хотя поврежденная" 1). Связь ихъ съ церковью покоится на живой связи съ послѣднею ихъ предковъ, бывшихъ нѣкогда вѣрными сынами православія. Церковь имѣетъ на нихъ права, какъ на свое историческое наслѣдство, терпѣливо ожидая возвращенія заблудшихъ въ материнское лоно и оберегая это наслѣдство отъ всего того, что могло бы ослабить и такъ уже непрочную историческую связь. Здѣсь во взглядѣ митрополита Филарета является неизбѣжная двойственность: съ одной стороны, раскольники находятся внѣ церкви, какъ отпадшіе и отлученные, съ другой—они составляютъ достояніе церкви, какъ потомки ея членовъ или сами нѣкогда бывшіе таковыми. Разсуждая теоретически, внѣ исторической обстановки, общество раскольниковъ стоитъ въ такомъ же отношеніи къ церкви, какъ и всякое другое неправославное христіанское общество, и законы и таинства церкви православной не могутъ простираются на раскольниковъ. Такъ долженъ былъ смотрѣть на дѣло московскій архипастырь въ качествѣ богослова-канониста. Но онъ былъ не только кабинетный ученый, а человекъ жизни и дѣла. Въ положеніи церковнаго дѣятеля онъ не могъ уже строго слѣдовать выводамъ канониста богослова, потому что—здѣсь было необходимо считаться съ другой, церковно-исторической точкой зрѣнія и въ качествѣ представителя церкви охранять принадлежавшее ей по праву достояніе.

Изъ такой двойственности объясняются всѣ частныя мнѣнія митрополита Филарета, кажущіяся несогласными съ его общимъ взглядомъ на расколъ.

Онъ требуетъ, чтобы раскольники приносили присягу, подобно православнымъ, въ церкви и при православномъ священникѣ. Онъ требуетъ этого отъ рогожскихъ раскольниковъ при вступленіи на престолъ императора Александра второго 2) и отъ № 114 дружины государственнаго ополченія въ городѣ Бронницахъ по тому же поводу 3). Онъ говоритъ, что „правило, чтобы раскольниковъ къ очистительной присягѣ приводить въ церквахъ, полезно прилагать неопустительно и къ

1) Ibid. т. III, 63.

2) Ibid., т. IV, стр. 11—13.

3) Ibid., т. IV, стр. 20.

должностной присягѣ" ¹⁾. Онъ считаетъ раскольниковъ подлежащими епитиміи и отвѣчаетъ утвердительно на запросъ оберъ-прокурора Св. Синода гр. Протасова отъ 30 апрѣля 1842 г., должно ли подвергнуть церковной епитиміи за сожительство двухъ лицъ Ѳедосѣевской секты—Осипа Алексѣева и Авдотью Иванову ²⁾. Другого раскольника (Петра Дмитриева, бронницкой округи) за бракъ съ православною дѣвицею, совершенный въ раскольнической часовнѣ, митрополитъ Филаретъ рѣшаетъ подвергнуть также епитиміи и послать на полгода въ монастырь для увѣщанія къ возвращенію въ нѣдра православной церкви ³⁾. Къ такому же наказанію, только на болѣе короткій срокъ (двѣ недѣли), онъ присуждаетъ крестьянку Екатерину Александрову за незаконное сожитіе ⁴⁾. Вообще же онъ предписываетъ, чтобы „если, по гражданскому суду, раскольникъ идетъ подъ епитимію, посылать его въ монастырь такъ же, какъ посылаютъ православныхъ" ⁵⁾.

Выражая относительно церковныхъ метрикъ мнѣніе, что „назначеніе ихъ и церковная въ нихъ потребность состоитъ въ томъ, чтобы православная церковь вѣрно знала своихъ чадъ, усыновленныхъ ей крещеніемъ, и потому правильно и безсомнительно могла преподавать имъ слѣдующія потомъ таинства“, и что слѣдовательно, „священникъ обязанъ записывать только дѣтей православныхъ, а раскольническихъ не обязанъ“, митрополитъ Филаретъ въ то же время склоняется къ мысли, что православное духовенство должно вести метрики раскольниковъ ⁶⁾.

Въ донесеніи Св. Синоду съ изложеніемъ соображеній по поводу двухъ пунктовъ по раскольническому вопросу, предложенныхъ на его обсужденіе, изъ которыхъ одинъ касался вѣнчанія раскольническихъ браковъ въ православныхъ церквяхъ, московскій архипастыръ пишетъ, что такое вѣнчаніе браковъ раскольниковъ „безъ особыхъ условій о принадлеж-

¹⁾ Ibid., т. II, стр. 365.

²⁾ Ibid., т. VI, стр. 111—112.

³⁾ Ibid., т. VI, стр. 611.

⁴⁾ Душеп. чтен. 1836 г. ч. I, стр. 133—134.

⁵⁾ Собран. мнѣв. п. отз. т. II, стр. 365.

⁶⁾ Ibid., т. III, стр. 215—216. II, 452—453, II, 368—369.

ности къ православію“ было допущено лишь какъ исключеніе въ пермской епархіи вслѣдствіе появленія тамъ вреднаго обычая сводныхъ браковъ и не можетъ быть обращено въ общее правило. Ибо „таинства или вводятъ въ церковь, какъ напримѣръ, крещеніе, или дѣйствуютъ внутри ея, какъ проявленіе живущей въ ней благодати Божіей. Такъ по существу дѣла; такъ по правиламъ церковнымъ. Чуждые православной церкви, по сему самому, не имѣютъ права пользоваться таинствами ея“. Однако уже въ томъ же донесеніи онъ даетъ понять, что онъ лишь противъ формальнаго разрѣшенія вѣнчанія раскольническихъ браковъ въ православныхъ церквахъ, а не противъ отдѣльныхъ случаевъ примѣненія такого вѣнчанія. „Но да будетъ позволено, продолжаетъ архипастырь, привести здѣсь разсужденіе одного изъ старѣйшихъ архіереевъ російской церкви, уже совершившаго свой подвигъ и перешедшаго въ жизнь будущую. Онъ говорилъ: если я узнаю, что священникъ, по желанію раскольниковъ, совершилъ бракъ ихъ въ церкви, я оставляю сію неправильность безъ преслѣдованія. Для нихъ, конечно, лучше бракъ благословенный въ церкви, нежели безблагодатный внѣ церкви. Да прострется нѣкое тайное дѣйствіе благодати на ихъ семейную жизнь; да будутъ дѣти ихъ дѣти благословеннаго брака. При семъ умѣстно принять въ соображеніе, что ради православнаго лица, вступающаго въ бракъ съ неправославнымъ, допускается въ православную церковь къ совершенію брака лицо неправославнаго исповѣданія“¹⁾. Ту-же мысль выражаетъ онъ въ письмѣ къ тверскому архіепископу Алексію. „Таинства установлены для вступающихъ въ церковь и для находящихся въ церкви. Слѣдственно, нельзя составить правила, чтобы вѣнчать браки раскольниковъ въ церкви. Но если, по какому-нибудь случаю, раскольники въ церкви вѣнчаны: можно почитать бракъ ихъ дѣйствительнымъ. Ибо не тща благодать святая церкви въ таинствѣ и для того, кто не совсѣмъ ея достоинъ“²⁾. Съ теченіемъ времени митрополитъ Филаретъ все болѣе становится на сторону частнаго примѣненія вѣнчанія раскольниковъ въ церкви и предписанія, дан-

¹⁾ Ibid. т. V, ч. II, стр. 568—569.

²⁾ Письма къ Алексію стр. 257.

ныя на этотъ счетъ пермскому епископу, распространяеть на епархіи нсковскую ¹⁾ и тамбовскую ²⁾.

Наконецъ, московскій іерархъ противится допущенію браковъ раскольниковъ съ лютеранами ³⁾ и отрицательно относится къ предположенію даровать первымъ право крестить дѣтей, по исповѣданію матерей въ римское или лютеранское исповѣданіе ⁴⁾.

Многое кажется непонятнымъ въ этихъ взглядахъ митрополита Филарета, если сопоставить ихъ съ его убѣжденіями какъ богослова-канониста. Странно было прежде всего требовать отъ людей, отлученныхъ отъ церкви, находящихся внѣ ея, соблюденія церковныхъ обычаевъ присяги. Какой смыслъ могла имѣть присяга въ православномъ храмѣ при православномъ священникѣ для раскольниковъ, проклинающихъ православную іерархію? Она ничего не могла говорить ихъ совѣсти и, какъ дѣло принужденія, оставалась бы пустымъ обрядомъ. Все здѣсь ограничивалось, очевидно, одною внѣшностью, клятва раскольниковъ была одною формальностью, а православное духовенство отправляло въ данномъ случаѣ полицейскія обязанности. Совершенно то-же происходило и при наложеніи на раскольниковъ епитиміи. Мѣра не столько карательная, сколько исправительная, епитимія свой смыслъ получаетъ отъ своего послѣдняго характера и какъ отеческое наказаніе можетъ быть примѣняема лишь къ чадамъ церкви, питающимъ уваженіе къ своей матери. При отсутствіи послѣдняго условія церковное покаяніе превратилось бы въ своего рода тюремное заключеніе и средство, предназначенное для врачеванія души оказалось бы бесполезнымъ. Между тѣмъ въ такое именно положеніе ставились раскольники. Для нихъ не существовало авторитета церкви, они не признавали за нею права заботиться объ ихъ спасеніи и всякое близкое соприкосновеніе съ нею считали для себя оскверненіемъ. Что же значило для нихъ заключеніе въ монастырь или вообще епитимія въ какой бы то ни было формѣ? Со стороны церкви прилагать мѣры испра-

¹⁾ Собран. мѣт. и отз. т. III, стр. 63—64.

²⁾ Ibid. стр. 23.

³⁾ Ibid. т. II, стр. 373—374.

⁴⁾ Ibid. т. III, стр. 63.

вленія, примѣняемыя къ православнымъ, по отношенію къ отпадшимъ и исключеннымъ изъ нея лона было совершенно нелогично.

Въ вопросѣ о раскольническихъ метрикахъ и бракахъ возникаютъ недоумѣнія подобнаго же характера. Разъ церковныя метрики назначены для того, чтобы „православная церковь вѣрно знала своихъ чадъ“¹⁾, то вопросъ о записи въ нихъ раскольниковъ самъ собою рѣшается отрицательно. Они не суть чада церкви, находятся внѣ ея и потому не подлежатъ вѣдѣнію православнаго духовенства.—Если далѣе „тайинства установлены для вступающихъ въ церковь и для находящихся въ церкви“²⁾, то для раскольниковъ они совершаться не могутъ ни въ какомъ случаѣ. Какъ же согласить съ этимъ вѣнчаніе раскольническихъ браковъ въ православныхъ церквахъ? Пускай даже такое вѣнчаніе разрѣшается только въ отдѣльныхъ случаяхъ (хотя, какъ мы видѣли, разрѣшенія обнимали цѣлыя епархіи), уже и одинъ случай выдвигаетъ на видъ противорѣчіе принципу, тѣмъ болѣе, что для самихъ раскольниковъ бракъ въ церкви вовсе не тайство. Почему, наконецъ, отъ брачныхъ союзовъ раскольниковъ съ протестантами грозитъ ущербъ православію? Если расколъ есть общество людей, чуждое церкви, то что можетъ послѣдняя потерять отъ такихъ браковъ или отъ крещенія раскольническихъ дѣтей въ другія исповѣданія?

Когда мы беремъ взглядъ московскаго архипастыря на расколъ съ одной теоретической стороны, то всѣ недоразумѣнія, возбуждаемыя его частными мнѣніями, сохраняютъ свою силу. Противорѣчіе ихъ основному принципіальному воззрѣнію кажется непримиримымъ, ибо всюду раскольники оказываются находящимися внѣ церкви и въ то же время какъ-бы къ ней принадлежащими. Совершенно мѣняется дѣло, если мы примемъ во вниманіе и историческую точку зрѣнія митрополита Филарета. Трудно предположить, чтобы самъ онъ не сознавалъ нелогичность своихъ мнѣній во всѣхъ указанныхъ выше случаяхъ, чтобы онъ видѣлъ, напримѣръ, въ принесеніи расколь-

¹⁾ Ibid. т. III, стр. 215.

²⁾ Письмо къ арх. Алексію. стр. 257.

никами присяги въ церкви и соблюденіи епитиміи нѣчто большее простой формальности. Но онъ помнилъ историческую связь раскола съ православіемъ и дѣйствовалъ сообразно съ этимъ. Какъ законное наслѣдіе церкви, бывшее нѣкогда ея полнымъ достояніемъ, общество раскольниковъ вызывало къ себѣ своеобразныя отношенія. Раскольники стремились къ возможно большей самостоятельности, стараясь провести рѣзкую грань между собою и православіемъ. Въ этихъ видахъ они неутомимо домогались пріобрѣсти себѣ самостоятельную іерархію и при каждомъ удобномъ случаѣ вынуждали уступки своей самостоятельности у власти церковной и гражданской, мечтая стать въ положеніе другихъ признанныхъ иновѣрныхъ исповѣданій. Московскій митрополитъ въ свою очередь считалъ своимъ долгомъ противодѣйствовать сепаративнымъ тенденціямъ раскола, хорошо понимая, что усиленіе сепаратизма болѣе всего удаляетъ отъ церкви ея историческое наслѣдство. Онъ прекрасно видѣлъ, куда клонятся замыслы раскольниковъ. Какое преимущество, пишетъ онъ, желаютъ имѣть и получить раскольники? Вѣроятно то, чтобы имъ быть отдѣльнымъ, признаннымъ въ государствѣ исповѣданіемъ и церковью, съ правами, подобными тѣмъ, какими пользуются римско-католики и протестанты“¹⁾. Этому-же онъ противился всѣми силами, будучи убѣжденъ, что признать расколъ наравнѣ съ другими исповѣданіями—это значитъ „увѣковѣчить временное, сдѣлать переходное постояннымъ, укрѣпить расколъ въ отдѣльности и поставить преграду сліянію его съ церковью“²⁾. Отсюда его двадцатилѣтняя борьба противъ усилій раскольниковъ пріобрѣсти себѣ самостоятельную іерархію, независимую отъ духовнаго начальства, отсюда же его отрицательное отношеніе ко всякимъ попыткамъ правительства такъ или иначе легализировать расколъ и признать за нимъ право на существованіе.

Изъ взгляда на раскольниковъ, какъ „отломившуюся отрасль господствующаго исповѣданія“, вытекала задача ихъ воссоединенія съ церковью и ихъ сохраненія для послѣдней. Для достиженія этой цѣли было необходимо ослабить сепаратизмъ

¹⁾ Собрн. мѣст. и отв. т. V, ч. I, стр. 494.

²⁾ Ibid. т. V, ч. II стр. 601.

раскола, или, по крайней мѣрѣ, препятствовать его увеличенію, изыскать какъ можно болѣе средствъ къ его сближенію съ православіемъ и не допустить его вліянія съ другими исповѣданіями. Во всей дѣятельности митрополита Филарета по отношенію къ расколу мы видимъ преслѣдованіе такой цѣли, и съ этой точки зрѣнія его дѣятельность строго послѣдовательна. Когда московскій архипастырь требуетъ, чтобы раскольники приносили присягу въ церкви и при православномъ священникѣ, онъ мотивируетъ свое требованіе прежде всего тѣмъ, что такой способъ присяги предписанъ закономъ ¹⁾. Другимъ мотивомъ онъ выставляетъ, что „опыты показываютъ, что въ расколникахъ силу имѣетъ не столько религіозное убѣжденіе, сколько упрямство воли, которое усиливается надеждою уступки отъ начальства и ослабѣваетъ предъ его твердостью“ ²⁾. Предписывая подвергать раскольниковъ епитиміи наравнѣ съ православными, митрополитъ Филаретъ опять указываетъ на законъ, который не признаетъ въ расколѣ отдѣльнаго исповѣданія и слѣдовательно не избавляетъ ихъ отъ дѣйствія церковныхъ исправительныхъ мѣръ ³⁾, а также имѣетъ въ виду то, чтобы „раскольникъ не былъ выгодно независимъ отъ закона, которому покорены православные“ ⁴⁾. Кроме того, онъ видитъ въ несеніи раскольниками епитиміи случай для увѣщанія ихъ къ возвращенію въ православіе ⁵⁾. Такимъ образомъ въ обоихъ мнѣніяхъ Московскаго іерарха мы слышимъ отголосокъ его убѣжденія: „существуетъ законъ для всѣхъ подданныхъ: развѣ онъ не простирается на раскольниковъ?.. Развѣ для подданныхъ въ государствѣ должны быть два закона, одинъ для подданныхъ не раскольниковъ, а другой для подданныхъ раскольниковъ“ ⁶⁾? Параллельно выступаютъ здѣсь нежеланіе уступокъ расколу и стараніе дать возможность православной іерархіи войти съ нимъ въ соприкосновеніе. Вообще же въ вопросѣ о присягѣ и епитиміи замѣтна одна основная тенденція—противодѣйствовать раскольническому сепаритизму, такъ какъ свобода раскольниковъ отъ дѣйствія закона

¹⁾ Ibid., т. IV, стр. 11—13, 20.

²⁾ Ibid., т. IV, 21.

³⁾ Ibid., VI, 111—112.

⁴⁾ Ibid., II, 365.

⁵⁾ Ibid., VI, 111—112.

⁶⁾ Ibid., V, ч. II, стр. 604.

въ какомъ бы то ни было отношеніи и каждая уступка укрѣпляла ихъ особенность, а сношеніе съ православіемъ могло служить средствомъ къ обращенію въ лоно церкви.

Въ вопросѣ о веденіи раскольническихъ метрикъ православнымъ духовенствомъ митрополитъ Филаретъ остается вѣренъ своей исторической точкѣ зрѣнія. Что заставило его склониться въ сторону положительнаго рѣшенія этого вопроса? Трудно признать рѣшающее значеніе за такими его соображеніями, что 1) „съ введеніемъ сихъ записей счетъ народонаселенія будетъ полнѣе и вѣрнѣе, 2) труднѣе будетъ раскольникамъ дѣлать подлоги, какіе нынѣ замѣчаются, какъ напри- мѣръ, увеличеніе лѣтъ возраста для преждевременнаго брака, уменьшеніе лѣтъ для уклоненія отъ рекрутскаго набора по молодости“ и т. п. ¹⁾ Трудно признать рѣшающее значеніе и за соображеніями другого рода, именно, что здѣсь церковь исполняетъ безмездно важное для государства дѣло, что введеніе для раскольниковъ особыхъ гражданскихъ метрикъ вызвало бы лишніе расходы ²⁾. Митрополитъ Филаретъ, самъ съ большимъ сомнѣніемъ смотритъ на вѣрность раскольническихъ метрикъ, которыя ведутъ православные священники, такъ какъ, при отсутствіи довѣрія раскольниковъ къ священнику, послѣдній не можетъ имѣть всегда точныхъ свѣдѣній о раскольническихъ дѣтяхъ ³⁾. Возлагать же на духовенство тяжелую и непріятную обязанность во имя однихъ экономическихъ соображеній государства, было бы крайне странно. Очевидно, у святителя Московскаго были мотивы болѣе важные, которыхъ онъ и не скрываетъ. Въ своемъ мнѣніи относительно приложенія законовъ о метрикахъ къ раскольникамъ (1839 г.) онъ говоритъ слѣдующее: „Общее правило для христіанскихъ подданныхъ то, что метрики ведутся при церквахъ чрезъ священниковъ... Какъ раскольники не имѣютъ законнаго священства, то не можетъ быть у нихъ законныхъ церковныхъ метрикъ. Какъ раскольники не признаются въ государствѣ особымъ законнымъ сословіемъ, то не можно сдѣлать особаго

1) Ibid., т. VI, стр. 362—369.

2) Ibid., т. III, 215—218.

3) Ibid., т. VI, стр. 368. III, стр. 215—218.

учрежденія для раскольническихъ метрикъ; ибо такое учрежденіе было бы признаніемъ ихъ, какъ особаго сословія въ государствѣ. Въ прежнія времена раскольники записывали своихъ умершихъ и рожденныхъ въ церковныхъ метрикахъ прихода, въ которомъ живутъ. Пользуясь далеко простертою терпимостью, они возымѣли дерзость сами собой постепенно прекращать сей обычай законный, а секретныя правила 1822 г. придали своеволю ихъ видъ законности. Возстановить сей обычай—значить возстановить общее правило въ государствѣ. Православіе изъ возстановленія сего обычая можетъ извлечь ту пользу, что приходскіе священники будутъ имѣть случай сношенія съ раскольниками для собесѣдованія назидательнаго¹⁾. Отсюда очевидно, что вопросъ о раскольническихъ метрикахъ рѣшался во имя соображеній принципіальныхъ, а вовсе не стороннихъ, вродѣ экономическихъ. Митрополитъ Филаретъ не хотѣлъ допустить особыхъ метрическихъ записей для раскольниковъ, записей, изъятыхъ изъ вѣдѣнія православнаго духовенства, потому, что эта мѣра нѣкоторымъ образомъ укрѣпляла расколъ въ самостоятельности, ставила его внѣ дѣйствія общаго закона, придавая ему видъ особаго законнаго сословія. Съ другой стороны, на противъ, веденіе метрикъ православною іерархіею давало послѣдней поводъ къ сношенію съ удалявшимися отъ нея раскольниками и такимъ образомъ отчасти заполняло пропасть между двумя противоположными сторонами.

Мнѣніе митрополита Филарета о вѣнчаніи раскольническихъ браковъ въ православныхъ церквахъ служитъ едва ли не самой яркой иллюстраціей того, какъ много значила въ его глазахъ историческая связь раскола съ православіемъ. Здѣсь невѣрность взгляду на раскольническое общество, какъ стоящее внѣ церкви, кажется особенно очевидной. Признавая право пользоваться таинствами церкви за одними православными, дѣлая распоряженіе, чтобы ко всѣмъ таинствамъ, кромѣ крещенія, раскольниковъ принимать не иначе, какъ по убѣжденію желающихъ къ соединенію съ церковью или просто и без-

¹⁾ Ibid. т. II, стр. 452—453.

условно, или, по крайней мѣрѣ, по правиламъ и чиноположенію, предписаннымъ для единовѣрческихъ церквей, ¹⁾ московскій святитель самъ же предписываетъ дать нѣсколькимъ епархіямъ секретныя предписанія о совершеніи для раскольниковъ таинства брака безъ условій присоединенія. Но во имя какихъ мотивовъ допускалось въ данномъ случаѣ исключеніе изъ общаго правила, которое тѣмъ не менѣе сохраняло всю свою силу, такъ какъ митрополитъ Филаретъ никогда не соглашался на формальное разрѣшеніе вѣнчанія браковъ раскольниковъ въ православныхъ церквахъ? Мотивомъ была необходимость противодѣйствовать своднымъ бракамъ, появившимся у раскольниковъ поповцевъ вслѣдствіе оскудѣнія бѣгствующаго священства. Сводные же браки, по мысли московскаго архипастыря, приближали поповщинскую секту къ худшей сектѣ безпоповщинской ²⁾. Если поповщина далека отъ православія, то безпоповщина неизмѣримо дальше, такъ какъ она не призываетъ совершенно іерархіи. Въ сношеніи съ православіемъ поповцы несравненно терпимѣе безпоповцевъ, равно въ средѣ первыхъ гораздо болѣе было и есть случаевъ обращенія, чѣмъ въ средѣ послѣднихъ. Понятно само собою, что чѣмъ больше отчужденіе отъ церкви, тѣмъ больше сепаратизмъ раскольнической секты и тѣмъ болѣе отдаленна надежда на ея воссоединеніе съ церковью. Все это зналъ и понималъ знаменитый іерархъ, и преслѣдуя цѣль возвращенія въ лоно церкви отпавшихъ сыновъ, онъ жертвовалъ взглядами богослова-канониста для осуществленія задачъ церковнаго дѣятеля, лишь бы „отломившаяся отрасль“ не потеряла способности привиться къ живому дереву.

Тѣмъ же желаніемъ сохранить для церкви ея законное наследство обуславливалось мнѣніе митрополита Филарета по вопросу о смѣшанныхъ бракахъ между раскольниками и ино-вѣрцами и о крещеніи дѣтей отъ такихъ браковъ. „Раскольники, пишетъ онъ, составляютъ отломившуюся отрасль господствующаго вѣроисповѣданія, къ которому совершенно принадлежали въ своихъ предкахъ. Если оставить ихъ браки съ

¹⁾ Ibid. т. III, стр. 238.

²⁾ Ibid. т. VI, стр. 221.

лютеранами безъ вниманія и ограниченія, то легко можетъ случиться, что дѣти ихъ будутъ воспитываться въ лютеранскомъ исповѣданіи, и слѣдственно сіе исповѣданіе распространяться будетъ на счетъ господствующаго вѣроисповѣданія, что противно коренному государственному закону, который даетъ право господствующему вѣроисповѣданію приобрѣтать отъ другихъ, а не обратно. Дальнѣйшимъ сего послѣдствіемъ можетъ быть то, что лютеранская образованность, привившись къ расколу посредствомъ брачныхъ союзовъ и воспитанія дѣтей, дастъ ему новую силу и большую самостоятельность¹⁾. Противорѣчіемъ же государственному закону, позволяющему лишь господствующему вѣроисповѣданію распространяться на счетъ другихъ, а не послѣднимъ на счетъ перваго, митрополитъ Филаретъ считаетъ дарованіе раскольникамъ права крестить дѣтей по исповѣданію матерей въ римское или лютеранское исповѣданіе²⁾. Здѣсь, такимъ образомъ, раскольники какъ бы прямо включаются въ число членовъ церкви ради исторической связи съ нею. Переходъ ихъ въ другое исповѣданіе трактуется наравнѣ, съ совращеніемъ православныхъ, противодѣйствовать чему составляетъ первый долгъ іерархіи. Указывается и на опасность усиленія самостоятельности раскола, которая такъ много значила въ глазахъ московскаго митрополита. Все это прежніе мотивы и соображенія, какіе мы видѣли, въ разсмотрѣнныхъ ранѣе вопросахъ, и которые вызывались положеніемъ раскола въ исторіи русской церкви.

Итакъ, можно ли въ концѣ концовъ сказать, что митрополитъ Филаретъ въ нѣкоторыхъ своихъ частныхъ мнѣніяхъ становится въ разрѣзъ съ своимъ общимъ взглядомъ на расколъ? Отвѣтъ на это будетъ зависѣть отъ того, какъ понимать его общій взглядъ. Если брать его односторонне, съ одной теоретической стороны, иначе говоря, если брать богословско-каноническую точку зрѣнія московскаго святителя, то противорѣчіе дѣйствительно будетъ. Но отдѣлять церковно-историческую точку зрѣнія отъ богословско-канонической совершенно неестественно, особенно въ лицѣ такого выдаю-

1) Ibid. т. II, стр. 373—374.

2) Ibid. т. III, стр. 63.

щагося церковнаго дѣятеля, какъ митрополитъ Филаретъ. Для него жизнь въ ея дѣйствительныхъ проявленіяхъ, историческомъ прошломъ и настоящемъ, имѣла отнюдь не меньшее значеніе, чѣмъ область отвлеченной мысли; и убѣжденія, создавшіяся въ силу требованій жизни, были такъ же дороги, какъ логическіе выводы изъ теоріи. Взятому же въ нераздѣльной цѣлости своему взгляду на расколъ, какъ „отломившуюся отрасль господствующаго исповѣданія“, онъ всегда остается вѣренъ. Отрасль отломилась, но она была нѣкогда на деревѣ и можетъ привиться снова; раскольники въ лицѣ своихъ предковъ были членами церкви и по праву наслѣдства принадлежатъ ей—таковъ девизъ дѣятельности митрополита Филарета, и мы видѣли, насколько онъ неуклонно слѣдуетъ этому девизу.

В. Титлиновъ.

НАУЧНО-МЕХАНИЧЕСКОЕ МИРОПОНИМАНИЕ И ЭТИКА.

(Окончаніе *).

Прежде чѣмъ приступить къ разбору того положенія, что мысль есть движеніе вещества, намъ необходимо выяснитъ коренное различіе между физическимъ и психическимъ, состоящее въ томъ, что физическое совершается въ пространствѣ, къ психическимъ же явленіямъ категорія пространственной протяженности не приложима. Когда мы рассматриваемъ какой-либо матеріальный предметъ, то находимъ, что онъ имѣетъ такую-то пространственную форму—круглую, продолговатую, восьмиугольную, что онъ находится по отношенію къ намъ справа, слѣва, впереди, позади, что онъ движется по направленію сверху внизъ и т. д. Всѣ такія понятія пространственной протяженности приложимы ко всѣмъ безъ исключенія матеріальнымъ предметамъ. Къ физическимъ явленіямъ или процессамъ могутъ быть приложимы не всѣ пространственныя понятія; нельзя напр. сказать, что теплота (явленіе) имѣетъ форму круглую, тупую, острую и т. п.; но несомнѣнно, что молекулярное движеніе вещества (причина теплоты) совершается въ извѣстномъ пространствѣ. Точно то же нужно сказать о такихъ явленіяхъ, какъ электричество, магнетизмъ и др. Нельзя сказать, что электричество толстое, гладкое, шероховатое и т. д., но причина этого явленія—движеніе опять—таки совершается въ пространствѣ. Итакъ, ко всѣмъ физическимъ предметамъ и явленіямъ приложимы всѣ или нѣкоторыя пространственныя опредѣленія.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1902 г. № 7.

Наоборотъ, къ явленіямъ психическимъ не можетъ быть приложена ни одна изъ категорій пространственной протяженности. Возьмемъ явленія мышленіе. Въ настоящую минуту я думаю объ англо-бурской войнѣ. Было-бы очевидно нелѣпостью сказать, что моя мысль объ этой войнѣ имѣетъ столько-то верстъ въ длину и столько-то въ ширину, что она кругла или квадратна, что она находится въ Африкѣ, въ лагерѣ Китченера, или въ Лондонѣ, въ кабинетѣ англійскаго премьера и т. д. Прочитавъ телеграмму о звѣрски-жестокомъ обращеніи англичанъ съ военнопленными бурами, вы чувствуете приступъ негодованія. Скажите-ли вы, что ваше чувство негодованія достигаетъ такой-то высоты, длины, ширины, что оно продолговато, овально, квадратно и т. д. Очевидно, нѣтъ. Нельзя этого оказать и о вашемъ какомъ-бы то ни было волевымъ рѣшеніи. Словомъ, пространственная протяженность, составляя принадлежность всѣхъ вообще физическихъ предметовъ и явленій, не приложима ни къ одному психическому явленію ни въ какой формѣ, и въ этомъ заключается коренное различіе между физическимъ и психическимъ. А отсюда само собою слѣдуетъ заключеніе, что мысль не можетъ быть движеніемъ вещества, какъ утверждаютъ матеріалисты. Такое утвержденіе возможно только въ томъ случаѣ, если не дѣлать различія между мышленіемъ, какъ психическимъ явленіемъ, и тѣми мозговыми процессами, которыми оно сопровождается, къ чему такъ склонны матеріалисты. Матеріалисты указываютъ на то, что мышленіе непременно сопровождается физиологическими процессами въ мозговыхъ полушаріяхъ: приливомъ крови къ головѣ, повышеніемъ температуры ея, движеніемъ мозговыхъ частичекъ и т. п., и отсюда заключаютъ, что мышленіе и движеніе—одно и то же. Такое смѣшеніе понятій ничѣмъ не можетъ быть оправдано. „Принимая мышленіе и отправленіе мозга (т. е. нервный электрический процессъ) пишетъ Вундтъ, за одно и то же, естествоиспытатель погрѣшаетъ противъ перваго правила естественно-научной логики: причинная связь между отправленіемъ мозга и мышленіемъ еще вислолько не доказана. Опытъ показываетъ намъ, что есть такая вещь, которой мы не мо-

жемъ видѣть и осязать непосредственно, какъ какое-нибудь тѣло. Эта вещь есть мысль. Мысль не доступна нашимъ чувствамъ: мы можемъ слышать слово, которымъ она выражается,—можемъ видѣть человѣка, въ головѣ котораго она явилась,—мы можемъ анатомировать мозгъ, въ которомъ она обнаружилась; но слово, человѣкъ, мозгъ—это еще не мысль. Также и кровь, протекающая чрезъ мозгъ, химическія измѣненія, происходящія въ мозгу, теплота, электричество, развивающееся въ мозгу, это не есть мысль... Ощущеніе не есть ни внѣшнее движеніе, ни процессъ въ нервахъ, ни все то, что предшествуетъ ощущенію, но нѣчто совершенно новое, психологическій фактъ, который доступенъ нашему внутреннему взору, только какъ результатъ“¹⁾).

„Какъ самая возвышенная душевная дѣятельность, говоритъ Дюбуа-Реймонъ, такъ и первая ступень сознанія, чувственное ощущеніе, не объяснимы матеріальными условіями и останутся такими навсегда, какіе бы успѣхи знанія ни сдѣлалъ человѣческій умъ. Съ первымъ ощущеніемъ удовольствія, или боли, у самаго простѣйшаго существа, въ началѣ животной жизни на землѣ, міръ сталъ ему вдвойнѣ непонятнѣе. *Астрономическое* знаніе мозга, самое совершенное знаніе, какое мы можемъ только имѣть о немъ, открыло бы въ немъ только движеніе матеріи, которое отнюдь не объяснило бы происхожденіе сознанія изъ какого-либо распредѣленія, или движенія матеріальныхъ частичекъ, изъ механики мозговыхъ атомовъ. *И здѣсь безусловная граница нашего познанія*“²⁾).

Физиологъ Лётце пишетъ: „Факты измѣненій въ элементахъ тѣла составляютъ то царство условій, съ которыми неразрывно связаны существованіе и формы нашихъ внутреннихъ состояній,—однакожь эти факты не доказываютъ того, что въ этихъ перемѣнахъ лежитъ единственная и достаточная причина, самосильно и безъ содѣйствія иного начала порождающая изъ себя одной все разнообразіе душевной жизни. Внимательный взглядъ на свойство этой связи обнаруживаетъ намъ цѣлую

¹⁾ „Положит. философія и сверхчувств. бытіе“ преосвящ. Ниванора, т. I, стр. 336.

²⁾ Ibid. стр. 345.

бездну, которая лежитъ здѣсь между достаточною, повидимому, причиною и мнимымъ ея слѣдствіемъ. Все, что бываетъ съ матеріальными составными частями внѣшней природы, или нашего собственнаго тѣла, все это вовсе не идетъ ни въ какое сравненіе съ особенностію духовныхъ состояній. Никакое сравнительное разложеніе не откроетъ въ химическомъ составѣ нерва, напряженности его мельчайшихъ частицъ, причину того, почему звуковая волна, достигая нерва своими струями, должна породить въ немъ что-нибудь болѣе подобнаго ей колебанія и вызвать у него сознательное ощущеніе тона. Какъ далеко ни слѣдили бы мы въ нервѣ проникшее въ него чувственное раздраженіе, сколько бы ни придавали разнообразныхъ измѣпеній его формѣ и какихъ бы ни измышляли для него самоутонченнѣйшихъ движеній,—никогда мы не сможемъ показать, что въ свойствѣ порожденнаго, такимъ образомъ, движенія само собою лежитъ то, чтобы ему прекратиться, какъ движенію, и возродиться въ видѣ свѣтлаго блеска, въ видѣ тона, въ видѣ сладкаго вкуса и т. п. Скачекъ между послѣднимъ, доступнымъ для насъ, состояніемъ матеріальныхъ элементовъ и первымъ началомъ ощущенія будетъ все такъ же великъ, и едва ли кто станетъ питать тщетную надежду, что болѣе развившаяся наука отыщетъ таинственный переходъ тамъ, гдѣ невозможность всякаго сплошнаго перехода сама бросается въ глаза просто и ясно, какъ солнце. Никогда міръ сознанія не выходилъ самопонятнымъ слѣдствіемъ изъ міра движеній“¹⁾.

„Какимъ образомъ совершается это превращеніе (физической силы въ психическое явленіе), говоритъ Спенсеръ, какимъ образомъ сила, существующая въ видѣ движенія, теплоты или свѣта, можетъ стать извѣстнымъ видомъ сознанія,—какимъ образомъ напр. колебанія воздуха производятъ ощущеніе, которое мы называемъ звукомъ, а силы, освобождающіяся при химическихъ измѣненіяхъ въ мозгу, даютъ начало движенію,—это тайны, которыхъ намъ нѣтъ возможности постигнуть“²⁾.

„По словамъ Д. С. Милля, въ концѣ всякихъ нервныхъ

¹⁾ Ibid. т. II, стр. 166.

²⁾ Ibid. стр. 167.

движеній ощущенія есть нѣчто, что—не движеніе, есть чувство или ощущеніе; способъ, которымъ послѣднее движеніе производитъ ощущеніе, не можетъ быть объясненъ никакимъ закономъ движенія“¹⁾).

„Мы блуждаемъ въ пустынь, говоритъ Тиндаль, когда стремимся попятъ связь между нервною системою и психическими явленіями, между матеріею и духомъ. Здѣсь нужна Архимедова точка опоры, которой умъ человѣческій не въ состояніи найти. Желаніе разрѣшить эту задачу напоминаетъ усилія человѣка, который пытался бы поднять самого себя за собственный поясъ. Параллель между тѣлесными и психическими явленіями производится безъ соприкосновенія, или даже безъ попытки къ соприкосновенію. Между этими двумя классами фактовъ не можетъ быть никакого сліянія, въ умѣ человѣческомъ не имѣется достаточно силы, чтобы совершить это безъ логическаго перерыва между ними“²⁾).

Таковы взгляды выдающихся естествоиспытателей и ученыхъ по вопросу о происхожденіи сознанія изъ матеріальныхъ процессовъ, взгляды, рѣшительно опровергающіе попытку материалистовъ связать въ одно цѣлое два такіа несоизмѣримыя понятія, какъ матерія и сознаніе. Сказать послѣ всего этого, что мысль есть движеніе вещества, можно только намѣренно закрывая глаза, упорно не желая видѣть истину, которая такъ принудительно очевидна, которая не допускаетъ никакихъ сомнѣній, ни возраженій, истину, которая самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаетъ возможность какого бы то ни было сходства, какой бы то ни было точки соприкосновенія между матеріальнымъ движеніемъ и наипростѣйшимъ ощущеніемъ.

— Хорошо, скажутъ материалисты, пусть такъ, пусть мысль и движеніе не одно и то же. Но почему мысль не можетъ быть свойствомъ матеріи, силой, способностью вещества? Матерія обладаетъ свойствомъ непроницаемости, притяженія и др. Почему она не можетъ обладать и способностью мышленія? Свойства матеріи—непроницаемость, притяженіе и др.—такъ же пространственно не протяженны, какъ и психическія

¹⁾ Ibid. стр. 169.

²⁾ Ibid. стр. 337.

явленія; они поэтому настолько же не матеріальны, какъ и эти послѣднія. А между тѣмъ не станемъ же мы для объясненія такихъ свойствъ прибѣгать къ предположенію какой-либо особой субстанціи, какъ это дѣлаютъ спиритуалисты при объясненіи психическихъ явленій.

Это возраженіе матеріалистовъ можетъ показаться весьма убѣдительнымъ, если подъ свойствами, или силами матеріи разумѣть особыя сущности, обитающія въ вещахъ, на подобіе какихъ-то божествъ, или демоновъ, какъ это представлялъ себѣ первобытный дикарь, населяя демонами воду, камни, лѣса и проч. Но современная наука въ матеріальныхъ силахъ не видитъ особыхъ реальностей, обитающихъ въ веществѣ; всякая сила, всякое свойство матеріи объясняется особаго рода молекулярнымъ движеніемъ, происходящимъ въ веществѣ. Возьмемъ напр. силу притяженія. Представимъ себѣ два шара на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Между ними должно существовать взаимное притяженіе. Явленіе это наука объясняетъ такимъ образомъ. Міръ наполненъ невѣсомымъ эфиромъ, частицы котораго, находясь въ безпрестанномъ движеніи во всевозможныхъ направленіяхъ, со всѣхъ сторонъ даютъ толчки шарамъ. Но сила толчковъ на внутреннія стороны шаровъ, т. е. на тѣ, которыми они обращены другъ къ другу, будетъ нѣсколько меньше, чѣмъ сила толчковъ на внѣшнія, т. е., противоположныя стороны въ силу чисто физическихъ условій, о которыхъ здѣсь нѣтъ надобности распространяться. Вотъ почему шары должны двигаться одинъ къ другому; этимъ и объясняется сила притяженія, которая, такимъ образомъ, не есть какая либо сущность, особая реальность, а есть только форма нашего мышленія. Точно то же нужно сказать о всѣхъ другихъ физическихъ или матеріальныхъ силахъ—магнетизмѣ, электричествѣ и т. п. Ясно, такимъ образомъ, что мысль, которой принадлежитъ реальное существованіе, не можетъ быть сравниваема съ матеріальными силами, мысль и вообще все психическое не есть свойство вещества.

Возьмемъ третье положеніе матеріализма, что мысль есть функція мозга. Этому положенію можно придать нѣсколько различныхъ смысловъ. Во первыхъ, возможно грубое толкованіе,

по которому мысль есть такое же выдѣленіе мозга, какъ желчь—выдѣленіе печени. Противъ такого толкованія протестуютъ сами матеріалисты, справедливо указывая на то, что желчь—нѣчто вѣсомое, осязаемое, видимое не можетъ пдти ни въ какое сравненіе съ мышленіемъ. Во вторыхъ, можно сказать, что мышленіе есть фізіологическій процессъ. Но ко всѣмъ фізіологическимъ процессамъ приложимо понятіе пространственной протяженности, тогда какъ мышленіе непротяженно. Слѣдовательно, и такое толкованіе не можетъ быть допущено.

Наконецъ, эту формулу матеріализма можно понимать въ томъ смыслѣ, что мозгъ необходимъ для мышленія. Но съ такимъ толкованіемъ можетъ примириться и спиритуалистъ, который также не станетъ отрицать такой необходимости.

Остается четвертое положеніе матеріализма, которое говоритъ, что фізическое и психическое находятся между собою въ причинной зависимости; фізическое—причина, психическое—слѣдствіе, и такъ какъ причина важнѣе слѣдствія и слѣдствіе не можетъ существовать безъ причины, то и психическое не можетъ существовать безъ фізическаго. Многочисленные факты, доказываютъ, повидимому, это положеніе. При здоровомъ состояніи мозга, мышленіе совершается правильно; на оборотъ, разъ является какая-либо ненормальность въ мозговыхъ процессахъ, тотчасъ это отражается и на мышленіи; усиленный приливъ крови къ мозгу сопровождается бредомъ; алкоголизмъ нерѣдко оканчивается сумасшествіемъ; возбуждающія средства, какъ крѣпкій чай, кофе, вызываютъ повышеніе умственной дѣятельности, живость мышленія. Подобнаго рода факты (ихъ можно набрать множество), повидимому, неопровержимо свидѣтельствуютъ о причинной зависимости между фізическимъ и психическимъ.

Разсмотримъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ причинностію въ мірѣ фізическомъ.

Вы поднимаете молотъ и ударяете имъ по куску желѣза. И молотъ и кусокъ желѣза получаютъ нѣкоторую степень теплоты. Ударъ молотомъ причина, теплота—слѣдствіе. Когда вы поднимаете молотъ на извѣстную высоту и затѣмъ опускаете на кусокъ желѣза, вы затрагиваете извѣстное количество мус-

кульной силы, энергии, которая затѣмъ, при столкновении молота съ кускомъ желѣза, превращается въ другой видъ энергии, въ энергию тепловую, ближайшей причиной которой по мнѣнію физиковъ, является молекулярное движеніе частичекъ желѣза. Ваша мускульная энергія превратилась въ энергию тепловую. Причина не производитъ здѣсь чего-нибудь новаго, чего въ ней самой не заключалось; причина не есть что-либо творческое. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ только превращеніе одного вида энергии въ другой. Точно то же мы имѣемъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ причинной зависимости между явленіями. Теплота отъ горящаго угля, превращая воду въ паръ, производитъ потомъ механическую работу паровоза. Солнечная теплота, испаряя воду на поверхности земли, поднимаетъ ее на значительную высоту и затѣмъ вода, опускаясь на землю, сбѣгая съ возвышенностей внизъ, производитъ механическую работу, двигая мельничные жернова. Свѣтъ, электричество, магнетизмъ также способны къ взаимному превращенію. Итакъ, переходъ отъ причины къ слѣдствію есть, собственно, превращеніе одной физической энергии въ другую.

Различаютъ два вида энергии:—кинетическую или энергию движенія, явную, дѣйствительную, и потенциальную или скрытую. Примѣромъ первой можетъ служить падающая съ известной высоты тяжесть, примѣромъ второй—тяжесть, прикрѣпленная на известной высотѣ, или заведенная часовая пружина; часы, пущенные въ ходъ, представляютъ примѣръ превращенія потенциальной энергии въ кинетическую. Количество энергии въ мірѣ постоянно, энергии могутъ только превращаться одна въ другую, но вновь возникать, а равно исчезать не могутъ. Законъ сохраненія энергии—безспорная научная истина.

Сознаніе, какъ психическое явленіе, не имѣющее ничего общаго съ пространственной протяженностью, не есть ни кинетическая, ни потенциальная энергія; слѣдовательно, утверждать, что движеніе матеріальныхъ частицъ можетъ превратиться въ сознаніе, т. е., въ нечто такое, что не есть энергія, это значитъ утверждать, что энергія можетъ уничтожиться; а это будетъ противорѣчіемъ основному положенію естествознанія,

противорѣчіемъ научному закону сохраненія энергіи. „Движеніе, говоритъ Дюбуа-Реймонъ, можетъ производить только движеніе, или можетъ превратиться только въ потенциальную энергію. Потенціальная энергія можетъ произвести только движеніе, Механическая причина переходитъ всецѣло въ механическое дѣйствіе. Психическіе процессы, совершающіеся въ мозгу наряду съ матеріальными, не имѣютъ поэтому для нашего разсудка достаточнаго основанія, они *стоятъ внѣ закона причинности*“¹⁾.

Итакъ, матеріализмъ не въ состояніи объяснить психическихъ явленій изъ матеріи: мысль не можетъ быть ни движеніемъ вещества, ни свойствомъ или силою, ни функціей мозга, ни продуктомъ матеріи.

Коренное различіе между матеріальными и психическими явленіями принудительно очевидно: матерія протяженна, мысль и вообще психическое не обладаетъ никакою протяженностью; ни матерія не можетъ поэтому переходить въ непротяженную мысль, ни мышленіе—въ протяженную матерію. Вмѣстѣ съ тѣмъ также несомнѣнно, что между матеріальнымъ и психическимъ существуетъ постоянное взаимодѣйствіе. У васъ явилось желаніе взять лежащій на столѣ листъ бумаги, вы протягиваете руку и берете; мускулы руки послушны психическому движенію. Въ медицинѣ извѣстна масса случаевъ, когда такое или иное психическое состояніе отражается на фізіологическихъ отправленіяхъ: угнетенное состояніе духа вызываетъ расстройство пищеваренія; наоборотъ, спокойное или радостное настроеніе сопровождается усиленнымъ аппетитомъ; иногда достаточно вообразить себя больнымъ, чтобы дѣйствительно заболѣть; больному даютъ ложку сахарнаго сиропа и потомъ увѣряютъ, что ему по ошибкѣ дали рвотное; этого бываетъ достаточно, чтобы дѣйствительно вызвать рвоту; женщина слышитъ жалобный плачь чужого ребенка и у нея грудныя железы начинаютъ выдѣлять молоко; бывали случаи, когда отъ сильнаго горя у человѣка въ одну ночь волосы становились совершенно сѣдыми. Въ 1874 году бельгійская королевская

¹⁾ „Мозгъ и душа, проф. Челлавова, стр. 154.

академія подвергала научному изслѣдованію одну дѣвушку Луизу Лато, у которой наблюдалось такое явленіе: дѣвушка эта съ дѣтства была въ высшей степени религіозна и съ особеннымъ благоговѣніемъ относилась къ страданіямъ Спасителя; когда ей уже было 24 года, съ ней начали происходить припадки экстатического состоянія, во время которыхъ у нея выступала кровь на лбу, на рукахъ, на ногахъ и на лѣвомъ боку, т. е., въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были раны у Спасителя; припадки эти происходили съ ней по пятницамъ, часа два спустя послѣ полудня и продолжались по нѣскольکو часовъ. Ученая комиссія тщательно изслѣдовала и вполнѣ подтвердила это явленіе, которое служитъ достаточно яркимъ доказательствомъ вліянія психическаго состоянія на фізіологическія отправленія. Наоборотъ, тѣ или другіе фізіологическіе процессы оказываютъ вліяніе на психическое состояніе. Факты подобнаго рода были приведены уже нами выше. (См. стр. 373). Является вопросъ: какимъ же образомъ объяснить такое взаимодѣйствіе между фізическими и психическими явленіями, при всей несомнѣнной противоположности между фізическимъ и психическимъ? Мы видѣли, что матеріалисты пытались установить причинную зависимость между тѣми и другими явленіями, и доказывали, что такой зависимости предполагать невозможно, нельзя психическія явленія считать продуктомъ матеріи. Современные эмпирики-философы дѣлаютъ попытку устранить понятіе причинности при объясненіи взаимно-отношенія между фізическими и психологическими явленіями и вмѣсто понятія причинности вводятъ понятіе функціональнаго отношенія. Чтобы выяснить, что такое разумѣется подъ этимъ названіемъ, возьмемъ такой примѣръ. Между центральнымъ угломъ и его дугою существуетъ зависимость: увеличивается центральный уголъ, увеличивается и его дуга, съ уменьшеніемъ угла уменьшается и дуга его, при одномъ и томъ-же радіусѣ. Величина одного обусловливается величиною другого, но это не значитъ, что между центральнымъ угломъ и его дугою существуетъ причинная зависимость, это не значитъ, что уголъ—причина, дуга—слѣдствіе; это значитъ только, что эти два явленія стоятъ рядомъ другъ съ другомъ.

Безразлично, что мы поставимъ на первомъ мѣстѣ,—уголъ, или дугу: можно сказать, что съ увеличеніемъ угла увеличивается дуга; можно сказать наоборотъ. Въ случаѣ причинной зависимости такой перестановки сдѣлать нельзя: нельзя причину поставить на мѣсто слѣдствія. Отношеніе между центральнымъ угломъ и дугою и есть функціональное отношеніе. Вотъ такую-то функціональную зависимость между физическими и психическими явленіями эмпирики ставятъ на мѣсто причинной зависимости. Они говорятъ: физическое и психическое стоятъ рядомъ, параллельно другъ съ другомъ, совершаются одновременно: когда въ нашемъ мозгу совершаются извѣстные физиологическіе процессы, то одновременно съ этимъ происходятъ извѣстныя психическія состоянія; наоборотъ, когда появляется извѣстное психическое состояніе, въ мозгу возникаетъ соотвѣтственный ему физиологическій процессъ. Ни физическое не служитъ причиной психическаго, ни наоборотъ; то и другое существуютъ рядомъ, параллельно. Отсюда такое ученіе получило названіе параллелизма.

Эмпирики не идутъ далѣе констатированія факта параллельности физическихъ и психическихъ явленій, не входятъ въ объясненіе того, почему между тѣми и другими явленіями существуетъ правильное соотвѣтствіе: почему рука поднимается именно въ тотъ моментъ, когда у меня явилось желаніе поднять ее. Но другая группа философовъ находитъ, что не достаточно только указать на фактъ параллельности, необходимо отвѣтить на вопросъ, почему существуетъ соотвѣтствіе между физическимъ и психическимъ; и думаетъ рѣшить этотъ вопросъ признаніемъ тождества физическаго и психическаго. Ученіе этой послѣдней группы философовъ носитъ названіе психо-физическаго монизма.

Философія монизма въ настоящее время пользуется широкимъ распространеніемъ на западѣ и имѣетъ видныхъ представителей, каковы: Спенсеръ и Бэнъ въ Англіи, Тэтъ и Рибо во Франціи, Гэккель, Вундтъ, Паульсенъ, Эббингаузъ и Юдъ въ Германіи. Монистическая философія, признавая одинаково права физическаго и психическаго, отрицая взаимодѣйствіе между духомъ и матеріей, не противорѣчитъ механическому

толкованію жизненныхъ явленій, не нуждается во вмѣшательствѣ какого-нибудь „мистическаго“ принципа, чего такъ боятся представители современной науки.

Посмотримъ-же, какъ психо-физическій монизмъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, почему между физическими и психическими процессами существуетъ правильное соотношеніе. Замѣтимъ, прежде всего, что, по ученію монизма, между физическимъ и психическимъ не допускается взаимодѣйствія, физическое не можетъ быть причиной психическаго и наоборотъ; физическое можетъ быть причиной только физическаго, психическое—причиной только психическаго. Повидимому, этому противорѣчитъ постоянное наблюденіе, которое утверждаетъ противное. Напримеръ, колокольчикъ дрожитъ и у насъ получается ощущеніе звука. Тутъ очевидно, что физическое (дрожаніе колокольчика) является причиной психическаго (ощущенія звука). По мнѣнію монистовъ, такое толкованіе неправильно, и нужно представлять дѣло иначе. Когда мы имѣемъ случай причинной зависимости между двумя физическими явленіями, то обыкновенно то, что мы считаемъ причиной даннаго слѣдствія, является на самомъ дѣлѣ только звеномъ въ цѣпи цѣлаго ряда причинъ, большинство которыхъ остаются для насъ скрытыми. Вы захватили сквозного вѣтра и получили кашель. Вѣтеръ—причина, говоримъ мы, кашель—слѣдствіе. Но при этомъ мы выпускаемъ изъ виду цѣлый рядъ другихъ явленій, которыя, взятыя вмѣстѣ, производятъ кашель; мы выпускаемъ изъ виду массу физиологическихъ процессовъ, которые несомнѣнно произошли, когда вы подверглись вліянію сквозного вѣтра: процессовъ на слизистой оболочкѣ горла, гортани, въ легочныхъ пузырькахъ, въ кровеокисленіи и т. д. Когда мы слышимъ звукъ отъ дрожанія колокольчика, то мы знаемъ только именно эту физическую причину психическаго явленія, между тѣмъ какъ масса психическихъ состояній предшествовавшихъ ощущенію звука, остаются для насъ скрытыми. Вотъ эти-то скрытыя отъ насъ психическія состоянія и были причиной психическаго явленія—ощущенія звука, дрожаніе же колокольчика было только однимъ изъ условій, предшествовавшихъ появленію звукового ощущенія. Такъ монисты доказываютъ

положеніе, что физическое можетъ быть причиной только физическаго и что психическое должно имѣть своимъ источникомъ психическое же.

На вопросъ о томъ, почему между физическимъ и психическимъ существуетъ правильное соотношеніе, монисты указываютъ на тождество физическаго и психическаго. Физическое и психическое, по существу, одно и то же, только рассматриваемое съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія; это двѣ стороны одного и того же явленія. Такое утвержденіе основывается на теоріи познанія. Наивный реализмъ полагаетъ, что вещи въ дѣйствительности таковы, какими онѣ представляются нашимъ чувствамъ, и потому-то между внутреннимъ и вѣшнимъ, между субъектомъ и объектомъ, между физическимъ и психическимъ, какъ будто, существуетъ полная противоположность. На самомъ дѣлѣ никакой противоположности нѣтъ. По философской теоріи познанія, міръ объектовъ есть совокупность нашихъ представленій. Что такое, напр., кусокъ мрамора? Кусокъ мрамора представляетъ извѣстную протяженность, плотность, шероховатость, цвѣтъ, тяжесть и т. п. Но всѣ эти свойства не что иное, какъ наши ощущенія; такъ что кусокъ мрамора въ дѣйствительности есть совокупность нашихъ ощущеній, т. е., психическихъ состояній. Помимо своихъ свойствъ, которыя суть наши психическія состоянія, кусокъ мрамора не существуетъ. Какая же въ такомъ случаѣ разница между міромъ психическимъ и вѣшнимъ, который есть только совокупность психическихъ состояній? И то, и другое по существу не различаются между собою. Молекулярныя движенія мозга и психическія состоянія суть одно и то же, только рассматриваемое съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ то самое время, когда математикъ производитъ въ своемъ умѣ сложныя вычисленія, въ его мозгу совершаются физиологическіе процессы. То и другое по существу—одно и то же, двѣ стороны одного предмета: для самого субъекта—математика его умственные процессы составляютъ его внутреннее, субъективное состояніе, для посторонняго наблюдателя физиолога, который при помощи какого нибудь необыкновеннаго прибора съ X—лучами наблюдалъ бы состояніе мозга

математика, психическіе процессы представлялись бы въ видѣ электро-химическихъ измѣненій въ корковомъ веществѣ мозга. И математикъ, и фізіологъ рассматривали бы одинъ и тотъ же процессъ, но одинъ рассматривалъ бы изнутри, другой—снаружи, оттого и видѣли бы различныя вещи. Такимъ образомъ, духовное и матеріальное по существу одно и то же.

Посмотримъ теперь, насколько состоятельно философское ученіе психофизическаго монизма.

Между міромъ физическимъ и міромъ психическимъ не существуетъ, говоритъ монизмъ, никакого взаимодействія. Причинная связь можетъ существовать только между однородными явленіями, поэтому физическое можетъ быть причиной только физическаго, и психическое—причиной психическаго. Поэтому съ точки зрѣнія монизма, ощущеніе звука, которое мы имѣемъ при дрожаніи колокольчика, есть слѣдствіе не этого дрожанія, а цѣлаго рода предшествовавшихъ психическихъ состояній. Это утвержденіе представляется достаточно понятнымъ, когда дѣло идетъ о простѣйшихъ ощущеніяхъ. Но возьмите болѣе сложное психическое состояніе. Когда Гегель дѣлаетъ свои натурфилософскія построенія, достигаетъ отвлеченнѣйшихъ сферъ мышленія, гдѣ бытіе и мышленіе представляютъ тождество: когда вся вселенная представляется для него какъ логическое развитіе идеи, абсолюта, то можно понять, что философія Гегеля—слѣдствіе предшествовавшихъ психическихъ состояній его. Но когда вы сами, читая „Феноменологію духа“, ставитесь на точку зрѣнія философа, усвоите его принципы и его методъ, тогда рѣшительно невозможно понять, какимъ образомъ содержаніе философіи Гегеля могло быть слѣдствіемъ вашихъ предшествовавшихъ психическихъ состояній.

Что касается тождества, какое, по мнѣнію монизма, существуетъ между физическимъ и духовнымъ, то какимъ образомъ возможно понять это тождество, когда сами матеріалисты указываютъ на коренное различіе между тѣмъ и другимъ? Правда, на помощь въ данномъ случаѣ является теорія познанія, которая говоритъ, что физическій міръ есть совокупность нашихъ представленій о немъ. Но тѣмъ не менѣе для нашего сознанія въ концѣ концовъ между духомъ и матеріей остается

непроходимое разстояніе. Такъ что даже въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли никакой другой точки опоры при рѣшеніи основныхъ философскихъ вопросовъ, вопросовъ о первоосновѣ всего существующаго, о взаимоотношеніи между духомъ и матеріей и т. п. (а мы не въ такомъ ужъ отчаянномъ положеніи); то и тогда трудно было бы удовлетвориться монистической философіей. Скорѣе тогда слѣдовало бы ужъ разъ навсегда отказаться отъ всякой попытки проникнуть въ эти таинственныя области и довольствоваться признаніемъ факта, не пытаясь искать какихъ бы то ни было объясненій. Такъ именно и поступаютъ эмпирики—параллелисты въ вопросѣ о правильномъ соотношеніи физическаго и психическаго. Монистическая гипотеза не въ состояніи удовлетворить критическій философскій умъ, требующій отчетливыхъ и точныхъ логическихъ построеній.

Обратимся къ другимъ существеннымъ пунктамъ механическаго міропониманія, стоящимъ въ связи съ нравственнымъ міровоззрѣніемъ. Намъ нѣтъ подобности касаться здѣсь слишкомъ частныхъ, слишкомъ спеціальныхъ вопросовъ, разсмотрѣнныхъ отчасти въ первой главѣ настоящаго сочиненія, которые, хотя и имѣютъ значеніе въ системѣ научно-философской мысли, тѣмъ не менѣе къ этикѣ имѣютъ слишкомъ отдаленное, слишкомъ посредственное отношеніе. Къ числу такихъ вопросовъ слѣдуетъ отнести, напр., вопросъ о возникновеніи жизни на землѣ, о самопроизвольномъ зарожденіи. Такое или иное рѣшеніе этого вопроса и подобныхъ не имѣетъ близкаго отношенія къ системѣ нравственныхъ положеній. Другое дѣло вопросъ о біологическихъ законахъ, устанавливаемыхъ эволюціонизмомъ. Важность этого вопроса для этики очевидна сама собою; на немъ-то мы и должны поэтому остановиться. Мы не имѣемъ въ виду подробно разсматривать общепріятную въ средѣ натуралистовъ гипотезу Дарвина; для нашей цѣли достаточно будетъ выяснить, дѣйствительно ли борьба за существованіе и естественный подборъ—такіе всеобъемлющіе, такіе универсальные принципы, какими считаютъ ихъ дарвинисты. Если да, тогда остаются въ силѣ тѣ крайне неутѣшительныя выводы относительно нравственныхъ устоевъ,

о какихъ шла рѣчь въ предыдущей главѣ; тогда надъ нравственностію, надъ нравственными идеалами, надъ всѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ жило человѣчество, лучшая часть его, слѣдуетъ поставить крестъ и обратиться къ волчьей нравственности, которая только и можетъ быть оправдана съ точки зрѣнія принциповъ—борьбы за существованіе и естественнаго подбора.

Къ счастью, мы имѣемъ выходъ изъ такого невозможнаго положенія. Въ средѣ ученыхъ біологовъ все болѣе и болѣе громко раздаются голоса противъ признанія исключительнаго господства провозглашенныхъ Дарвиномъ законовъ жизни. Въ самое недавнее время появилось изслѣдованіе одного изъ авторитетнѣйшихъ современныхъ ученыхъ, проф. Шарля Рише, носящее названіе: „Стремленіе къ жизни и теорія конечныхъ причинъ“. Съ этимъ изслѣдованіемъ мы намѣрены познакомить читателей по изложенію А. Бронзова ¹⁾.

Изслѣдованіе животнаго и растительнаго царствъ, говоритъ Рише, приводитъ къ убѣжденію, что такъ называемый телеологическій принципъ, котораго такъ боятся біологи натуралисты, не суевѣріе, а фактъ. „Напр., возможно ли отрицать, что глазъ предназначенъ для зрѣнія? Предполагать, что между глазомъ и способностью видѣть не существуетъ зависимости, какъ между причиною и слѣдствіемъ“, значило бы „впасть“ въ странную и неразумную „крайность. Что глазъ“ обладаетъ способностью зрѣнія, „это—не случайность“, а непосредственный и неизбежный результатъ „цѣлаго расположенія частей, дивнаго механизма, который, и въ общемъ, и въ самыхъ“ ничтожнѣйшихъ „частностяхъ“ своихъ, какъ нельзя болѣе наглядно являетъ ту непреложную истину, что „глазъ“ устроенъ „для того, чтобы видѣть“. Невозможно уклониться отъ такого вывода. Особенности конструкціи „глаза имѣютъ цѣль, и цѣль эта—зрѣніе“, что въ высшей степени „ясно“ и неопровержимо „даже самыми тонкими софпстами“. Объясненіе „анатоміи и фізіологіи глаза въ своихъ самыхъ мелкихъ подробностяхъ и въ самыхъ тонкихъ техническихъ деталяхъ было бы не инымъ чѣмъ, какъ“ лишь „комментаріемъ того же заключенія: глазъ

¹⁾ „Христ. чтеніе“, 1899 г., мартъ.

„устроенъ“ для того, чтобы видѣть“. Если мы обратимъ вниманіе на отправленіе другихъ нашихъ органовъ: уха, сердца, желудка, мозга, мускуловъ, то должны придти къ тому же выводу, что приравненіе органовъ къ ихъ функціямъ въ такой степени полно, что невольно напрашивается мысль о не случайномъ, а преднамѣренномъ его характерѣ. Даже если взять ничтожныя частности въ отправленіяхъ органовъ, то и тогда приравненность окажется поразительной. Когда на слизистую оболочку гортани попадаетъ постороннее тѣло, то немедленно послѣ этого появляется приступъ кашля, остановка дыханія, ибо безъ этого постороннее тѣло попало бы въ мелкія бронхи и причинило бы серьезныя страданія. Прямой долгъ фізіолога „смѣло объявить, что этотъ рефлексивный кашель цѣлесообразенъ до очевидности“. Если взять краба за ножку, то онъ самъ быстрымъ сокращеніемъ оторветъ послѣднюю, чтобы освободиться отъ врага. Развѣ это не несомнѣнный случай цѣлесообразной самозащиты? Итакъ, по убѣжденію Рише, „невозможно исключить теорію цѣлесообразности изъ анатоміи, зоологіи и фізіологіи“. Къ тому же заключенію приводитъ разсмотрѣніе болѣе обширныхъ функцій. Цѣлесообразность очевидна въ томъ, что инстинктъ воспроизведенія надѣленъ высшою степенью интенсивности; цѣлесообразны чувство страха, боли, какъ побудительные стимулы избѣгать опасностей, страданій. „Чувства живыхъ существъ, строеніе и функціи ихъ органовъ“ стоятъ въ непосредственномъ „отношеніи съ сохраненіемъ индивидуума и рода“.

Слѣдовательно, „живыя существа организованы для жизни. Каждое живое существо съ перваго момента появленія его на землѣ имѣетъ какъ бы предписаніе—жить и, соотвѣтственно съ этимъ, организовано такъ, чтобы имѣть возможность выполнить это предписаніе. Не должны ли мы поэтому признать первую конечную причину, которая есть жизнь? *Стремленіе къ существованію, жизни—законъ биологіи.* И такъ какъ мы видимъ, что къ этой цѣли приравнены и средства—соотвѣтственная организація живыхъ существъ, то, значитъ, „теорія конечныхъ причинъ“ должна занять важное въ біологическихъ наукахъ мѣсто“.

Правда, Рише на ряду съ вышеупомянутымъ закономъ—стремленіемъ къ жизни признаетъ и законъ борьбы за жизнь, находя, что первый—слѣдствіе второго. Это послѣднее заключеніе довольно неожиданно и едва ли можетъ быть обосновано. Во всякомъ случаѣ нашъ русскій ученый Кюндыревъ, стоя на точкѣ зрѣнія Рише, рассуждаетъ иначе. Борьба за жизнь, по его мнѣнію, не всеобща и не постоянна. Мы видимъ кроткихъ домашнихъ животныхъ, которые не знаютъ никакой борьбы за существованіе; даже хищныя животныя прибѣгаютъ къ такой борьбѣ только въ исключительныхъ случаяхъ. Законъ борьбы за жизнь никогда не былъ установленъ естество-испытателями и не можетъ быть установленъ по строго-научному методу. Съ другой стороны несомнѣнно, что „всѣ безъ исключенія движенія животныхъ подчинены закону сохраненія жизни“¹⁾. Если бы законъ борьбы за существованіе былъ всеобщимъ и постояннымъ явленіемъ, если бы каждое живое существо было окружено врагами, съ которыми должно вести борьбу, то оно, несомнѣнно, скоро погибло бы въ неравной борьбѣ. Однако, такъ какъ, съ одной стороны, въ дѣйствительности нѣтъ необходимости вести постоянную борьбу; съ другой стороны, каждое живое существо встрѣчаетъ себѣ помощь и поддержку, то оно и не падаетъ, не погибаетъ въ борьбѣ. „Надъ явленіями жизни“ несомнѣнно „даритъ“ не законъ „борьбы“, а „законъ взаимопомощи“²⁾.

Другой русскій біологъ Поповъ, признавая великое значеніе за біологическимъ закономъ, установленнымъ Рише, благодаря которому жизненныя явленія могутъ быть истолковываемы не принципами механики, а противоположными имъ, и могутъ быть надлежащимъ образомъ поняты при помощи телеологическаго принципа, при посредствѣ замѣны простой механической случайности дѣятельною волей, имѣющей опредѣленную цѣль,—говоритъ, что „все вообще ученіе Дарвина“, какъ непримиримое „съ принципами телеологій“, должно быть отвергнуто.

Если, такимъ образомъ, законъ борьбы за существованіе

¹⁾ „Хр. Чтеніе“, 1899 г. стр. 463.

²⁾ Ibid. стр. 464.

теряемъ свое значеніе, то вмѣстѣ съ нимъ падаетъ, и другой принципъ эволюціонизма, принципъ естественнаго подбора. Въ самомъ дѣлѣ: естественный подборъ возможенъ лишь тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто борьба за жизнь и гдѣ этотъ естеств. подборъ даетъ преимущество наиболѣе приспособленнымъ. Если же, какъ оказывается, борьба за существованіе не настолько всеобща и постоянна, какъ думаютъ послѣдователи Дарвина, то, слѣдовательно, нѣтъ мѣста, или почти нѣтъ мѣста переживанію наиболѣе приспособленныхъ и, стало быть, дѣйствию естественнаго подбора. Затѣмъ, слѣдуетъ обратить вниманіе вотъ на какую несообразность. Дѣйствию естественнаго подбора хотятъ объяснить развитіе, совершенствованіе природы, такъ какъ, благодаря подбору, выживаютъ наиболѣе приспособленные. Но наибольшая приспособленность не есть непременно наибольшее совершенство. Въ самомъ дѣлѣ: если сравнить человѣка и орангутанга, то первый съ его нѣжной организаціей, боящейся стужи и непогоды, съ его продолжительнымъ періодомъ безпомощности въ дѣтствѣ, требующей заботливаго и внимательнаго родительскаго ухода, несомнѣнно, менѣе приспособленъ къ окружающей средѣ, чѣмъ орангутангъ. Если взять два вида растеній, изъ которыхъ одно, при своей пышной формѣ, при своихъ сочныхъ плодахъ, требуетъ отборной почвы, защиты отъ вѣтровъ, отъ морозовъ и т. д.; другое, при своей простой организаціи, довольствуется скудной почвой, не боится ни морозовъ, ни вѣтровъ;—то послѣднее, очевидно, болѣе приспособлено къ окружающей средѣ. Если, наконецъ, сравнить вообще матерію органическую и неорганическую, то послѣдняя находится въ состояніи абсолютной приспособленности, ибо можетъ существовать при всевозможныхъ условіяхъ. Если такъ, то какимъ образомъ ест. подборъ могъ способствовать развитію, совершенствованію, давая преимущество наиболѣе приспособленному? Вѣдь наиболѣе приспособленнымъ чаще всего является именно менѣе совершенное, а абсолютною приспособленностію обладаетъ неорганизованная матерія. Если бы въ жизнь вселившейся въ настоящую минуту вмѣшалось дѣйствіе естественнаго подбора, то казалось бы, что результатъ такого дѣйствія былъ бы какъ разъ

противоположенъ развитію, совершенствованію; естеств. подборъ долженъ былъ бы постепенно привести вселенную въ состояніе неорганизованной матеріи, т. е., въ состояніе абсолютной приспособленности.

„Средства“, къ какимъ прибѣгаетъ „природа“, (конечно, повинующаяся божественному голосу) „для того, чтобы поднимать все выше“ и выше „живыя существа по ступенямъ самосредѣленія“,—читаемъ у авторитетнаго патолога—анатома Э. фонъ-Риндфлейша, заключается въ томъ, что это послѣднее подчиняется любви къ ближнему. Каждая изъ миллиардовъ клѣтокъ“, изъ какихъ состоитъ „высшій организмъ, живетъ только при помощи другихъ. Онѣ живутъ только какъ органы одного тѣла и внѣ этой связи существованіе для нихъ невозможно. Одинъ для всѣхъ, всѣ для одного—таковъ законъ природы, таково самое высокое велѣніе нравственности. Любовь къ ближнему“—это одинъ изъ существеннѣйшихъ „признаковъ жизни“, это—„средство къ достиженію цѣли жизни“¹⁾.

Итакъ, мы видимъ, что принципы, лежащіе въ основѣ эволюціонизма, далеко не такъ прочно обоснованы, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда; что изъ лагеря самихъ естествоиспытателей раздаются голоса противъ этихъ принциповъ, равно какъ и противъ механическаго толкованія жизни вообще. Пусть механическое міропониманіе является въ настоящее время господствующимъ, пусть оно еще долго будетъ занимать такое положеніе въ наукѣ,—все-таки нельзя не видѣть, что оно во многихъ пунктахъ дало угрожающія трещины, которыхъ не задѣлать никакими софизмами. Чѣмъ больше въ общественное сознаніе будутъ проникать принципы здоровой философіи, чѣмъ меньше въ обществѣ будетъ свѣтобоязни, закрывающей глаза предъ несомнѣнными ея выводами, если эти выводы идутъ въ разрѣзъ съ общепринятыми теоріями;—тѣмъ болѣе шансовъ на то, что на мѣсто принциповъ механизма будетъ поставленъ другой принципъ—принципъ Высшаго Разума и Правды.

Если вы, читатель, дадите себѣ трудъ призадуматься надъ

¹⁾ Ibid. стр. 168.

тѣми грустными выводами, къ которымъ мы пришли въ предыдущей главѣ; если вы содрогнетесь, представивъ себѣ тѣ грозныя послѣдствія, какими угрожаетъ примѣненіе на практикѣ нравственныхъ принциповъ эволюціонизма; если вы потомъ станете искать выхода изъ этого невозможнаго положенія, станете искать другихъ болѣе надежныхъ основъ нравственности; если остановитесь при этомъ на тѣхъ вѣчныхъ нравственныхъ истинахъ, которыя въ теченіе уже двухъ тысячелѣтій служатъ свою службу человѣчеству; если остановитесь на второй части той дилеммы, которую мы взяли эпиграфомъ нашего сочиненія;—то наше дѣло сдѣлано, мы сочтемъ себя счастливыми.

Свящ. Николай Липскій.

Чѣмъ должна быть критика и чѣмъ иногда является она въ наше время.

(Замѣтка по поводу критическихъ отзывовъ нѣкоторыхъ критиковъ въ ж. „Народное Образование“).

I.

Литературная критика, взятая въ самомъ широкомъ смыслѣ этого названія, если она достойно служитъ своему истинному назначенію, безспорно, имѣетъ великое значеніе и является дѣломъ такой большой важности, которую даже трудно измѣрить. Подвергая разсмотрѣнію и оцѣнкѣ произведенія того или другого рода литературы (научной, учебной, изящной и пр.), указывая ихъ достоинства и раскрывая ихъ недостатки, отмѣчая въ области литературы все важное и хорошее и обращая на это важное и хорошее вниманіе читающей публики, критика помогаетъ этой послѣдней правильно разбираться въ необъятной массѣ всего того, что пишется и печатается; она способствуетъ тому, чтобы въ читающей публикѣ имѣли лучший пріемъ и большее распространеніе и чрезъ то получали господствующее вліяніе всякія произведенія, дѣйствительно достойныя того, и вмѣстѣ съ тѣмъ предотвращаетъ или по крайней мѣрѣ ограничиваетъ возможность того, чтобы силу вліянія въ умственной жизни общества пріобрѣтало что-либо недостойное, пустое, пошлое, ничтожное. Сама руководясь въ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ тѣми или другими ясно сознаваемыми и устойчивыми критеріями, стоя на почвѣ какихъ-либо твердыхъ и здравыхъ принциповъ, критика мало-по-малу проводитъ эти критеріи и принципы въ общее сознание и

даетъ тонъ общественному мнѣнію. Словомъ, въ умственной жизни общества литературной критикѣ принадлежитъ руководящая роль и направлятельное значеніе, и потому она можетъ служить могущественнымъ орудіемъ для возвышенія истиннаго просвѣщенія.

Но такое значеніе критика можетъ имѣть только тогда, когда она, какъ сказано, достойно служитъ своему назначенію и стоитъ на высотѣ своего призванія. Чтобы она имѣла плодотворное вліяніе въ умственной жизни общества и слѣды этого вліянія были долговѣчны, чтобы она могла служить здѣсь добрымъ гениемъ, она должна удовлетворять многимъ требованіямъ. Критика—прежде всего—должна относиться съ самою строгою внимательностію къ тѣмъ произведеніямъ, которыя подвергаются ея суду, чтобы не приписать имъ того, чего въ нихъ нѣтъ, не просмотрѣть того, что въ нихъ есть, и все, что въ нихъ есть, брать такъ, какъ это есть, безъ всякаго преувеличенія или преуменьшенія; она должна руководиться какими-либо устойчивыми и ясно сознаваемыми критеріями, твердыми и здравыми принципами; она должна быть спокойна и объективна, чужда всякаго пристрастія и какой-либо односторонности взглядовъ; она должна быть дѣломъ людей истинно просвѣщенныхъ и обладающихъ основательными познаніями—по крайней мѣрѣ въ той области, которая затрогивается критикой; она требуетъ и нѣкоторой особенной талантливости, ума остраго и пронизательнаго, чуткаго и строгаго въ разлпченіи истиннаго и неистиннаго, здраваго и нездраваго; наконецъ, она должна исходить единственно только изъ стремленія къ правдѣ, не знать никакихъ другихъ цѣлей, никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ служенія одной правдѣ. Думаемъ, что мы не впадемъ въ преувеличеніе, если станемъ утверждать, что все это необходимыя требованія, которымъ должна удовлетворять критика, чтобы она могла достойно служить своему назначенію.

Соотвѣтствуетъ ли состояніе литературной критики въ наше время тому, чѣмъ критика должна быть? Въ количественномъ отношеніи дѣло критики имѣетъ теперь такое широкое развитіе, какого она никогда не имѣла равьше. Существующіе

въ безчисленномъ множествѣ разнообразныя органы періодической печати всѣ, можно сказать, даютъ критикѣ непремѣнное мѣсто; во всѣхъ нихъ, подъ разными названіями, можно найти отдѣлы, содержащіе или сравнительно крупныя критическія обзоренія и изслѣдованія, или—чаще всего—мелкія критическіе отзывы и замѣтки; въ нихъ работаетъ неисчислимый сонмъ всякихъ критиковъ, и присяжныхъ, и случайныхъ, и подписывающихся полнымъ именемъ и—неполнымъ и совсѣмъ не подписывающихся своего имени. Но что это за критика и что это за критики?

Нельзя, къ сожалѣнію, не признать, что въ качественномъ отношеніи дѣло критики теперь, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, оказывается въ совсѣмъ неподобающемъ положеніи, оно какъ-то измельчало, принизилось. За критику теперь смѣло и легко берутся всѣ, у кого только является охота къ тому или кого побуждаетъ къ тому потребность въ писательскомъ заработкѣ,—берутся, ни мало не смущаясь и даже не задаваясь мыслию о высокой важности и отвѣтственности этого дѣла,—берутся за это дѣло потому, что оно представляется самымъ легкимъ писательскимъ дѣломъ, въ которомъ можно подвизаться, не обладая ни особенными знаніями, ни талантомъ. Кто самъ не въ состояніи написать не только цѣлой книги, но и даже какой-либо самостоятельной статьи, развязно беретъ теперь критиковать чужія произведенія, потому что о всякомъ чужомъ произведеніи всегда можно что-нибудь сказать: если нельзя сказать дѣла, то можно отдѣлаться болтовней, пустыми, общими фразами; если не хватитъ знаній и смысла рассмотреть какое-либо произведеніе по существу и со стороны внутреннихъ достоинствъ, то можно ограничиться только вѣщными сторонами, сказать о достоинствѣ бумаги, о типографскихъ погрѣшностяхъ и т. п., и такимъ образомъ во всякомъ произведеніи всегда можно найти и что похвалить, и что осудить. Больше всего всѣхъ теперешнихъ непризванныхъ критиковъ отличаетъ то, что, не обладая ни потребными знаніями, ни здравымъ и основательнымъ сужденіемъ, при своей внутренней несостоятельности они проявляютъ удивительную развязность и самоувѣренность.

Когда критика сдѣлалась ремесломъ, которому смѣло и легко стали отдаваться всѣ, нисколько не сознавая высокой важности и отвѣтственности этого дѣла, то немудрено, что это дѣло, какъ сказано, измельчало, принизилось. Что, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ собою теперешняя критика? Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ это есть область, въ которой царить полная безпринципность, полный произволь въ взглядахъ. Большею частью въ современной критикѣ мы напрасно старались бы искать какихъ либо твердо установленныхъ общихъ точекъ освѣщенія тѣхъ или другихъ затрогиваемыхъ вопросовъ; отсюда, вмѣсто здраваго и основательнаго сужденія, протстекающаго изъ разумнаго убѣжденія и способнаго убѣждать, въ теперешней критикѣ чаще всего можно встрѣчать одну шумиху словъ. Часто эта критика бываетъ настолько пуста, одностороння, мелочна, что на основаніи ея и о самихъ критикуемыхъ произведеніяхъ невозможно составить хоть какое нибудь опредѣленное представленіе: въ этихъ произведеніяхъ критикой что-то одобряется, чаще всего что-то осуждается, но что такое представляютъ собою эти произведенія въ цѣломъ—по всему своему составу и содержанію, объ этомъ изъ критики часто вы ничего не узнаете. Хуже же всего то, что большею частію вы вовсе не замѣтите теперь, чтобы критиками руководило стремленіе къ одной правдѣ, стремленіе служить интересамъ одной чистой истины; часто у нихъ проглядываетъ стремленіе просто лишь поддѣлаться подъ тонъ тѣхъ или другихъ направлений и теченій въ современной жизни, увлеченіе вѣтромъ разныхъ модныхъ воззрѣній, стараніе подслужиться интересамъ той или другой партіи; а нерѣдо у иныхъ критиковъ мы не усмотримъ никакихъ другихъ побужденій, кромѣ или стремленія отличиться своимъ остроуміемъ и этимъ дешевымъ способомъ позабавить публику, или стремленія во что бы то ни стало отплатить противнику и осыпать его хлесткою и беззастѣнчивою бранью. Но святая правда у этихъ критиковъ стоитъ обыкновенно на самомъ отдаленномъ планѣ, и естественно, что вмѣсто выясненія правды и истины, чаще всего мы можемъ встрѣчать у нихъ только всякія извращенія той и другой.

Итакъ, несмотря на очень значительный внѣшній ростъ, внутреннимъ своимъ достоинствамъ критика въ наше время не занимаетъ подобающаго ей положенія и стоитъ на очень низкомъ уровнѣ. Ни въ одной отрасли литературы она не имѣетъ теперь какихъ либо блестящихъ представителей, очень рѣдко бывасть и то, если въ критикѣ выступаютъ сколько нибудь выдающіеся, дѣйствительно авторитетные дѣятели; люди талантливые, люди дѣйствительно авторитетные въ своихъ сужденіяхъ, очевидно, не проявляютъ особенной охоты къ дѣлу критики. Самые органы печати, которые на своихъ страницахъ и столбцахъ даютъ критикѣ непремѣнное мѣсто, повидимому, придаютъ ей мало цѣны, потому что обыкновенно удѣляютъ ей у себя самый задній уголокъ, отмѣчая при этомъ критическія произведенія всегда вообще наименѣе почетнымъ шрифтомъ, а иногда печатаая ихъ такими микроскопическими письменами, которыя можно разбирать едва не съ помощью подзорной трубы.

Но, при всемъ томъ, нельзя сказать, чтобы критика имѣла теперь мало значенія. Въ наше время, время положительнаго затопленія читающей публики всякими произведеніями печати, для этой публики является особенно настоятельная потребность въ томъ, чтобы имѣть какую-нибудь помощь и какое нибудь руководство для предохраненія себя отъ риска и всякихъ нежелательныхъ случайностей при этомъ затопленіи. При все болѣе и болѣе увеличивающемся паводненіи произведеніями печати, читающему человѣку, даже съ достаточными средствами, невозможно приобрѣтать хотя бы только по одной какой либо отрасли литературы всякія выходящія книги и всякіе журналы, и вотъ для него возникаетъ огромной важности вопросъ: что же ему приобрѣтать и читать изъ всего того, что пишется и печатается? Помощь и руководство въ этомъ важномъ вопросѣ можетъ оказать только критика, и читающій человѣкъ поневолѣ долженъ слѣдить за ней и прислушиваться къ ея голосу. Какова бы ни была критика по своему достоинству, но за ней всегда сохранится то значеніе, что къ ней будутъ прибѣгать за помощію и руководствомъ въ указанномъ вопросѣ, и чѣмъ больше будетъ расти книго-

печатаніе, тѣмъ больше будетъ увеличиваться это значеніе критики.

Но ясно, что если критика не стоитъ на высотѣ своего назначенія, если она, вмѣсто того, чтобы служить проводникомъ въ умственной жизни общества свѣта, правды и истины, сама бродитъ въ потемкахъ, или прямо задается недостойными цѣлями, служить какимъ нибудь партійнымъ интересамъ, подходить къ дѣлу съ предвзятыми мыслями, то въ умственной жизни общества она можетъ быть не инымъ чѣмъ, какъ только злымъ гениемъ,—такая критика для дѣла истиннаго просвѣщенія можетъ приносить много вреда и зла.

II.

Отъ общихъ и отвлеченныхъ соображеній мы перейдемъ теперь на почву фактовъ и постараемся на примѣрахъ представить, чѣмъ именно является критика въ наше время, и тѣмъ самымъ подкрѣпить высказанный нами взглядъ, что дѣло критикъ въ наше время упало, принизилось и оказывается въ положеніи совсѣмъ неподобающемъ ему. Примѣрами мы возьмемъ въ которыхъ критиковъ въ ж. „Народное Образованіе“, которые собственно и послужили для насъ ближайшимъ поводомъ выступить съ настоящей замѣткой. Этимъ критикамъ мы и посвятимъ теперь свое вниманіе.

Журналъ „Народное Образованіе“, возникшій вскорѣ послѣ того, какъ совершилось у насъ дѣло возрожденія церковно-приходской школы, принялъ на себя въ высокой степени почетную задачу послужить дѣлу этой школы, содѣйствовать лучшему благоустроенію ея и вообще способствовать тому, чтобы эта школа съ лучшимъ успѣхомъ и большею плодотворностью могла служить великому дѣлу народнаго образованія въ томъ духѣ, какой предначертанъ для нея. Чтобы церковно-приходскія школы могли оправдать тѣ благія надежды, которыя справедливо возлагались и возлагаются на нихъ, для этого, безъ сомнѣнія, недостаточно было только опредѣлить для нихъ наиболѣе цѣлесообразный составъ учебнаго курса, снабдить ихъ подробными программами, указать для выполненія ихъ наиболѣе пригодные учебники и затѣмъ принимать мѣры

къ наибольшему увеличенію числа этихъ школъ, снабжая ихъ правоспособными учителями; по отношенію къ этимъ послѣднимъ настоятельно необходимо было придти на помощь въ дѣлѣ ихъ собственнаго педагогическаго образованія, оказывать имъ содѣйствіе и руководство, чтобы они могли больше обогащаться полезными знаніями, лучше овладѣвать дѣломъ учительства и такимъ образомъ благотворнѣе подвизаться на этомъ поприщѣ. Эту почтенную задачу и принялъ на себя ж. „Народное Образованіе“.

Въ цѣляхъ пополненія своего образованія и улучшенія своего преподавательскаго искусства учителю, безъ сомнѣнія, необходимо читать и изучать, по возможности, все лучшее и болѣе важное, что появляется въ области педагогической и дидактической литературы. „Безъ стремленія къ дальнѣйшему образованію, какъ говоритъ Дистервегъ, учитель неминуемо подчиняется педагогическимъ демонамъ: механичности, рутинности, пошлости; онъ деревенѣетъ, окаменѣваетъ“. Педагогическое дѣло самое живое, оно не стоитъ на одномъ мѣстѣ, но постоянно движется впередъ, какъ все живущее. Педагогическая литература достигла необъятнаго роста, и ростъ ея съ каждымъ днемъ все увеличивается. Но какъ учителю узнать, что появляется новаго въ области этой литературы? И такъ какъ не все новое въ этой области, какъ и во всякой другой, можетъ быть хорошо, полезно и достойно вниманія, то кто откроетъ учителю, что въ этой области является болѣе цѣннаго, болѣе важнаго, объяснить значеніе этого и обратить на это вниманіе? Это—задача педагогическихъ журналовъ и ближайшимъ образомъ—отдѣла критики въ нихъ. Намъ кажется, что главное значеніе педагогическихъ журналовъ, поставившихъ своею задачею способствовать улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла въ школѣ, заключается въ правильномъ руководствѣ лицъ учащихъ относительно именно того, что имъ самимъ читать и штудировать въ цѣляхъ возвышенія ихъ собственнаго образованія и улучшенія ихъ педагогическаго искусства. Если безразборчивое чтеніе и для всякаго не только не полезно, но можетъ быть прямо вреднымъ, то тѣмъ болѣе это нужно признать въ отношеніи къ школьному учителю; безразборчивое

чтеніе, внося спутанность и даже извращенность во взгляды и пониманіе самого учителя, можетъ отразиться горькими плодами на цѣлыхъ поколѣніяхъ, которыя будутъ находиться подъ руководствомъ этого учителя. Вотъ почему въ педагогическомъ журналѣ за отдѣломъ критики нужно признать особенно важное значеніе. Учитель призванъ руководить учащимися, имъ самимъ должны руководить книги, въ выборѣ книгъ, въ разборчивомъ отношеніи къ нимъ должна руководить критика; слѣд., какъ будетъ поставлено въ педагогическихъ журналахъ дѣло критики, это не можетъ не отразиться на учебно-воспитательной дѣятельности учителя. Вотъ почему дѣло критики въ педагогическихъ журналахъ въ особенности требуетъ самаго серьезнаго и самаго осмотрительнаго отношенія къ себѣ. Но, къ сожалѣнію, такого именно отношенія къ этому дѣлу и не замѣчается въ педагогическихъ журналахъ вообще и въ частности и особенности въ ж. „Народное Образованіе“. Въ этомъ журналѣ съ самаго начала стали выступать и продолжаютъ подвизаться нѣкоторые критики, проповѣдующіе такіе взгляды, высказывающіе такіе сужденія и приговоры, которые, говоря вообще, едва ли могутъ обѣщать для учителя и учебно-воспитательнаго дѣла что либо доброе, но вредъ въ это дѣло, какъ намъ кажется, могутъ вносить несомнѣнный.

Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, чему наставляють и въ какомъ духѣ просвѣщаютъ дѣятелей школьнаго дѣла эти критики?

Какъ было замѣчено выше, всякая критика, дѣйствительно заслуживающая этого имени, должна руководиться какими нибудь опредѣленными твердо установленными критеріями, стоять на почвѣ какихъ нибудь твердыхъ и здравыхъ принциповъ. Что касается критиковъ въ ж. „Народное Образованіе“, то большею частію мы не замѣтимъ у нихъ, чтобы они держались какихъ нибудь ясно сознаваемыхъ положительныхъ критеріевъ и принциповъ; отсюда естественно проистекають у нихъ неустойчивость во взглядахъ, разногласіе въ сужденіяхъ и приговорахъ, доходящая иногда до того, что объ одномъ и томъ же произведеніи одинъ критикъ говоритъ одно, другой—совсѣмъ иное (примѣръ будетъ указанъ ниже). Тѣмъ не менѣе, при этой разногласіи, у критиковъ въ „Нар.

Образ.“ мы можемъ замѣтить одно преобладающее, такъ сказать—основное, руководящее ими стремленіе—это стремленіе совсѣмъ эмансипировать дѣло учительства въ церковно-приходскихъ школахъ отъ современной науки о воспитаніи и обученіи. Это стремленіе ясно и самымъ опредѣленнымъ образомъ выражено было впервые г. Вишневымъ (выступившимъ въ 1898 г. съ своей критикой того, что сдѣлано было на учительскихъ курсахъ, организованныхъ въ 1897 г. для учителей церк.-прих. школъ). Г. Вишневскій самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляетъ, что „наука о воспитаніи, какъ это ни странно можетъ показаться, мало имѣетъ значенія для самаго того дѣла, о которомъ она трактуетъ, для живого дѣла воспитанія... Опытъ показываетъ, что воспитательное вліяніе учителя на ученика бываетъ тѣмъ прочнѣе и благотворнѣе, чѣмъ меньше воспитатель слѣдуетъ предписаніямъ педагогическихъ теорій, чѣмъ чаще онъ руководствуется простыми соображеніями здраваго разума и внушеніями неиспорченнаго нравственнаго чувства“... (Нар. Образ., 1898 г., кн. V, стр. 82). Въ этомъ тонѣ, данномъ г. Вишневымъ, говорятъ и другіе критики въ „Нар. Образ.“. Такъ одинъ изъ нихъ, г. Ал. Т., разбѣрая книжку прот. Силина: „Практическіе совѣты къ преподаванію Закона Божія“, одобряетъ ее, между прочимъ, прямо за то, что она „вводитъ прямо и непосредственно въ практическое пониманіе законоучительства, избѣгая всякихъ разсужденій о методахъ; эти разсужденія, по мнѣнію этого критика, могутъ быть терпимы только „ради системы и полноты изложенія“, и очевидно, критикъ не признаетъ, чтобы они были полезны для самаго преподающаго и для самаго преподаванія (Нар. Образ. 1902 г., кн. 12, библ. отд. стр. 26).

Такіе очень странные, поистинѣ парадоксальные взгляды, какіе принадлежатъ г. Вишневскому и раздѣляются другими критиками, уже обращали на себя вниманіе въ печати, и относительно ихъ почтенный проф. Моск. Духовн. Акад., И. Д. Андреевъ, справедливо замѣтилъ, что „выступать съ такими взглядами можно только при крайне недостаточномъ распространеніи среди читающей публики сколько нибудь научныхъ

свѣдѣній по основнымъ вопросамъ обученія; при анархіи, царящей тутъ, каждый глубокомысленно можетъ изрекать истины очень странныя, не краснѣя и даже въ надеждѣ быть услышаннымъ“. (Бог. Вѣстн., 1899 г., январь, стр. 89).

Что г. Вишневскій и его сподвижники, могутъ изрекать очень странныя истины, не краснѣя, это, конечно, было бы безразлично, но вся бѣда въ томъ, что эти истины дѣйствительно могли и могутъ быть услышаны тѣми, которые стоятъ у самаго дѣла школьнаго учительства—учащими въ школахъ; между этими послѣдними всегда могутъ найтись такіе, которые въ своей искренней простотѣ и неопытности могутъ повѣрить этимъ истинамъ и проникнуться послушаніемъ къ нимъ. А отъ этого можно ли ожидать чего либо добраго?

Намъ кажется, что только врагъ школьнаго дѣла можетъ сознательно стараться внушать школьному учителю, чтобы онъ въ своемъ дѣлѣ какъ можно дальше бѣжалъ отъ всякихъ предписаній педагогической науки. То, что утверждаетъ г. Вишневскій,—будто опытъ показываетъ, что воспитательное вліяніе учителя на ученика бываетъ тѣмъ прочнѣе и благотворнѣе, чѣмъ меньше воспитатель слѣдуетъ предписаніямъ педагогическихъ теорій,—нужно призвать не болѣе, какъ пустымъ измышленіемъ г. Вишневскаго. Чей опытъ и когда опытъ показывалъ это? Совсѣмъ напротивъ: не самъ ли многолѣтней человеческій опытъ въ концѣ всего привелъ къ созданію науки о воспитаніи? Люди истинно просвѣщенные, люди благомыслящіе давно сознали, что въ такомъ важномъ и сложномъ искусствѣ, какимъ является искусство воспитанія и обученія, совсѣмъ недостаточно опираться только на „простыя соображенія здраваго смысла“ и на показанія опыта, что для этого искусства требуется болѣе надежная, болѣе прочная опора и что такой опорой можетъ служить только наука, сама основывающаяся на глубокомъ и точномъ познаніи свойствъ, способностей и потребностей существа человѣка и законовъ его естественнаго развитія. Безъ такой науки воспитаніе и обученіе не имѣли бы разумной и твердой основы, а безъ этой основы, предоставленныя одному экспериментализму, могли бы превращать-

ся въ простую дрессировку и были бы подвержены всякому шатанію. Поэтому школьному учителю, чтобы ему идти въ своемъ дѣлѣ твердо и увѣренно и относиться къ своему дѣлу разумно и сознательно, нужно не бѣжать отъ науки, но чаще и больше обращаться къ ней и въ ней искать для себя свѣта. Учителю необходимо слѣдить за движеніемъ педагогической науки и знакомиться со всѣмъ, что появляется болѣе достойнаго вниманія въ области педагогической литературы; отсюда онъ будетъ почерпать новыя возбужденія въ своей дѣятельности, которыя будутъ вносить въ нее оживленіе и улучшеніе. Безъ этихъ возбужденій учителю угрожаетъ опасность закоснѣть въ своемъ дѣлѣ, замереть духомъ въ разѣ навсегда установившихся учебныхъ обычаяхъ.

Указывали и указываютъ на то, что вся современная наука о воспитаніи и обученіи иноземнаго происхожденія и для нашей школы, особенно церковно-приходской, не можетъ быть пригодна; если ужъ учебно-воспитательное дѣло въ школахъ должно опираться на науку, то для нашихъ школъ должна быть *своя* наука, *своя* педагогика съ методикой, и даже для каждаго особаго типа школъ *особая* педагогика и методика. Не такъ давно, одинъ изъ критиковъ въ „Нар. Обр.“, о. Ѳ. Арх., прямо заявилъ, что „церковная школа должна имѣть *своего* законоучителя; для такого законоучителя должна быть и *своя соотвѣтствующая методика* (Нар. Обр., 1902 г. библ. отд., стр. 42). Съ этимъ стремленіемъ имѣть въ области учебно-воспитательнаго дѣла все свое соединяется какое-то неразсуждающее перасположеніе и пренебреженіе ко всему, въ чемъ усматриваются слѣды чужеземнаго происхожденія. Изъ нерасположенія къ чужеземному одобряется и охотно принимается все и очень плохое, если оно свое; изъ стремленія имѣть свое осуждается и отвергается часто и очень хорошее, самое безспорное, если оно чужое. Это стремленіе имѣть свое приводитъ иногда къ лобопытнѣйшимъ курьезамъ. Такъ, критикъ въ Нар. Обр., г. Впшневскій, съ ироніей осуждаетъ русскихъ педагоговъ за то, что они, трактуя о воспитаніи души человѣческой, различаютъ въ ней способности: умъ, волю, чувство, и въ области умственной способности различаютъ процессы:

сужденіе, умозаключеніе и пр., и почему осуждаетъ? потому что этотъ критикъ пресерьезно вообразилъ себѣ, что „на эти клѣточки (умъ, воля, чувство) подѣлили“ человѣческую душу нѣмцы и что эти клѣточки, какъ придуманныя нѣмцами, совсѣмъ не подходятъ къ „нашимъ живымъ деревенскимъ ребятамъ и парнишкамъ (Нар. Обр. 1898 г., кн. V, стр. 83). Вотъ до чего доводитъ стремленіе не оказаться подражателями нѣмцамъ: чуть ли не хотятъ перекроить на иной ладъ самую душу человѣческую, хотятъ заставитьъ призывать въ ней, вмѣсто Богомъ данныхъ (но не нѣмцами придуманныхъ) способностей: ума, чувства и воли, какія-то другія клѣточки (неизвѣстно только—какія), болѣе подходящія къ нашимъ живымъ деревенскимъ ребятамъ и парнишкамъ“.

Конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что не все, что исходитъ отъ иноземныхъ педагоговъ, хорошо,—что этимъ педагогамъ не чужды разныя увлеченія и крайности; и, безъ сомнѣнія, ни въ какомъ случаѣ нельзя одобрить стремленія, которое не такъ давно господствовало у насъ,—пересаживать на почву нашей народной школы все, что ни появлялось бы въ области иностранной педагогій. Это стремленіе было своего рода повѣтріемъ у насъ. Но не является ли тоже повѣтріемъ, только совсѣмъ противоположнаго рода, и стремленіе отвергать и отбрасывать то, что представляетъ въ себѣ современная педагогика съ дидактикой и методикой, отбрасывать потому именно, что это выросло на иноземной почвѣ. Педагогика съ дидактикой и методикой приняла уже строгое научное направленіе и въ этомъ направленіи продолжаетъ развиваться, идти впередъ. Все истинно научное по самому существу своему, такъ сказать, космополитично и общечеловѣчно. Истина, къ чему бы она ни относилась, можетъ быть только одна, а потому гдѣ бы ни сдѣлано было какое нибудь истинно научное приобрѣтеніе, къмъ бы ни указано было что либо истинно полезное и истинно доброе, это по силѣ самой логики вещей должно становиться общечеловѣческимъ достояніемъ. Такъ должно быть во всякой области человѣческаго знанія и человѣческой дѣятельности; такъ должно быть и въ области ученія, имѣющаго своимъ предметомъ учебно-воспитательное дѣло.

Если въ области этого ученія наряду съ тѣмъ, что можно признавать твердо установленнымъ и строго обоснованнымъ, можно встрѣчать и немало неустойчиваго, ненаучнаго, то это указываетъ лишь на то, что нужно только стараться строго отличать одно отъ другого. Во всякомъ случаѣ, къ появляющимся педагогическимъ и методическимъ произведеніямъ нужно прилагать прежде всего и главнымъ образомъ научную мѣрку и достоинство ихъ прежде всего и главнымъ образомъ опредѣлять тѣмъ, насколько они удовлетворяютъ этой мѣркѣ, насколько проникнуты научнымъ духомъ, слѣдуютъ научному методу, держатся научныхъ принциповъ, — насколько въ нихъ строго отлпчается то, что прочно и непоколебимо, отъ всего измѣнчиваго, случайнаго, условнаго. Такова, по нашему мнѣнію, должна быть основная точка зрѣнія при оцѣнкѣ появляющихся трудовъ по педагогикѣ, дидактикѣ, методикѣ.

Но эта точка зрѣнія большинству критиковъ въ Нар. Обр. совѣмъ чужда, она ими отбрасывается. Они, напр., находятъ полезнымъ и необходимымъ, чтобы школьный преподаватель изучалъ методику своего дѣла, но для нихъ цѣну и достоинства имѣетъ *только* такая методика, которую они могутъ признать *своею* для церковно-приходской школы, т. е. такая методика, которая точно соответствовала бы извѣстному данному шаблону и не заключала-бы въ себѣ попытокъ какого-нибудь иного рѣшенія подлежащихъ вопросовъ, кромѣ того рѣшенія, какое предуказано. На такой именно точкѣ зрѣнія стоятъ, наприм., о. Ѳ. Арх. въ своемъ отзывѣ о книгѣ свящ. Благодравова: „Опытъ метод. пособія для законоучителей церк.-приходскихъ школъ“; по заявленію этого критика, церковная школа должна имѣть и *своего* законоучителя, для такого законоучителя, должна быть и соответствующая методика и таковую безспорно можетъ быть названа книга о. Благодравова (Нар. Обр. 1902 г., кн. 5—6, библиот. отд. стр. 42). Другой критикъ въ „Нар. Образ.“, г. А. Т., также главное достоинство методическаго руководства по Закону Божию видитъ въ томъ, чтобы оно наиболѣе соответствовало священнику.—законоучителю церк.-приход. школы, и такое достоинство онъ признаетъ за книжкой прот. Силина: „Практич. совѣты по преподаванію Закона Б. въ церк.-

приход. школахъ“; по заявленію г. Ал. Т., эта книжка выгодно отличается отъ другихъ подобныхъ ей тѣмъ, что во 1-ыхъ, она кратка, во 2-ыхъ, недорога и въ 3-ихъ, вводитъ прямо и непосредственно въ практическое пониманіе дѣла законоучительства; къ этому, въ заключеніе, г. Ал. Т. прибавляетъ, что „для приходскихъ священниковъ-законоучителей, не имѣющихъ времени для чтенія обширныхъ и скучныхъ по своей теоретичности методикъ (sic), книжка прот. Силина, несомнѣнно, будетъ и полезной и отрадной“ (Нар. Образ. 1902 г. кн. 12, библ. отд. стр. 26, 27). Какъ мы видимъ, критиками въ „Нар. Образ.“ въ отношеніи къ тѣмъ методическимъ книгамъ, которыя они признаютъ *своими* для церковныхъ школъ, принимается въ соображеніе все: и дешевизна ихъ, и то, чтобы чтеніе ихъ не отнимало много времени, и то, чтобы по своей теоретичности онѣ не показались скучными; но то, насколько онѣ отвѣчаютъ научнымъ требованіямъ и обладаютъ научными достоинствами, это совсѣмъ не принимается въ соображеніе.

Смотря на методикку, какъ на отрасль науки (а иначе, кажется, на нее нельзя смотрѣть), мы думаемъ вообще, что критики не совсѣмъ правы, когда заявляютъ, что для каждой школы должна быть *своя* методика; какъ замѣчено было, это значить, что методика должна точно соответствовать извѣстному данному шаблону и рѣшать подлежащія ей вопросы въ точномъ согласіи съ данными предписаніями. Безспорно, что школы могутъ значительно различаться между собою и своими образовательными задачами, и составомъ учебнаго курса, и своими программами, и соответствующими программамъ учебниками,—по отношенію ко всему этому каждая школа можетъ имѣть свой особенный обликъ, все это относительно каждой школы можетъ быть подчинено точнымъ предписаніямъ. Но можно ли въ отношеніи къ каждой школѣ подчинять такимъ предписаніямъ методикку? Какъ научная дисциплина, методика должна быть свободна отъ принужденія и совершенно самостоятельна въ рѣшеніи собственныхъ, подлежащихъ ей, вопросовъ,—въ опредѣленіи метода, формы, приемовъ преподаванія тѣхъ или другихъ учебныхъ предметовъ, и то рѣшеніе вопросовъ, къ какому приходитъ методика путемъ сво-

боднаго строго-научнаго своего развитія, должно имѣть одинаковую силу и значеніе для каждой школы. Положимъ, развитіе методики привело къ тому, что лучшимъ методомъ обученія грамотѣ признанъ методъ звуковой; можетъ ли теперь методика вопросъ о методѣ обученія грамотѣ въ отношеніи къ разнымъ типамъ школъ рѣшать различно, т. е. для одного типа школъ указывать звуковой методъ, а для другого—какойнибудь иной? Или положимъ, развитіе методики привело къ тому, что для начальнаго преподаванія ариѳметики лучшимъ методомъ признанъ методъ, идущій отъ частнаго къ общему; можетъ ли теперь методика для однихъ школъ предлагать этотъ методъ, а для другихъ школъ—методъ, идущій отъ общаго къ частному? Тѣ критики, которые указываютъ, что для каждой школы должна быть своя особенная методика, очевидно, допускаютъ для методики не только эту возможность, но и обязанность одни и тѣ же вопросы въ отношеніи къ различнымъ школамъ рѣшать различно; но тѣмъ самымъ не допускается ли что-то совсѣмъ несообразное съ достоинствомъ методики, какъ научной дисциплины?

Скажутъ, что у насъ есть примѣры налицо: есть методики, которыя и предназначаются, и могутъ служить только для известной опредѣленной школы, напр. есть методики, предназначенныя спеціально для церк.-приходскихъ школъ. Но нужно посмотрѣть, что это за методики. Научнаго характера въ нихъ можно усмотрѣть столько же, сколько въ какомънибудь канцелярскомъ протоколѣ; вся работа въ нихъ исполняется такъ же, какъ въ любой канцеляріи: эти методики не изслѣдуютъ и не разсуждаютъ или очень мало разсуждаютъ, онѣ больше только излагаютъ, констатируютъ, предписываютъ—въ томъ духѣ, какъ это предудказано. Очень хорошимъ примѣромъ такого канцелярскаго рода методикъ можетъ служить: „Опытъ методическаго пособія для законоучителей церк.-прих. школъ“, свящ. М. Благодравова. Въ этой методикѣ рѣшеніе cadaго отдельнаго вопроса представляетъ собою не что иное, какъ канцелярскій журналъ—съ неизбѣжными въ немъ справками и въ концѣ заключеніемъ. Положимъ, разсматривается вопросъ о системѣ преподаванія Закона Божія; дѣлается *справка 1-я*: какъ этотъ

вопросъ рѣшается въ разныхъ методикахъ Закона Божія; *справки 2-я*: что относительно этого вопроса указывается „объяснительной запиской къ программѣ преподаванія Закона Божія въ церковно-приходскихъ школахъ и согласны ли рѣшенія этого вопроса, предлагаемыя разными методиками, съ указаніями объяснительной записки; *заключеніе*: что несогласно съ объяснительной запиской, отвергается,—что согласно, принимается.

Спросимъ теперь: такая методика, представляющая собою только сборникъ методологическихъ протоколовъ, составленныхъ въ указанной формѣ, можетъ ли принести какую нибудь существенную пользу для школьнаго преподавателя? Содѣйствовать большому и лучшему освѣщенію дѣла школьнаго учительства она не можетъ, она сама идетъ въ своемъ дѣлѣ слѣпо, какъ слѣпой слѣдуя за своимъ вожатымъ. Если она что и прибавляетъ отъ себя, то только простые рецепты всякихъ частныхъ и мелочныхъ правилъ и указаній, какія бываютъ продиктованы или личнымъ опытомъ, или чаще всего личной фантазіей автора. Нисколько не содѣйствуя большому и лучшему выясненію труднаго дѣла школьнаго учительства, такая методика своими мелочными рецептами можетъ только по рукамъ и ногамъ связывать преподавателя, лишать его всякой свободы и самостоятельности, обращать его въ простую машину. Являясь служителемъ буквы, школьный преподаватель неизбежно становится гасителемъ духа и жизни. Между тѣмъ преподаваніе—дѣло не механическое, а самое живое; преподаватель и самъ живой человѣкъ, и имѣетъ дѣло не съ вещами, а съ живыми же личностями. Поэтому преподаваніе нельзя вести, неадантически слѣдуя всякимъ мелочнымъ предписаніямъ книги; въ этомъ дѣлѣ требуется живое проявленіе живой личности преподавателя, его собственная изобрѣтательность, его собственное творчество.

Руководительство для учителя въ дѣлѣ школьнаго учительства, безъ сомнѣнія, необходимо, и это руководство должно давать методика. Но въ чемъ въ этомъ случаѣ должно состоять ея значеніе и какова она должна быть? Она должна не предписывать, а изслѣдовать и обсуждать, должна обра-

щаться не къ слѣпому послушанію преподавателя, а къ его разумному убѣжденію, и помогать ему не частными и мелочными правилами и указаніями, а основательнымъ обсужденіемъ самаго существеннаго, самаго важнаго, безъ чего обученіе правильнымъ и плодотворнымъ быть не можетъ. Главное значеніе методики заключается именно въ томъ, что она должна освѣщать самую сущность учительскаго дѣла, выяснять самыя основы дѣятельности преподавателя при преподаваніи того или другаго предмета и тѣмъ самымъ сообщать этой дѣятельности сознательность, разумность. Но не такъ рассуждаютъ критики въ „Нар. Образ.“ Напр., г. Ал. Т. думаетъ, что всѣ разсужденія о методахъ, которыя вводятся у насъ въ методики „собственно (будто-бы?) по почину и по подражанію, часто несознательному, иностраннымъ методикамъ“, для самаго дѣла обученія излишни и могутъ быть терпимы въ курсѣ дидактики только „ради системы и ради полноты изложенія“. Разсматривая книжку прот. Силипа: „Практическіе совѣты по преподаванію Закона Божія“, г. Ал. Т. прямо одобряетъ автора за то, что онъ устранилъ „всѣ эти разсужденія о методахъ“ и даетъ одни практическія указанія. Что это за указанія, которыя г. Ал. Т. признаетъ для самаго дѣла законоученія особенно цѣнными? Въ примѣрѣ ихъ онъ самъ приводитъ такія: „Христось и Апостолы „зубрить“ ничего не рекомендовали. Посему „зубреніе“ уроковъ по книжкѣ, кромѣ (почему кромѣ? вѣдь Христось и Апостолы зубрить *ничего* не рекомендовали?) церковнаго текста молитвъ, пѣснопѣній, символа вѣры, заповѣдей и текстовъ Слова Божія (значить по отношенію къ молитвамъ, пѣснопѣніямъ и т. д. должно быть допускаемо *зубреніе*?) Во время молитвословій (?), за отсутствіемъ законоучителя, обязательно присутствіе учителя или учительницы. Строго наблюдать (за чѣмъ?) и никогда не начинать чтенія молитвъ, пока не настанетъ въ классѣ церковная (?) тишина“... И вотъ такимъ-то указаніямъ г. Ал. Т. придаетъ такой вѣсъ и такое значеніе, что ставитъ ихъ выше и считаетъ цѣннѣе всѣхъ разсужденій о методѣ, такъ что книжку, наполненную подобными указаніями, признаетъ „несомнѣнно и полезной, и отрадной для священниковъ законо-

учителей“ (Нар. Образ. 1902 г., кн. 12, библ. отд. стр. 26, 27). Намъ же кажется, что такія неосмысленныя и совсѣмъ пустыя указанія, которыя восхищаютъ г. Ал. Т. и примѣры которыхъ онъ приводитъ, могутъ быть прямо обидными для всякаго законоучителя, стоящаго на нѣкоторой высотѣ пониманія своего дѣла. Намъ кажется, что г. Ал. Т. сильно заблуждается, полагая, что для дѣла законоученія цѣну и значеніе могутъ имѣть только всякія мелочныя правила и указанія и не имѣютъ значенія разсужденія о методѣ. Для дѣла преподаванія установка лучшаго метода, несомнѣнно, имѣетъ существенно важное значеніе: методомъ указывается и освѣщается въ глазныхъ чертахъ весь тотъ путь, какой долженъ вести къ предположенной цѣли; разумность, обдуманность, увѣренность въ веденіи дѣла обученія сводятся существеннымъ образомъ къ уясненію метода этого дѣла. Но не слѣдуетъ, однако, и преувеличивать значеніе метода, за методомъ признавать всемогущую силу въ обученіи. Методъ, поскольку онъ научно опредѣляется и указывается, и не можетъ и не долженъ претендовать на то, чтобы подчинить себѣ дѣло обученія всецѣло, во всѣхъ его частностяхъ и подробностяхъ. Въ исполненіи всякаго дѣла, руководимаго научно устанавливаемымъ методомъ, слѣд. и въ исполненіи учительскаго дѣла, должны быть двѣ стороны: одну сторону можно назвать объективной, ее составляетъ именно тотъ методъ, какой научно устанавливается, указывается методикой и *заимствуется* изъ нея; другую сторону можно назвать субъективной, ее составляетъ личное искусство учителя, воплощающее научно устанавливаемый методъ въ самое дѣло. Хорошимъ будетъ всегда только то обученіе, въ которомъ одна изъ этихъ двухъ сторонъ не устраняетъ другую или одна другую не поглощаетъ, но обѣ стороны соединяются и получаютъ равномерное значеніе. Хорошимъ учителемъ будетъ только тотъ, кто, основательно уяснивъ и усвоивъ себѣ все существенное, самое важное, относящееся къ объективной сторонѣ учебнаго метода, въ отношеніи ко всему второстепенному, къ частностямъ и подробностямъ, будетъ самостоятельнымъ творцомъ своего дѣла. Объективный методъ, научно устанавливаемый, всегда долженъ оставлять

въ дѣлѣ преподаванія значительное мѣсто, гдѣ могло бы проявиться вліяніе живой личности преподавателя, гдѣ могли бы сказаться его собственная сообразительность и изобрѣтательность, его собственный педагогическій тактъ и талантъ, его личное искусство. Намъ кажется, что отъ недостаточнаго различенія въ дѣлѣ обученія указанныхъ двухъ сторонъ, которыя мы назвали объективной и субъективной, и происходитъ вся разногласица и путаница въ сужденіяхъ о значеніи метода: одни придають ему слишкомъ много значенія, другіе слишкомъ умаляютъ его значеніе.

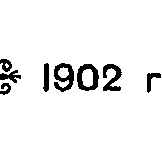
Н. Страховъ.

(Окончаніе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Мая № 9. 1902 года.

Содержаніе. Высочайшее повелѣніе.—Высочайшія награды.—Отъ Министерства Финансовъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшее повелѣніе.

Объ утвержденіи положенія о церковныхъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія.

Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ промышленности, наукъ и торговли, законовъ, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода по проекту положенія о церковныхъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія, мнѣніемъ положилъ: I. Проекты: 1) положенія о церковныхъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія и 2) штатовъ вгородклассныхъ и церковно-учительскихъ школъ представить на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе. II. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить: 1) Двухклассныя церковно-приходскія и учительскія школы, въ отношеніи льготъ по отбыванію воинской повинности, причисляются ко второму разряду учебныхъ заведеній, а одноклассныя церковно-приходскія школы—къ третьему разряду. 2) Воспитанникамъ, не окончившимъ полного курса въ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, предоставляются права, по отбыванію воинской повинности, окончившихъ курсъ въ заведеніяхъ третьяго разряда, а учительскихъ школъ—права, принадлежавшія имъ до поступленія въ эти школы (ст. 36 и 48 положенія о церковныхъ школахъ вѣдомства православнаго исповѣданія. 3) Поступленіе на службу въ войска по вынудому жребію отсрочивается воспитанникамъ церковно-учительскихъ школъ для окончанія образованія, въ случаѣ заявленія ими о томъ желаніи, до достиженія

22 лѣтъ отъ роду. 4) Свидѣтельства о знаніи курса начальныхъ училищъ воспитанникамъ одноклассныхъ приходскихъ школъ, школъ грамоты и воскресныхъ выдаются уѣздными отдѣленіями епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ—по правиламъ, устанавливаемыхъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія. 5) Церковнымъ школамъ предоставляется пересылать слѣдующіе по дѣламъ ихъ пакеты, посылки и тюки—вѣсомъ до одного пуда въ одномъ отправленіи—безъ платежа вѣсовыхъ денегъ. 6) Условія и порядокъ открытія начальныхъ народныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и церковно-приходскихъ школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже находятся такія школы того или другаго вѣдомства, опредѣляются правилами, устанавливаемыми оберъ-прокуроромъ Святейшаго Синода и министромъ народнаго просвѣщенія, по взаимному между ними соглашенію. 7) Изъемятся отъ тѣлесныхъ наказаній: а) учителя и попечители церковныхъ школъ вѣдомства православнаго исповѣданія, б) воспитанники учительскихъ школъ этого вѣдомства, какъ во время прохожденія ими курса въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и по окончаніи его. Изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта и упоминаемые въ немъ положеніе и штаты, 1-го апрѣля 1902 года, Государь Императоръ Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнять¹⁾.

Высочайшія награды.

6-го мая 1902 года пожалованы ордена: а) *Владимира четвертой степени* преподавателю Харьковской духовной семинаріи Мвхяилу *Добролюбову*, б) *Анны второй степени* преподавателю той же семинаріи Николаю *Протопопову* и в) *Станислава второй степени* преподавателю той же семинаріи Николаю *Гогину*, и епархіальному архитектору Владимиру *Ньмкину*.

Отъ Министерства Финансовъ.

Министерство Финансовъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что: Высочайше утвержденнымъ, въ 19 день декабря 1901 года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено продлить обмѣнъ кре-

¹⁾ Положеніе о церковныхъ школахъ напечатано въ № 15—16 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1902 г.

дитныхъ билетовъ 25 руб., 10 руб. и 5 руб. достоинствъ образца 1887 года и 100 руб. билетовъ (радужныхъ) образца 1866 года до 1 января 1903 года.

Посему означенные билеты до 31-го декабря 1902 года включительно принимаются безпрепятственно всѣми правительственными кассами.

Признаки кредитныхъ билетовъ, обмѣнъ и обращеніе коихъ прекращается 31 декабря 1902 года:

Билеты въ 5, 10 и 25 рублей.

Рисунокъ лицевой стороны билетовъ отпечатанъ густою синею краскою по свѣтлоричичевому фону.

Года выпуска обозначены внизу лицевой стороны билетовъ—въ 5 руб. билетѣ (съ 1887 до 1894 г.) слѣва, а въ 10 руб. (съ 1887 до 1892 г.) и 25 руб. билетахъ (только 1887 г.) посреднѣ билета.

Оборотная сторона билета содержитъ поперечный рисунокъ съ Государственнымъ гербомъ посредищѣ, крупною цифрою влѣво и извлеченіемъ изъ Манифеста—вправо и отпечатана:

5 руб. бѣл. — синею краскою.

10 " " — красною "

25 " " — лиловою "

Сторублевый билетъ—радужный, съ портретомъ Императрицы Екатерины II.

Образцы этихъ билетовъ выставлены во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка и въ Казначействахъ.

О такомъ сообщеніи Министра Финансовъ Хозяйственное Управленіе, по распоряженію Синодальнаго Оберъ-Прокурора, имѣетъ честь объявить по духовному вѣдомству.

Епархіальныя извѣщенія.

Законоучитель 3-й Харьковской мужской гимназій, кандидатъ богословія *Василій Виноградовъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто при Иоанно-Усѣвковенской церкви Харьковскаго городского кладбища.

— Священники: Покровской церкви с. Гринцева, Лебединскаго уѣзда, Мпхалъ *Слюсаревъ* и Рождество-Богородичной церкви с. Кальченкова, Сумскаго уѣзда, Іоаннъ *Гревизирскій*, перемѣщены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другого.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви сл. Боромли, Ахтырскаго уѣзда, *Василій Яровой*, посвященъ въ стихарь.

— Регентъ церковнаго хора пѣвчихъ мѣщанинъ Тимошей *Пушъ* опредѣленъ, согласно прошенію, псаломщикомъ къ Казанской церкви с. Деревокъ, Ахтырскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Флавіаномъ и Преосвященнѣйшимъ Стефаномъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.—Закладка храма при Харьковскомъ училищѣ слѣпыхъ.—Печальное происшествіе въ Богодуховѣ.—Правительственное сообщеніе о безпорядкахъ въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ.—Церковное празднество въ г. Ярославѣ.—Новые министры В. К. Плеве и Г. Э. Зенгеръ.—Стремленіе китайцевъ къ принятію Православной вѣры.—Враждебное отношеніе римско-католическаго епископа къ православнымъ школамъ.—Юношескія братства въ иржее время.—Самарское братство учениковъ церковной школы.—Неврологъ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыка Флавіанъ съ Преосвященнѣйшимъ Стефаномъ продолжаютъ относиться съ полнымъ вниманіемъ къ мѣстнымъ духовно-учебнымъ заведеніямъ. Начавшіеся въ этихъ заведеніяхъ экзамены почти ежедневно удостоиваетъ своимъ посѣщеніемъ то тотъ, то другой Владыка. Съ особеннымъ вниманіемъ архіепастыри относятся къ экзаменамъ оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ и воспитанницъ по предметамъ богослуженія, вѣры и нравственности христіанской. По долгу главнѣйшаго и отвѣтственнаго наблюдателя за преподаваніемъ Закона Божія въ своей епархіи Владыка Флавіанъ посѣщаетъ экзамены по этому предмету и въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ, въ присутствіи Владыки произведены уже экзамены въ послѣднемъ классѣ института благородныхъ дѣвицъ, коммерческаго училища и нѣкоторыхъ женскихъ гимназій.

— 28 апрѣля произведена закладка храма при харьковскомъ училищѣ слѣпыхъ. Послѣ совершенія Высокопреосвященнымъ Флавіаномъ, архіепискомъ харьковскимъ и ахтырскимъ, Божественной литургіи въ Мироносицкой церкви, въ присутствіи харьковскаго губернатора князя И. М. Оболенскаго, совершѣнъ крестный ходъ къ мѣсту закладки храма во имя Христа-Спасителя. Первый камень положилъ Высокопреосвященный Флавіанъ, второй—начальникъ губерніи. Въ тотъ же день въ училищѣ слѣпыхъ происходило засѣданіе харьковскаго отдѣленія, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Императрицы Маріи Феодоровны попечительства о слѣпыхъ. Въ собраніи прочтанъ отчетъ о дѣятельности отдѣленія и о состояніи училища слѣпыхъ за 1901 годъ. Въ отдѣленіи числилось чле-

новъ: почетвыхъ—3, пожизненныхъ—12 и соревнователей—142. Въ отчетномъ году на приходъ числилось 25.004 руб. 99 коп., а израсходовано 18.692 руб. 49 коп. Въ училищѣ слѣпыхъ къ концу отчетнаго года находилось 32 мальчика и 18 дѣвочекъ. Въ мастерской изготовлено издѣлій на 1.109 руб. 33 коп.

— Въ послѣдней книжкѣ миссіонерскаго обозрѣнія помѣщено письмо очевидца о столкновѣніи православныхъ со штундистами, имѣвшемъ мѣсто въ Великомъ посту въ г. Богодуховѣ. Очевидецъ этого печальнаго происшествія пишетъ слѣдующее:

Трудна миссіонерская служба. На этомъ пути приходится имѣть дѣло не только съ народной темнотой, невѣжествомъ и упорствомъ, не только доводится терпѣть многочисленныя виѣшнія лишенія, но еще „зависть тайную“ и явное недоброжелательство въ печати.— Подтверждать эту мысль сложными данными нѣтъ надобности. Довольно упомянуть объ одномъ *свѣжомъ* обстоятельстве, о которомъ писали въ послѣднее время во многихъ газетахъ.

Въ недѣлю православія текущаго 1902 года была миссіонерская бесѣда со штундистами въ г. Богодуховѣ Харьковской губ. Бесѣда происходила въ Покровскомъ храмѣ. Она привлекла множество слушателей. Вопросъ шелъ о *почитаніи св. иконъ*. Штундисты, какъ всегда, были крикливы, перебѣгали съ предмета на предметъ. Миссіонеръ съ трудомъ держалъ ихъ на поставленномъ вопросѣ. Тѣмъ не менѣе бесѣда прошла *чинно*. Она не сопровождалась *ни одной* личной грубостью собесѣдниковъ. *Въ храмъ не было ни ругани, ни драки, ни перерыва бесѣды...*

Люди стали расходиться. Между ними нашлись свои „Воанергесы“. Эти были возмущены грубыми сектантскими отрицаніями. Къ тому же кто-то въ толпѣ пустилъ слухъ, что одинъ выходившій изъ церкви штундистъ схватилъ за шею полвцейскаго. Справедливъ ли этотъ слухъ,—неизвѣстно. Но онъ подлил масла въ огонь. За сектантами побѣжала толпа православныхъ. Никакого *побоища* при этомъ не произошло, а на одной „богородницѣ“ порвали одежду...

Вотъ и все „событіе“. Оно уже обслѣдовано судебной властью. Эта же власть установитъ причины печальнаго происшествія. Нечего говорить, что миссіонеръ тутъ не при немъ. Онъ умолялъ даже толпу, видя ея возбужденность, расходиться во взаимномъ мврѣ и братскомъ снисхожденіи къ духовнымъ немощамъ заблуждающихся, какъ братьевъ.

Однако народъ православный не сдержался. Въ толпѣ слышались скорбные рассказы о павловскомъ погромѣ. Эти рассказы заимствованы были не изъ бесѣды, — на ней и рѣчи не было о павловскомъ побойщѣ, — а изъ газетъ. Православные твердили, что „вотъ уже пишутъ, что штунды бьютъ Христовы церкви“. Это я разожгло окончательно страсти.

Грустно, возмутительно. Но еще возмутительнѣе, когда пзвѣстные органы печати, между строкъ, сваливаютъ вину за побойще на миссіонеровъ. При чемъ тутъ православная миссія? Развѣ виновата медицина, когда, послѣ приѣзда слугъ ея — врачей, въ известной мѣстности появляется холера и народъ бьетъ „дохтуровъ“?... А *опытная* послѣдовательность событій вѣдь тамъ и здѣсь одинаковы: въ одномъ случаѣ послѣ проповѣди миссіонерской неожиданно происходитъ драка; въ другомъ, послѣ посѣщенія врачей, *отъ другихъ причинъ*, заводится холера.

Post hoc, ergo propter hoc... Это объясненіе *не логично*, не справедливо и жестоко.

— Въ послѣднее время въ Полтавской и Харьковской губ. произошли серьезныя нарушенія общественнаго порядка. Сущность происшедшаго заключается въ слѣдующемъ: около половины мѣсяца марта въ смежной съ Полтавскимъ уѣздомъ части Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губ., въ помѣщичьей экономіи стали являться скопомъ сосѣдніе крестьяне и, ссылаясь на недостатокъ продовольствія, просить даровой выдачи имъ хлѣба и корма для скота. Вместе съ тѣмъ въ той же мѣстности замѣтно возросло количество почныхъ кражъ хлѣба, картофеля и сѣна. Вскорѣ отъ просьбъ крестьяне перешли къ требованіямъ, сопровождавшимся нерѣдко возгласами: „все равно скоро все наше будетъ“, а затѣмъ къ угрозамъ, что въ случаѣ отказа возьмутъ все силой. Всѣ эти явленія наблюдались на сравнительно небольшомъ пространствѣ въ районѣ близъ селеній Константиноградскаго уѣзда: Максимовки, Варваровки, Федоровки и Лисячьи, изъ коихъ послѣднее, какъ оказывается, было мѣстомъ пребыванія нѣкоторыхъ лицъ изъ числа занимавшихся преступной проагандой. Возбужденіе среди населенія постепенно усиливалось; наконецъ 28-го марта большая толпа крестьянъ деревни Максимовки и отчасти жителей сосѣднихъ деревень прибыла на подводахъ въ одинъ изъ хуторовъ имѣнія его высочества герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго „Карловка“, съ угрозами отняла у управляющаго ключи отъ амбаровъ и вы-

везла нѣсколько тысячъ пудовъ картофеля. Этимъ въ Полтавскомъ и Константиноградскомъ уѣздахъ начались явныя безчнства; крестьяне открыто цѣлыми обозами, иногда до трехсотъ—четырехсотъ подводъ, наадали на усадьбы помѣщиковъ и богатыхъ козаковъ, отбивали замки амбаровъ, сараевъ и кладовыхъ и увозили хлѣбъ, кормъ для скота, сельскохозяйственныя орудія, а иногда угоняли скотъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ этой толпѣ грабителей слышались крики: „берите, вы должны сдѣлать, какъ въ книжкѣ написано; это все наше“. 30 марта полтавскій губернаторъ, признавъ необходимымъ для водворенія спокойствія принять чрезвычайныя мѣры, отправился съ тремя батальонами пѣхоты на мѣсто безпорядковъ и 31 приступилъ къ ихъ прекращенію, для по слѣдамъ грабителей. Появленіе войска, произведи должное впечатлѣніе въ трехъ селеніяхъ, которыя оно занимало, не могло сразу возстановить порядокъ. Въ прочихъ мѣстностяхъ въ обонхъ уѣздахъ Полтавской губерніи грабежи продолжались и 31 марта была, въ числѣ другихъ, въ Константиноградскомъ уѣздѣ разграблена крупная экономія купца Волка, откуда увезено около двадцати тысячъ пудовъ хлѣба. Затѣмъ волненіе стало приближаться къ Полтавѣ. 1 апрѣля толпа крестьянъ произвела нападеніе на отстоящую верстахъ въ десяти отъ города мельницу владѣльца Трепке, при селѣ Ковалевкѣ. Командированныя туда полтавскимъ вице-губернаторомъ двѣ роты пѣхоты прибыли на мѣсто уже въ то время, когда крестьяне возвращались изъ имѣнія Трепке послѣ произведеннаго грабежа. Земскій начальникъ, сопровождавшій воинскую команду, арестовалъ двадцать человекъ и приступилъ къ производству дознанія. Тѣмъ временемъ вооруженная кольями и вилами толпа стала наступать на команду и на предупрежденіе командовавшаго штабъ офицера о томъ, что онъ будетъ вынужденъ стрѣлять, отвѣтила камнями и глумленіемъ. Послѣ этого по толпѣ былъ данъ залпъ, коимъ двое грабителей убиты и семь ранены. Одинъ изъ раненыхъ умеръ, раны прочихъ не опасны. 2 апрѣля безпорядки въ Константиноградскомъ уѣздѣ, благодаря передвиженіямъ войскъ, усиленныхъ еще четвертымъ батальономъ, высланнымъ изъ Полтавы, стали утихать, хотя нѣсколько усадебъ подъ самой Полтавой были еще разграблены. 4 апрѣля произошла новая вспышка волненій въ Константиноградскомъ уѣздѣ, не имѣвшая особаго значенія, и затѣмъ безпорядки въ Полтавской губерніи были окончательно прекращены. Всего въ этой губерніи разграблено пятьдесятъ

четыре усадьбы. 31 марта волненія перешло въ Харьковскую губернію, охвативъ въ ней Валковскій уѣздъ и незначительную часть Богодуховскаго. Послѣ трехдневнаго развитія въ Полтавской губерніи, перейдя въ Харьковскую, беспорядки здѣсь проявились еще въ болѣе разнузданной формѣ. Крестьяне уже не ограничивались расхищеніемъ хлѣба, картофеля и сѣна, а грабили инвентарь, угоняли скотъ, иногда уносили домашнюю утварь, опустошили нѣсколько усадебъ и двѣ изъ нихъ сожгли. Донесенія о явленіи грабителей въ Валковскомъ уѣздѣ были получены харьковскимъ губернаторомъ, княземъ Оболенскимъ, незадолго передъ тѣмъ вступившимъ въ управленіе губерніей, вечеромъ 31 марта; въ ту-же ночь онъ выѣхалъ на мѣсто беспорядковъ, взявъ батальонъ пѣхоты и сотню казаковъ. Утромъ 1 апрѣля войска застали грабителей въ имѣніи генераль-отъ-инфантеріи Перлика, отбили у нихъ награбленное имущество, наказали виновнымъ и арестовали около пятидесяти человекъ. Захвативъ затѣмъ крестьянъ на грабежахъ въ двухъ сосѣднихъ усадьбахъ въ Полтавской губерніи, князь Оболенскій узналъ о разграбленіи большого свеклосахарнаго завода купца Молдавскаго въ селѣ Ново-Ивановскомъ Валковскаго уѣзда, но успѣлъ придти съ воинскою командой лишь во окончаніи нападенія. Съ завода этого было расхищено до 30 тысячъ пудовъ сахара и всевозможная утварь, также разобраны по частямъ и увезены машины и уведено сто пятьдесятъ паръ воловъ. Толпа дошла здѣсь до такого неистовства, что кинулась на заводскую больницу, похитила всѣ медикаменты изъ аптеки, вырывала и уносила тюфяки изъ подъ больныхъ. Въ это время прибылъ губернаторъ съ небольшою горстью казаковъ, задержалъ значительное количество грабителей и, подвергнувъ ихъ наказанію, водворилъ порядокъ. Хотя 1 и 2 апрѣля въ разныхъ мѣстахъ высланными изъ Харькова подкрѣпленіями большая часть нападенія была войскамъ своевременно застигнута и остановлена, тѣмъ не менѣе предупредить случаи разграбленія не вездѣ удалось. Перваго числа толпа разграбила усадьбу помѣщицы Гаевской и положила ей строенія. Въ тотъ же день подверглась нападенію богатая помѣщичья усадьба Кантаузовка; въ ней разграблены амбары, уведены скотъ, расхищена вся дорогая движимость дома и бібліотека. Въ имѣніи землевладѣльца Духовскаго Осиковкѣ крестьяне, расхитивъ всю движимость, разобрали по бревнамъ домъ и увезли ихъ собой. Къ вечеру перваго апрѣля толпа грабителей приблизилась къ городу

Валкамъ, а второго апрѣля на улицахъ этого города появились передовыя группы крестьянъ, шедшихъ на грабежъ, но по прибытіи губернатора вечеромъ второго числа порядокъ былъ восстановленъ и безчинствующіе наказаны. На этомъ закончился беспорядки въ Валковскомъ уѣздѣ. Всего въ этомъ уѣздѣ разграблено 25 землевладѣльческихъ усадебъ и экономій, приблизительно въ такомъ же количествѣ случаевъ грабежи были предупреждены. Кроме того въ прилегающей къ Валковскому уѣз. мѣстности Богодуховскаго уѣз. были разграблены двѣ усадьбы: при селѣ Рябовкѣ и хут. Благодатномъ; хуторъ же Мирный подвергся нападенію, во время спасень. Эвергичный образъ дѣйствій харьковскаго губернатора и объявленіе имъ народу, что участь добровольно возвратившихъ награбленное будетъ смягчена, заставили участвовавшихъ въ грабежахъ крестьянъ одуматься и въ послѣдовавшіе за прекращеніемъ беспорядковъ дни крестьяне стали представлять въ волостныя правленія для возвращенія потерявшимъ похищенное имущество и приносятъ повнныя, составляя по этому предмету общественныя приговоры. Немедленно по возникновеніи грабежей какъ въ Полтавской, такъ равно и Харьковской губерніяхъ на мѣсто беспорядковъ прибыли представители судебной власти и приступлено было къ производству предварительныхъ слѣдствій. Одновременно съ тѣмъ были возбуждены дознанія черезъ офицеровъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ. Этими разслѣдованіями выяснено, что въ смежныхъ между собой мѣстностяхъ Полтавскаго и Константиноградскаго уѣздовъ, гдѣ хозяйственное положеніе крестьянъ, пережившихъ за послѣдніе годы пѣсколько недородовъ, не вполне удовлетворительно, свила себѣ гнѣздо противоправительственная пропаганда, выразившаяся усиленнымъ распространеніемъ среди крестьянъ преступныхъ брошюръ и пзданій на малороссійскомъ языкѣ. Въ этихъ издаціяхъ сельское населеніе призывалось къ возстанію противъ властей и завладѣнію имуществомъ помѣщиковъ. Къ изложенному необходимо добавитъ, что распространившіеся въ обществѣ слухи о лицахъ, подвергшихся будто бы насилію со стороны крестьянъ, такъ же какъ и о крестьянахъ, засѣченныхъ по распоряженію властей, не вѣрны. Основаніемъ къ возникновенію послѣдняго рода толковъ послужило очевидно то обстоятельство, что для прекращенія грабежей власти были вынуждены примѣнить тѣлесное наказаніе къ вожакамъ возстанія и болѣе упорнымъ его участникамъ. Наказанія эти, ока-

завъ должное воздѣйствіе на крестьянъ, устранили необходимость въ принятіи болѣе крупныхъ мѣръ, подобныхъ тѣмъ, къ которымъ пришлось прибѣгнуть въ селѣ Ковалевкѣ при подавленіи безпорядковъ. Лица, участвовавшія въ послѣднихъ, были задержаны, равнымъ образомъ заключены подъ стражу и нѣкоторые лица изъ числа участвовавшихъ въ преступной среди крестьянъ пропагандѣ. Въ настоящее время общественное спокойствіе въ Полтавской и Харьковской губерніяхъ возстановлено. Слѣдуетъ полагать, что принятія мѣры къ усилению въ этихъ мѣстностяхъ полицейской охраны обезпечать сохраненіе тамъ порядка и вѣреть.

— Въ текущемъ году исполняется двухсотлѣтіе со дня прибытія на кафедру Ростовской митрополіи святителя Дмитрія, ростовскаго чудотворца. Память объ этомъ событіи, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, будутъ праздноваться въ гор. Ростовѣ, Ярославской губ., особымъ торжествомъ, приуроченнымъ къ 25-му мая. Въ это самое число, въ 1763 году, происходило въ Ростовѣ торжественное переложеніе нетлѣнныхъ мощей святителя въ новую раку, въ которой онъ почиваютъ и до нашего времени. Порядокъ предстоящаго въ Ростовѣ праздника иже слѣдующій: 1) Съ вечера 23-го мая совершается заукойное всенощное бдѣніе, а на утро 24-го мая—заукойная литургія и послѣ нея панихида, съ поминовеніемъ на всѣхъ Богослуженіяхъ родителей и родственниковъ святителя Дмитрія, а также лицъ участвовавшихъ въ погребеніи и открытіи его святыхъ мощей. 2) Наканунѣ праздника, 24-го мая, съ 3-хъ часовъ пополудни—малая вечерня, а послѣ нея молебное пѣніе празднуемому святому, съ прочтеніемъ акаѣста. 3) Съ 6 часовъ—торжественное всепощное бдѣніе съ литією, елеопомазаніемъ молящихся, послѣ поклоненія мощамъ святителя Дмитрія, и съ прочтеніемъ, по 6-й пѣсни, житія святителя Дмитрія митрополита, ростовскаго чудотворца. 4) Въ день самаго праздника, 25-го мая, служеніе литургіи ранней въ Спасо-Яковлевской церкви, въ 6 часовъ утра. 5) Въ 9 часовъ утра, въ главномъ храмѣ Зачатія Святыя Анны, при мощахъ святителя Дмитрія, совершается молебенъ съ водоосвященіемъ, а въ 10 часовъ торжественное служеніе литургіи, къ началу которой приносятся изъ Успенскаго собора чудотворная икона Владимірской Божіей Матери, въ преднесеніи хоругвей отъ общества хоругвеносцевъ и при участіи всего городского духовенства. 6) По окончаніи литургіи имѣетъ быть совершенъ молебенъ святителю Дмитрію, съ возгласеніемъ, въ

концѣ его, обычныхъ многолѣтій и затѣмъ воздастся поклоненіе святымъ его мощамъ, при пѣніи величанія, съ раздачею при этомъ всѣмъ присутствующимъ въ храмѣ печатныхъ листовъ „Сказанія о жизни св. Дмитрія“. 7) Затѣмъ крестный ходъ изъ Спасо-Яковлевскаго монастыря въ томъ же торжественномъ порядкѣ возвращается въ соборъ.

— На мѣсто злодѣйски убитаго министра внутреннихъ дѣлъ, Д. С. Сивилгина, назначенъ статсъ-секретарь Вяч. Конст. Плеве. Вступая на великій подвигъ своего служенія, новый министръ пожелалъ получить благословеніе отъ великаго молитвенника Русской земли, препод. Сергія, Радовежскаго чудотворца. 12 апрѣля, съ вечернимъ поѣздомъ, около 12 часовъ ночи, г. министръ прибылъ въ Троицкую Сергіеву лавру и остановился въ старой лаврской гостиницѣ. На другой день въ великую пятницу, онъ слушалъ царскіе часы въ Троицкомъ соборѣ лавры, послѣ которыхъ было совершено водоосвященіе и омовеніе святыхъ мощей. По окончаніи богослуженія, когда г. министръ приложился къ святымъ мощамъ преподобнаго Сергія, о. намѣстникъ лавры, архимандритъ Павелъ благословилъ его иконою преподобнаго Сергія въ серебряномъ эмалевомъ окладѣ, а казначей лавры, редакторъ «Троицкихъ Листковъ» и «Божіей Нивы», архимандритъ Никонъ произнесъ при этомъ сердечное привѣтствіе, въ которомъ между прочимъ выразилъ радость, что высочій посѣтитель, принимая на себя новое святое послушаніе, возлагаемое на него волею благочестивѣйшаго нашего Государя, пришелъ на поклоненіе и молитву къ преподобному игумену Сергію: „Мы вѣруемъ, говорилъ о. архимандритъ, что онъ поможетъ вамъ въ предстоящемъ многотрудномъ служеніи вашей родной землѣ. Пусть эта святая икона, освященная прикосновеніемъ къ его нетлѣннымъ мощамъ, будетъ видимымъ знаменіемъ его вамъ благословенія: притекайте къ нему во всѣхъ своихъ скорбяхъ, повѣдайте ему всѣ свои затрудненія—онъ разумѣтъ, научитъ, отъ всякаго искушенія покроетъ и поможетъ вамъ разсѣять тотъ туманъ, который въ послѣднее время сгустился надъ русскою землей“.

Послѣ богослуженія г. министръ посѣтилъ о. намѣстника лавры и ректора духовной академіи, преосвященнаго Арсенія, который также привѣтствовалъ его сердечными пожеланіями на предстоящее ему многотрудное служеніе. Затѣмъ почетный посѣтитель осматривалъ актовъ залъ академіи. Въ три часа пополудни нача-

лась великая вечерня въ трапезной церкви лавры. Богослуженіе совершалъ преосвященный Арсеній, епископъ Волоколамскій, въ сослуженіи многочпсленной братіи лавры. Почетный богомолецъ прибылъ къ самому началу службы и шелъ въ крестномъ ходу, при перенесеніи святой плащаницы въ Троицкій соборъ. Въ этотъ же день ему было предложено перейти въ покой его высокопреосвященства въ самой лаврѣ.

Всенощное бдѣніе на Великую субботу г. министръ отстоялъ въ академической церкви, а на утро для него была совершена особая литургія въ домово́й церкви при покояхъ митрополита. За сею литургіей онъ причастился Святыхъ Таинъ. Въ субботу онъ удостои́лъ своимъ посѣщеніемъ о. редактора «Троицкихъ Листковъ», архимандрита Някона, и посѣтилъ Геосманскій скитъ и пещеры. Свѣтлую утреню онъ слушалъ въ Троицкомъ соборѣ, а литургію—въ академической церкви, гдѣ богослуженіе совершалъ ректоръ академіи, преосвященный Арсеній. Послѣ литургіи г. министръ посѣтилъ опять преосвященнаго Арсенія и вмѣстѣ со всею академическою корпораціей разговлялся у него, съ интересомъ спрашивая о числѣ студентовъ, преподаваніи, знакомясь съ гг. профессорами.—Прямо изъ академіи онъ отправился на вокзалъ и съ поѣздомъ, отходящимъ пзъ Сергіева въ 8 часовъ утра, отбылъ въ Москву.

— Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія совершилась крупная перемена. Министръ народнаго просвѣщенія П. С. Ванновскій оставилъ свой постъ, на его мѣсто назначенъ его товарищъ Г. Э. Зенгеръ. Всѣ газеты провожаютъ П. С. Ванновскаго съ выраженіемъ крайняго сожалѣнія и характеризуютъ его дѣятельность самыми лестными чертами. П. С. Ванновскій пробылъ всего годъ и 16 дней министромъ, и за это поразительно короткое время сдѣлалъ много крупныхъ переменъ въ области народнаго просвѣщенія. Новымъ гуманнымъ духомъ повѣяло въ немъ. Проведенъ былъ цѣлый рядъ мѣръ къ облегченію работы учащихся и разработаны проекты къ улучшенію положенія учащихся. Классической системѣ въ ея старой формѣ нанесенъ былъ рѣшительный ударъ. Въ министерствѣ повстали кипѣла работа по составленію проектовъ преобразованія высшихъ, среднихъ и въ послѣднее время—низшихъ учебныхъ заведеній. Преемнику П. С. Ванновскаго предстоитъ или закончить эту работу или видоизмѣнить ее.

Новый министръ народнаго просвѣщенія д. с. с. Григорій Эдуардовичъ Зенгеръ извѣстенъ какъ выдающійся ученый.

Г. Э. Зенгеръ родился 13-го марта 1853 года въ Новгородской губ. Отецъ его командовалъ л.-гв. Драгунскимъ полкомъ. Г. Э. былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ для подготовки къ военной карьерѣ. Но онъ круто перемѣнилъ намѣченную для него въ юности карьеру и, выйдя изъ пажескаго корпуса, подготовился дома къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Выдержавъ экзамень на аттестатъ зрѣлости, Г. Э. поступилъ на историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета. По окончаніи курса, онъ былъ командированъ университетомъ за границу для подготовки къ профессорскому званію по кафедрѣ римской словесности. Въ 1877 году молодой ученый былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ вѣннскаго историко-филологическаго института по кафедрѣ всеобщей исторіи. Черезъ 8 лѣтъ онъ занялъ кафедру всеобщей исторіи въ варшавскомъ университетѣ. Въ 1894 году Г. Э. получилъ отъ московскаго университета степень доктора римской словесности безъ представленія диссертациі.

Какъ профессоръ, Г. Э. пользовался большою популярностью среди учащейся молодежи. Онъ былъ извѣстенъ, какъ очень талантливыи лекторъ. Его живыи, увлекательныи лекціи всегда привлекали громадное число слушателей. При чтеніи курсовъ самый большой лекціонный залъ едва вмѣщалъ всѣхъ желающихъ послушать талантливаго и любимаго профессора. Г. Э. извѣстенъ и своими цѣнными учеными изслѣдованіями изъ области классической старины. Античный міръ, съ его высокою культурой всегда привлекалъ вниманіе нашего ученаго; нѣкоторыя произведенія античной музы онъ даже перевелъ звучными стихами, сохранивъ всѣ прелестныи особенности древнихъ авторовъ. Въ 1897 года Г. Э. былъ назначенъ ректоромъ варшавскаго университета, черезъ два года попечителемъ варшавскаго учебнаго года, а затѣмъ, еще черезъ два года онъ уже назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Но этотъ постъ Г. Э. занималъ около пяти мѣсяцевъ.

„Нов. Вр.“, замѣчаетъ, что новый министръ народнаго просвѣщенія, Г. Э. Зенгеръ, извѣстенъ, какъ выдающійся специалистъ въ области классической филологіи. Но это вовсе не даетъ основанія считать его защитникомъ такъ называемаго гимназическаго классицизма; напротивъ, извѣстно, что всѣ настоящіе „классики“ рѣшительно осуждаютъ эту систему, ложную въ самой своей основѣ. Въ комиссіи П. С. Ванновскаго по преобразованію средней школы Г. Э. не принималъ участія. Въ качествѣ товарища министра

народнаго просвѣщенія онъ былъ сотрудникомъ министра по высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Съ цѣлью наилучшаго и всесторонняго ознакомленія съ настоящимъ положеніемъ учебнаго дѣла въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ посѣтилъ недавно университетскіе города центральныхъ губерній.

Газета полагаетъ, что перемѣна министерства вовсе не означаетъ новой коренной реформы въ учебномъ дѣлѣ. Это значить только дальнѣйшая работа, которая не можетъ потерять своей связи съ общими положеніями уже приготовленной, но еще не оконченной реформы. Проектъ средней школы прежде поступленія въ Государственный Совѣтъ долженъ былъ подвергнуться разсмотрѣнію въ разныхъ министерствахъ и затѣмъ уже дебатироваться въ нашемъ высшемъ государственномъ учрежденіи. Въ этой стадіи онъ естественно теперь долженъ задержаться.

— Передъ праздникомъ Пасхи получено изъ далекаго Китая извѣстіе о рѣдкомъ случаѣ добровольнаго обращенія китайцевъ въ-сколькихъ деревень съ просьбою къ православному священнику просвѣтить ихъ свѣтомъ Христова ученія. О. Н. Шастинъ вотъ какъ описываетъ это отрадное событіе на страницахъ отчета, доставленнаго имъ Певннской миссіи.

„10 января сего 1902 года явился ко мнѣ Китайцы Гао, Сюй и еще нѣсколько другихъ и объявили, что они посланы своими односельцами въ Хавькоу, чтобъ взбрать изъ христіанскихъ церквей одну, которая покажется имъ лучшею, и просить ея въропровѣдниковъ положить имъ свое въроученіе, такъ какъ они желаютъ принять христіанскую вѣру; но ни одна изъ извѣстныхъ имъ церквей имъ не нравится по внутреннему ихъ устройству и, главнымъ образомъ, по тому произволу, какой господствуетъ среди въропровѣдниковъ. Далѣе посланцы объявили, что выборъ ихъ остановился на Русской церкви и просили меня положить имъ наше въроученіе и правила“.

Введя Китайцевъ въ храмъ и разъясняя имъ одно за другимъ святаго изображенія иконостаса, о. Шастинъ постепенно разсказалъ православное въроученіе, объяснивъ въ заключеніе, что наша Церковь не преслѣдуетъ никакихъ другихъ земныхъ цѣлей какъ-то: обогащеніе, владычество надъ народами и пр.

Выслушавъ это, продолжаетъ о. миссіонеръ, Китайцы сказали, что все это имъ очень нравится, что и они, пща единенія съ нашею Церковью, не преслѣдуютъ другихъ цѣлей, а лишь желаютъ

спасенія душъ. Затѣмъ онъ спросилъ, какъ именуется Русская Церковь въ оффиціальныхъ бумагахъ и добавили: изъ словъ твоихъ мы поняли, что вы проповѣдуете того же Іисуса, что и прочія христіанскія церкви: Французская, Англійская, Американская; поэтому не состоите ли вы съ нами въ единеніи и, если мы примемъ вашу вѣру, не придутъ ли къ намъ прежде принявшіе христіанство наши односельцы и не начнутъ ли вводить у насъ своихъ порядковъ?

Отвѣчая на это, о. Шастивъ сказалъ, что наша Церковь именуется Россійскою, Православною, Восточною Церковью и въ разъясненіе этого названія привелъ краткій рассказъ о раздѣленіи церквей и о принятіи Русскими Православія. Понявъ изъ этихъ рассказовъ, что Русская Церковь совершенно самостоятельная и не состоитъ въ единеніи съ прочими, извѣстными имъ церквами, Китаецъ пожелалъ узнать, кто нашею Церковью управляетъ, гдѣ живетъ начальникъ миссіи, гдѣ онъ теперь; спрашивали также, есть ли русскіе миссіонеры въ другихъ мѣстахъ Китая; кто приходитъ молиться въ ханькоускій храмъ, есть ли здѣсь обращенные изъ Китайцевъ, почему Русскіе не проповѣдуютъ въ Китаѣ, какъ прочіе народы?

Получивъ посылъные отвѣты на все эти вопросы, посланцы выразили полную готовность принять св. православную вѣру и усердно просили о. Шастива поѣхать вмѣстѣ съ ними и проповѣдать ихъ односельцамъ; при этомъ объяснили, что ихъ деревни расположены близъ города Янь-Мянь-Чжоу, вверхъ по Янцзыцзяну (Янтсекіангу), около озера Хунъ-Ма-Ху, въ ста пятидесяти верстахъ (300 лн) отъ Ханькоу. Китаецъ Гао сказалъ, что только въ его деревнѣ находится около тридцати семействъ, желающихъ принять св. Христову вѣру.

Полагая не въ правѣ отвѣтить отказомъ на столь настоятельную просьбу о проповѣди, о. Шастивъ просилъ подождать до воскресенья, чтобы поѣхать, совершивъ литургію, и въ слѣдующую субботу возвратиться.

Ожидать этого отъѣзда остался китаецъ Сюй, а прочіе возвратились. Въ субботу и воскресенье Сюй присутствовалъ при богослуженіи и довольно правильно осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ по православному обряду.

„Въ воскресенье послѣ обѣда, отслуживъ напутственный молебенъ, мы выѣхали. Со мною поѣхалъ учитель мой, равнѣ огла-

шенный Кптаецъ, Йо. Мы взяли съ собою Евангеліе и Катихизисъ на китайскомъ и русскомъ языкахъ и еще вѣскольکو книгъ. Проводникъ нашъ Сюй нанялъ лодку съ двумя гребцами, взялъ провизіи и денегъ на расходы. Мы же, по заповѣди Божіей, не имѣли и мѣди при поясѣ.

„Лодка вверхъ по водѣ шла медленно и только въ среду вечеромъ мы прибыли въ Фынъ-коу, мѣстожителство китайца Гао и его единомышленниковъ. Это довольно большое торговое село. Его окружаютъ обширныя хлопчато-бумажныя плантаціи и нивы, засѣяныя ячменемъ, кунжутнымъ сѣменемъ и желтыми бобами; тутовое дерево здѣсь также въ изобиліи и мѣстныя шелковыя матеріи составляютъ предметъ вывоза. Двадцать большихъ барокъ перевозятъ мѣстныя произведенія на Ханькоускій рынокъ. Вновь вымощенная главная уллица такъ же, какъ и въ Ханькоу, съ обѣихъ сторонъ обвѣшана вывѣсками торговыхъ домовъ.

„Кптайцы, извѣщенные проводникомъ, вышли встрѣтить насъ съ фонарями, факелами и носилками, и отнесли въ домъ Гао. Сюда вскорѣ прибыли прѣвѣтствовать насъ мѣстные шень-ши (почетные общественники). На завтра, въ четвергъ, несмотря на снѣгъ и непогодъ, начавшіеся еще съ вечера, всѣ желающіе слушать нашу проповѣдь собрались въ пріемной дома Гао и наполнили эту довольно вмѣстительную комнату. Проповѣдь началась въ первомъ часу и съ короткимъ перерывомъ продолжалась до четырехъ часовъ пополудни. Рѣчь свою я началъ свидѣтельствомъ моей радости, при видѣ столь многихъ, желающихъ слышать ученіе православное, и мою полную готовность открыть имъ истинный путь спасенія; затѣмъ, сославшись на свое неясное для нихъ прозновеніе, предложилъ говорить съ ними при посредствѣ учителя Йо, но стоящіе въ переднихъ рядахъ сказали, что они достаточно понимаютъ мою рѣчь и просили продолжать. Возложивъ надежду на Господа, и вемощнымъ дающаго сплу, я изложилъ вкратцѣ священную исторію ветхаго и новаго завѣтовъ. Десять заповѣдей были прочитаны учителемъ Йо изъ Катихизиса и затѣмъ переданы на разговорномъ языкѣ. Девять заповѣдей блаженства также были прочитаны учителемъ по книгѣ и пересказаны разговорнымъ языкомъ и, кромѣ того, кратко объяснены мною, какъ ступени нравственнаго совершенствованія хрстіанства. Окончивъ проповѣдь, я предложилъ всѣмъ, безкорыстно желающимъ дальнѣйшаго оглашенія и присоединенія къ Россійской Православной

Церкви, изложить это свое желаніе на бумагѣ, съ обозначеніемъ всѣхъ, кого они имѣютъ въ семействѣ. Собраніе разошлось.

„Вечеръ этого дня и утро слѣдующаго занято было записью пменъ, причемъ я присутствовалъ лично. Записалось всего тридцать два семейства, въ количествѣ ста девятинадцати душъ обоого пола. Мѣстный полицейскій (Бао-чженъ—староста) скрѣпилъ документъ. Изъявившіе желаніе принять св. православную вѣру настойчиво просили въ непродолжительномъ времени открыть у нихъ огласительное училище. Гао уступилъ свою пріемную подъ училище и одну изъ другихъ комнатъ подъ помѣщеніе для учителя, подтвердивъ свое обѣщаніе письменно; такимъ же образомъ Сюй изъявилъ готовность вносить ежегодно на жалованье учителю по тридцать пять рублей, а остальные приняли на себя довольствіе учителя пищей. Всѣ жалѣли, что начавшаяся съ вечера среды непогодъ не прекращалась и не давала возможности обитателямъ окрестныхъ селъ, также желающимъ принять Христову вѣру, прійти для свиданія со мною и для записи именъ. На разстояніи верстъ двѣнадцати, говорили они, таковыхъ находится семействъ до сорока. Та же непогодъ помѣшала и намъ отправиться въ обратный путь. Остатокъ дня употребленъ былъ на бесѣду съ ищущима св. крещенія. Объяснены имъ смыслъ и употребленіе крестнаго знаменія, съ пропнесеніемъ словъ: „во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“; говорено о поклонахъ, о св. иконахъ, о возженіи масла и свѣчъ, воскресеніи фиміама и прочей обрядности. Приготовленіе къ смерти, обрядъ надъ мертвымъ тѣломъ и послѣдующее поминовеніе душъ, особенно понравилось китайцамъ. Затѣмъ, побуждаемый вопросами собесѣдниковъ, я много говорилъ о домашнемъ времяпровожденіи, приличномъ православному христіанину; объ управленіи церковномъ, объ отношеніи Церкви къ власти гражданской, причемъ особенно подчеркивалъ, что Русская Православная Церковь совершенно чужда притязаній на власть гражданскую и не вмѣшивается въ дѣла мірскія. Говорено было и о праздникахъ, и о постахъ, и о молитвѣ; наконецъ, изложена была молитва Господня и объяснена по евристической системѣ, что, видимо, оживило слушателей, уже утомленныхъ позднимъ часомъ и долгимъ напряженіемъ вниманія. Учитель Яо между тѣмъ списалъ изъ ватиканскаго и на память необходимѣйшія молитвы. Я вручилъ ихъ хозяину дома, съ просьбою дать грамотнымъ списать и выучить. Присутствующіе грамотные выразили на это полную готовность, а

двое изъ нихъ еще ранѣе, одинъ лично, а другой чрезъ отца своего, просилъ у меня позволенія послѣ китайскаго новаго года прїѣхать въ Ханькоу, чтобы подъ моимъ руководствомъ изучать христіанскія книги и, если возможно, русскій языкъ, на что я съ радостію выразилъ свое согласіе, такъ какъ здѣсь, кромѣ личнаго труда, отъ меня ничего не требовалось.

Въ субботу утромъ мы съ удовольствіемъ замѣтили, что буря утихла, вскорѣ и снѣгъ прекратился, и сквозь свѣтлыя облака проглянуло солнце. Болѣе состоятельный изъ ишущихъ св. крещенія по фамиліи Ли, просилъ меня обѣдать у него, но я отказался, торопясь возвратиться въ Ханькоу. Предъ отъѣздомъ я невольно задумался: случившееся со мною въ эти послѣдніе дни такъ рѣзко противорѣчало сложившемуся у меня съ чужихъ голосовъ мнѣнію о Китаѣ и Китайцахъ. Выѣзжая изъ Ханькоу, я отчасти не былъ чуждъ нѣсколько враждебнаго отношенія къ туземцамъ, вызваннаго миновавшими политическими событіями; здѣсь же, вдали отъ европейскихъ поселеній, въ продолженіе нѣсколькихъ дней я только то и дѣлалъ, что благодарилъ окружающихъ китайцевъ за оказываемыя ими мнѣ вниманіе и заботы. Я слышалъ, какъ побрякивала мѣдъ въ рукахъ небогатаго китайца, отсчитываемая на мое содержаніе; я видѣлъ, какъ хлопоталъ не то что весь домъ, но и весь околотокъ, чтобы доставить мнѣ больше удобства. Торгующій пшеничнымъ печеньемъ, когда узналъ, что его произведенія болѣе мнѣ привычны, нежели рисъ, обычная пища китайцевъ, каждый вечеръ и каждое утро началъ являться съ цѣлою грудой еще теплыхъ печеній и съ низкими поклонами просилъ скушать, хотя немного, нова не остыло. Изготавлиющій сласти—несъ сласти, рыболовъ—несъ рыбу и пр.

„Кого-же они чествовали?“

„Ни на минуту я неподумалъ отнести эти чествованія лично къ себѣ: вѣдь они меня не знали. Ясно было, что въ моемъ лицѣ они чествуютъ нашу православную вѣру, Русь православную и великаго Государа нашего, покровителя Православія. Не знаю, что я чувствовалъ бы, если-бы знаки вниманія относились лично ко мнѣ; вѣроятно, чувство стѣсненія неотступно тормазило бы мою душевную жизнь, и, во всякомъ случаѣ, получилось бы скорѣе непріятное, чѣмъ пріятное впечатлѣніе; теперь же, когда я знаю, что почетъ относится къ самому дорогому, завѣтному, что наполняетъ и возвышаетъ мою душу, какъ и душу cadaго истинно

Русскаго, и почувствовалъ большой подъемъ духа; все хорошее когда-либо читанное, слышанное, передуманное и пережитое, вдругъ воскресло во мнѣ и слѣлось въ одно свѣтлое, теплое, и живое чувство. Вотъ почему, произнося коротенькую прощальную рѣчь собравшимся, я не могъ скрыть волненія и не могъ не высказать того, что сказалъ. Въ этой рѣчи я благодарилъ сначала за пріемъ и сопряженные съ нимъ хлопоты и денежные траты, потомъ сказалъ, что такъ какъ, они не зная меня, все это сдѣлали ради тѣхъ, отъ кого я посланъ и во имя Господа, котораго я проповѣдую, то Господь Самъ и вознаградитъ ихъ за доброе дѣло, а православная Россія хотя и не навязываетъ другимъ своихъ заветныхъ думъ и вѣрованій, но если кто добровольно ихъ пріемлетъ, то кто бы онъ ни былъ, всегда и вездѣ раскрываетъ ему свои объятія и не считаетъ уже только близкимъ, но своимъ.

„Однако-жь, дѣло присоединенія ихъ къ Церкви—дѣло великое и я, какъ человекъ незначительный, не могу рѣшить его, а лишь донесу обо всемъ лицамъ власть имѣющимъ; со своей же стороны готовъ служить дѣлу спасенія душъ ихъ и, если потребуется трудъ или жертва, не отступлю.

„Привложившись затѣмъ къ иконѣ Святителя Николая, которая была со мною, я далъ приложиться и присутствующимъ. Многие совершенно правильно полагали на себѣ крестное знаменіе и клали земные поклоны предъ иконою.

„Послѣ этого насъ провели до лодки. Когда мы уже поплыли, кѣтайцы все еще стояли на мосту и, снявъ шапки по русскому обыкновенію, кланялись. Мы отвѣчали имъ тѣмъ-же.

„Обратный путь при быстромъ теченіи и попутномъ вѣтрѣ мы совершили быстро, и въ воскресенье, въ четыре часа пополудни, высадились въ Ханькоу“.

— На странпцахъ „Новаго Времени“ воспроизведенъ текстъ циркуляра къ духовенству римско-католической виленской епархіи, издавнаго епископомъ Звѣровичемъ. Циркуляръ чрезвычайно любопытенъ и поучителенъ, особенно, въ настоящій моментъ, когда подъ вліяніемъ прусской репрессіи поляки усердно стали говорить и писать въ пользу примиренія и единенія народа польскаго съ русскимъ. Циркуляръ направленъ противъ церковно-приходскихъ школъ. Виленскій римско-католическій епископъ старается выяснить подвѣдомому духовенству, что церковно-приходскія школы и школы грамоты—учрежденія исключительно конфессиональныя,

что онѣ преслѣдуютъ не обученіе на первомъ планѣ, а воспитаніе въ извѣстномъ направленіи и съ извѣстной окраской всего въ нихъ преподаваемаго. Въ подтвержденіе своихъ словъ онѣ приводятъ постановленіе съѣзда наблюдателей церковныхъ школъ Харьковской губерніи, а также рѣчь товарища оберъ-прокурора В. К. Саблера о значеніи церковной школы. Изъ этихъ документовъ римско-католическій епископъ старается извлечь даже больше, чѣмъ сколько даетъ буквальный ихъ смыслъ, а именно, что будто бы церковно-приходскія школы и школы грамоты, относясь враждебно къ римско-католической церкви, не менѣе враждебно, въ то же время, смотрятъ и на римскихъ-католиковъ, какъ на фанатичныхъ враговъ государства, отъ которыхъ слѣдуетъ избавиться путемъ прививанія юному римско-католическому поколѣнію Православія, какъ единственнаго средства, способнаго подчинить римскихъ-католиковъ гражданской власти. Установивъ такую точку зрѣнія на церковно-приходскія школы и школы грамоты, римско-католическій епископъ преподаетъ, затѣмъ, наставленія, какъ слѣдуетъ къ нимъ относиться. Всякое—по его мнѣнію—участіе римскихъ-католиковъ прямымъ и косвеннымъ образомъ въ дѣлѣ поощренія и развитія этихъ школъ, а также посѣщеніе ихъ римско-католическимъ дѣтьми—равносильны измѣнѣ и отступленію отъ римско-католической вѣры и церкви. „Принимая во вниманіе,—говоритъ онъ въ заключеніе—что церковно-приходскія школы и школы грамоты, находящіяся въ исключительномъ вѣдѣніи православнаго духовенства, имѣютъ безусловно вредное вліяніе на подрастающее католическое юношество, строжайше предписываемъ всему духовенству Вилепской епархіи бдительно слѣдить, чтобы католическія дѣти не посѣщали сказанныхъ школъ; въ случаяхъ же обнаруженія подобныхъ фактовъ, если увѣщеванія и наставленія не помогутъ, повелѣваемъ не давать на основаніи разрѣшенія отъ грѣховъ, какъ дѣтямъ, обучающимся въ этихъ школахъ, такъ равно родителямъ и опекунамъ, посылающимъ ихъ туда“. Нужно знать всю прямолинейность и фанатизмъ ксендзовъ, чтобы во достоинству оцѣнить впечатлѣніе и послѣдствія выраженной въ циркулярѣ угрозы. Корреспондентъ, сообщившій газетѣ текстъ циркуляра, не безъ основанія даже предволагаетъ, что тутъ ударъ разсчитанъ не только по адресу церковно-приходской школы, но, вообще, всякой русской школы, въ томъ числѣ и министерской, потому что воплывающій католицизмъ въ лицѣ ксендзовъ поста-

рается дать распространительное толкованіе циркуляру и отрѣзать народныя массы отъ русской школы. Въ предположеніи этомъ ничего вѣтъ невѣроятнаго,—повидному, оно начипаетъ уже и оправдываться. Въ одномъ изъ номеровъ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, за текущій годъ, помѣщенъ отрывокъ изъ отчета о служебной поѣздкѣ мѣстнаго православнаго дѣятеля по нѣсколькимъ уѣздамъ, населеннымъ жмудинами-католиками. Здѣсь отмѣчаются факты, свидѣтельствующіе, съ одной стороны, объ упорномъ уклоненіи римскихъ-католиковъ отъ посѣщенія церковно-приходскихъ школъ, а съ другой—о стремленіи ихъ вредить и мнѣстерскимъ школамъ. Въ одной, напр., народной школѣ оказалось 80 мальчиковъ-жмудиновъ, и въ томъ числѣ 10 мальчиковъ изъ ссѣдной мѣстности, имѣющей церковно-приходскую школу. Учитель предлагалъ этимъ мальчикамъ перейти для продолженія ученія въ свою церковно-приходскую школу, при чемъ, они жили бы у себя дома, но тѣ рѣшительно отказались. Въ одной церковно-приходской школѣ произошло сокращеніе учащихся: вмѣсто 25, оказалось 18; семь учениковъ-католиковъ возвратили книги и перестали посѣщать школу, послѣ того какъ въ домахъ ихъ родителей побывали два ксендза и сдѣлали соответствующее внушеніе. Одна народная школа (не церковно-приходская), помѣщавшаяся въ наемномъ домѣ, закрылась потому что хозяинъ-католикъ считалъ за лучшее выселить изъ своего дома школу. Авторъ отчета, сообщая эти и другіе подобныя факты, констатируетъ вынесенное имъ изъ фактовъ наблюденіе, что дѣло русской школы в русскаго вліянія, сравнительно съ 70-ми годами, отличается въ Западномъ краѣ вялостію, а дѣло польскаго вліянія обнаруживаетъ энергію. Теперь, когда сдѣлался извѣстнымъ циркуляръ римско-католическаго епископа, ясно и самое происхожденіе этого явленія. Оно всецѣло должно быть поставлено на счетъ польской римско-католической іерархіи и духовенству, которое остается вѣрнымъ своему традиціонному приему—смѣшивать и объединять политику съ религіей, задачи государственныя съ церковными, и пользоваться духовными средствами для достиженія мірскихъ цѣлей. Въ данномъ случаѣ церковно-приходскія школы—не болѣе, какъ ширма, подъ прикрытіемъ которой ксендзы съ своими бискупами нашли наиболѣе удобнымъ и благовиднымъ предпринять борьбу противъ православно-русскихъ началъ, вооружившись для борьбы самымъ внушительнымъ и страшнымъ въ глазахъ благо-

честивыхъ католяковъ, а особенно католичекъ, средствомъ—религіознымъ прещеніемъ, угрозой церковнаго отлученія. Безспорно, русская школа (безразлично—церковная или министерская)—лучшій проводникъ православно-русскаго вліянія; ксендзы съ бискупами прекрасно это понимаютъ и ловко ведутъ свою линію: вставая, подъ предлогомъ охраны римско-католичества, противъ церковной школы, они не преминутъ поселить въ народѣ недоувѣріе въ ко всякой, вообще, русской школѣ, а одновременно съ тѣмъ позаботятся объ открытіи тайныхъ польскихъ школъ и привлеченіи къ нимъ дѣтей римско-католическаго населенія. Вѣдь нужно же гдѣ—нибудь учить и дѣтямъ римскихъ-католиковъ? Если подъ страхомъ анаемы и геены огненной прегражденъ будетъ доступъ въ школу русскую, то, разумѣется, придется пользоваться школой польской. Тѣмъ, кому это вѣдать надлежитъ, нужно теперь увеличить свою бдительность и надзоръ за появленіемъ тайныхъ польскихъ школъ; а что касается римско-католическаго простонародія, то слѣдовало бы его и пожалѣть: слишкомъ уже безцеремонно бискупы и ксендзы играють на его сокровеннѣйшихъ чувствахъ.

«Церк. Вѣстн.»

— *Юношескія братства.* Извѣстно, что въ XVI и XVII вв. западной Россіи рядомъ съ братствами взрослыхъ людей, строившихъ церкви, школы, борющихся за свою вѣру и народность силою ученія,—возникали братства между молодымъ поколѣніемъ, такъ называемыя „юношескія братства“. Учрежденіе этихъ братствъ происходило также, какъ и въ старшихъ братствахъ, съ благословенія патріарховъ и митрополитовъ. Такъ, было учреждено грамотою патріарха Іерусалимскаго Теофаца юношеское братство въ Кіевѣ и тѣмъ-же патріархомъ учреждено было юношеское братство въ Минскѣ. Съ благословенія митрополита Кіевскаго Исаія учреждено было юношеское братство въ Луцкѣ. Такія же братства существовали и во многихъ другихъ городахъ. Само собою разумѣется, что эти „юношескія“ братства не брали на себя, да и не могли брать тѣхъ высокихъ и трудныхъ задачъ, которыя приняла старшія братства. Для членовъ ихъ, еще юношескаго возраста, недоступна была та тяжелая всесторонняя борьба, которую вели въ защиту вѣры и народности старшіе братья. Братская взаимопомощь въ религіозно-нравственномъ преуспѣяніи, стремленіе согласовать свою жизнь съ христіанскимъ православнымъ ученіемъ—вотъ главнѣйшая задача юношескихъ братствъ.

Патріархъ Теофанъ въ грамотѣ, учреждавшей юношеское братство въ Кіевѣ, говоритъ—„повелѣваемъ, чтобы выписывающіеся въ сіе братство благостояли въ вѣрѣ и сверхъ того, стяжали-бы любовь ко всѣмъ и смѣреніе, не уклонялись-бы отъ благочестія, украшая юность свою добродѣтелью такъ, чтобы могли для всѣхъ служить образцомъ“. Первое всего это стремленіе къ преуспѣянію въ христіанской жизни сказывалось въ особенно усердномъ посѣщеніи храма Божія и заботахъ объ его украшеніи. Члены кіевского юношескаго братства исповѣдались и причащались 4 раза въ годъ. Львовское братство въ каждый праздникъ и по воскресеньямъ посылало двухъ своихъ членовъ прислуживать въ церкви при богослуженіи. Могилевское юношеское братство на свои средства вырѣзало и вызолотило иконостасъ, расписало его иконами, при чемъ четыре иконы были обложены серебряными ризами. Въ уставѣ могилевскаго юношескаго братства съ особенною обстоятельностью излагаются тѣ обязанности по отношенію къ храму Божію и церковнымъ уставамъ, которыя налагали на себя вступающіе въ него молодые люди. „Мы, братіе, говорится здѣсь, желаемъ 1) чтобы предъ нами въ образѣ Святителя Христова Николая ежегодно поставляема была свѣча отъ насъ самихъ и которая бы каждый годъ была дважды обновлена, 2) ежемѣсячная служба Божія должна отправляться въ присутствіи всѣхъ братій нашему собранію принадлежащихъ въ день мѣсячный т. е. четвертокъ; всѣ братія, обязанные всегда присутствовать при богослуженіи, являются съ вылитыми свѣчами, если-же кто-либо изъ братіи не можетъ присутствовать при службѣ Божіей не по причинѣ какого либо препятствія или случая, а по нераденію и не послушанію, тотъ за непослушаніе свое обязанъ дать на свѣчи $\frac{1}{2}$ фунта воску 3) общіе молебны за всю братію должны совершаться въ дни праздниковъ Святителя Христова Николая, въ день усѣкновенія главы Предтечи и въ день страстотерца Христова Димитрія, 4) также въ праздничные дни—Святителя Николая, Іоанна Предтечи и Димитрія должна служить за всю братію, принадлежащую нашему собранію, ранняя обѣдня, на которой братія обязана стоять со свѣчами предъ алтаремъ, подобнымъ образомъ и на поздней обѣднѣ, 5) вылитыя братскія свѣчи каждый годъ предъ праздникомъ Воскресенія Господня для благолѣпія церковнаго должны быть обновлены, 6) всѣ взносы и доходы обращаются на украшеніе и благолѣніе нашего храма во

пня Святителя Николая". Таковы были задачи юношескихъ братствъ.

Учреждаясь всегда при старшихъ братствахъ, юношескія братства въ большинствѣ случаевъ находились подъ непосредственнымъ и постояннымъ руководствомъ старшихъ братьевъ. Иногда старшія братства выбирали изъ своей среды двухъ членовъ для наблюденія и руководства дѣлами младшаго братства. Въ составъ нѣкоторыхъ юношескихъ братствъ, какъ напр. моголевскаго, входили не только молодые мужчины, но и дѣвушки.

Нужно сказать, что юношескія братства пользовались большимъ сочувствіемъ и поддержкой не только то стороны членовъ старшихъ братствъ, при которыхъ они учреждались, но и всего общества и иногда очень высокопоставленныхъ членовъ его. Самыя патриархи и митрополиты принимали близко къ сердцу ихъ интересы, благославляли вповѣ открывавшіяся изъ нихъ, даровали имъ свои наставленія. Состоятельные люди того времени нерѣдко приходили на помощь этимъ братствамъ своими пожертвованіями.

— Безъ сомнѣнія, весьма полезно было бы возобновеніе на Руси подобныхъ юношескихъ братствъ и въ наше время. Мысль о пользѣ ихъ уже входитъ въ сознаніе общества и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находитъ себѣ осуществленіе примѣнительно, конечно, къ потребностямъ нашего времени. Напр. въ Самарѣ, въ концѣ прошлаго года образовалось общество школьничковъ, поставившее себѣ цѣлю воздержаніе отъ вина, сквернословія, воровства, табакокурения и разоренія птичьихъ гнѣздъ. «Самарскія Еп. Вѣд.» вотъ что сообщаютъ о торжествѣ открытія этого общества. Съ архиепископскаго благословенія Преосвященнѣйшаго Гурія, Епископа Самарскаго, было совершено торжественное богослуженіе въ соборѣ. По окончаніи поздней литургіи причтъ Казанско-Богородицкаго собора, въ полномъ составѣ, вышелъ изъ алтаря и занялъ мѣсто предъ царскими вратами. Святой крестъ и евангеліе были положены на аналоѣ. Ученики школы вмѣстѣ съ учащими стояли предъ амвономъ въ количествѣ 100 человекъ. Храмъ былъ наполненъ молящимися.

Завѣдывающій Θεодоровской церковно-приходской школой протоіерей. А. Я. обращаясь къ ученикамъ съ прекраснымъ поученіемъ, въ которомъ вполнѣ доступнымъ для дѣтей языкомъ раскрылъ вредъ пороковъ, смертельно уязвляющихъ дѣтскую душу и подрывающихъ тѣлесное здравіе, каковы: пьянство, сквернословіе, во-

ровство, табакокурєніє и жестокость нрава, проявляющаяся въ разорєніи птвчьихъ гнѣздъ. Въ заключєніи о. протоіерей предло- жлль ученическому кружку, силовенному общимъ искреннимъ же- ланіємъ избѣгать вышеупомянутыхъ пороковъ, открыто заявить въ святомъ храмѣ, предъ святымъ евангеліємъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ, о своемъ желаніи и обѣщаніи.—Тогда одинъ изъ учениковъ школы отчетливо, выразительно, съ сердечнымъ волненіємъ прочиталъ:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Съ архиастырскаго бла- гословенія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Гурія, по предложенію завѣдывающаго Θεодоровской церковно-приходской школой протоіерея Александра Ястребова, мы—ученики сей шко- лы выразили искреннее желаніе оградить себя отъ пороковъ, растлѣвающихъ душу и разрушающихъ тѣлесное здравіе. Для до- стиженія сей высоконравственной цѣли мы даемъ въ семъ храмѣ, предъ Лицемъ Всевидящаго Бога, наше дѣтское, сердечное заду- шевное обѣщаніе—никогда, по крайней мѣрѣ, въ нашемъ возрастѣ, не пить ни вина, ни пива, и никогда не произнесеть скверныхъ— матерныхъ словъ, не воровать чужихъ ни денегъ, ни вещей, даже въ самомъ ничтожномъ количествѣ, не курить табаку и не разо- рять птичьихъ гнѣздъ. Мы надѣемся, что горячая молитва о насъ нашихъ родителей, руководителей и учителей, а иначе молитва святой церкви, и наша дѣтская молитва къ Спасителю, любящему дѣтей, укрѣпятъ насъ въ нашемъ душеспасительномъ обѣтѣ и возрастить въ мужей совершенныхъ“. Чтеніе произвело глубокое впечатлѣніе какъ на самихъ учениковъ, такъ и на всѣхъ бывшихъ въ храмѣ. Многіе плавали. Протоіерей Я. сказалъ: „Помните же, дѣти, что данное вамъ предъ Богомъ обѣщаніе надобно хранить и исполнить, чтобы не заслужить упрека во лжи, сдѣланнаго апо- столемъ Петромъ Апостолу: *для чего ты допустилъ сатану вло- жити въ сердце твое мысль солгать Святому Духу?* (Дѣян. V, 3—4); *ты солгалъ не человеку, но Богу.* А вамъ, родители, ко- нечно, весьма желательно и пріятно, чтобы дѣти ваши были и добрыми христіанами, и послушными чадами, и полезными граж- данами. Помолитесь же Спасителю нашему и пречистой Его Ма- тери, испросимъ молитвеннаго ходатайства предъ Богомъ и у Свя- тителя Николая, чтобы дѣти твердо, целомудренно, неизмѣнно хранили данное ими обѣщаніе“. Былъ отслуженъ соборне молебенъ, и всѣ, присутствовавшіе въ храмѣ, во главѣ съ учениками, при- ложилсь къ святому евангелію и кресту Господню.

Душа осѣнялась благодатнымъ вѣяніемъ, сердце ликовало. Такихъ прекрасныхъ, духовно-торжественныхъ минутъ въ жпзни бываетъ не много.

ПАМЯТИ С. А. РАЧПНСКАГО.

Тяжко поразить всѣхъ, кто хорошо зналъ и высоко цѣнилъ замѣчательную просвѣтительную дѣятельность извѣстнаго „Татевскаго педагога“ — Сергѣя Александровича Рачпнскаго, неожиданная вѣсть о его кончинѣ.

Подъ впечатлѣніемъ этой грустной вѣсти невольно воскресаютъ въ памяти главныя событія изъ жизни покойнаго дѣятеля и его цѣнные труды, преимущественно направленные къ одной высокой цѣли — истинно русскому народному просвѣщенію.

Сергѣй Александровичъ Рачпнскій, по родственнымъ отношеніямъ приходившійся племянникомъ поэту Е. А. Баратынскому, родился 2 мая 1833 года и послѣ тщательной подготовки какъ дома, такъ и за границей, поступилъ въ студенты Московскаго университета по отдѣленію естественныхъ наукъ. Выпущенный со степенью кандидата (1853 года), онъ избралъ своею спеціальностью изученіе ботаники и напечаталъ диссертанцію *О движеніи высшихъ растений* (М. 1859 г.), за что былъ удостоенъ степени магистра и затѣмъ занялъ кафедру ботаники въ родномъ университетѣ.

Его профессорская дѣятельность однако, продолжалась лишь десять лѣтъ (до 1868 года), въ теченіе которыхъ онъ приобрѣлъ степень доктора ботаники. Покинувъ университетскую кафедру, онъ уѣхалъ въ свое смоленское имѣніе — село Татевое.

Тамъ, среди тихой деревенской обстановки, С. А. Рачпнскій началъ новую просвѣтительную дѣятельность, посвященную народному образованію. Онъ построилъ образцовое зданіе для знаменитаго Татевскаго училища, самъ сдѣлался преподавателемъ въ этой школѣ и, „примѣнявъ привычки и удобства барствениой обстановки на самую простую жизнь“, въ теченіе почти тридцати лѣтъ, до самой кончины, неустанно трудился на пивѣ истинно-православнаго народнаго образованія...

Этому своему призванію покойный не пзмѣнилъ до гроба; всѣ силы души своей за послѣднюю четверть вѣка онъ отдалъ народной школѣ. Татевое стало образовательнымъ центромъ, откуда нравственное и педагогическое вліяніе С. А. распространялось не только на окружающія мѣстности, но и на всю читающую и мыслящую Россію, въ особенности же на сельскихъ учителей и сельскихъ пастырей. За время своей дѣятельности на учитель-

скомъ поприщѣ покойный педагогъ подготовилъ цѣлыя поколѣнія искренно любящихъ свое дѣло народныхъ учителей, которыя считали Татеево своимъ роднымъ гнѣздомъ. Литературная дѣятельность С. А. Рачинскаго за это время была почти исключительно направлена на уясненіе коренныхъ вопросовъ о направленіи нашего народнаго образованія. Покойный былъ поборникомъ церковныхъ началъ въ народномъ просвѣщеніи, которыя онъ считалъ соответствующими желаніямъ и воззрѣніямъ самаго народа. Выраженіемъ взглядовъ покойнаго на народную школу служатъ его литературно-педагогическія работы: „Замѣтки о сельскихъ школахъ“, „Народное искусство и сельская школа“, „Изъ записокъ сельскаго учителя“, „Церковная школа“, „Чтеніе псалтири въ начальной школѣ“, „Начальная школа и сельское хозяйство“, „Возродившіяся школы грамотности“, „Церкви и школы“, „Школьный походъ въ Нилувану пустынь“. Всѣ эти и нѣкоторыя другія мелкія статьи и замѣтки печатались въ журналахъ: „Русскій Вѣстникъ“, „Русское Обозрѣніе“, „Народное Образованіе“ и затѣмъ изданы училищнымъ совѣтомъ при Св. Синодѣ въ видѣ сборника подъ заглавіемъ „Сельская школа“ (Спб. 1898).

Однимъ изъ послѣднихъ литературныхъ трудовъ, покойнаго „Письма къ духовному юношеству о трезвости“ (Казань, 1898), посвященъ борьбѣ съ великимъ бичемъ народа—пьянствомъ. Покойный былъ сторонникомъ абсолютной трезвости. На началахъ ея имъ было основано въ Татеевѣ общество трезвости, членами котораго были не только ученики Рачинскаго изъ ближайшихъ селъ и деревень, но и многіе послѣдователи его идей изъ разныхъ концовъ Имперіи. Переписка съ этими членами была любимымъ дѣломъ покойнаго и можетъ составить много томовъ интереснѣйшаго культурно-бытового матеріала.

Самая послѣдняя печатная работа Рачинскаго «Absit omen» (М. 1901) посвящена очередному вопросу нашей современности—вопросу о средней школѣ. Въ названной брошюрѣ Рачинскій выступаетъ въ защиту образовательнаго значенія классическихъ языковъ.

Въ наше смутное время покойный былъ яркимъ свѣточемъ, который привлекалъ къ себѣ всѣхъ ищущихъ правды и личнымъ своимъ просвѣтительнымъ подвигомъ въ глухой деревнѣ, и своими глубокими, полными знанія народной жизни трудами, и обаяніемъ своей высокоправдивой личности.

Да будетъ незабвенная память о великомъ подвигѣ жизни почившаго дѣятеля и да одушевляеть она другихъ тружениковъ на поприщѣ православно-русскаго народнаго образованія!

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ:

1. Милости Божія къ народу Русскому и его правителямъ. *Н. В. Милкова*. Ц. 25 к. Изд. Соѣкина.
2. Церковно-Общественные вопросы въ эпоху царя Освободителя (1855—1870) *А. Папкова*. СПБ. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
3. Литургика ч. I. преп. Курской Д. Сем. *Еп. Нестеровскаго*. Изд. 2. Ц. 1 р.

У Д. Г. Булгаковскаго (СПБ. Тверская 25) продаются слѣдующія книги:

1. Вино на Руси. По памятникамъ народнаго творчества. СПБ. 1902 г. Ц. 20 к.
2. На помощь. Сборникъ статей о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье, матеріальное благосостояніе и нравственность. Для народа. СПБ. 1901 г. Ц. 40 к.
3. Новая Русская Хрестоматія. Такой же сборникъ для школь. Ц. 30 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ (ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ) НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

М А Л Ю Т К А

ДЛЯ САМЫХЪ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ.

12 книжекъ въ годъ крупнымъ, четкимъ шрифтомъ, со многими гравюрами. 12 премій—игрушекъ для склеиванія, вырѣзыванія и раскрашиванія. *Подписная цѣна:* съ доставкой на домъ и пересылкой во всѣ города Россіи 2 руб. 50 коп.

Почтогородныхъ просятъ адресовать свои требованія исключительно: въ Москву, въ Редакцію журнала МАЛЮТКА.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первыя десять лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодоприношеніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платопова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли intersomnion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Липницкаго. М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соболева и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предвартельной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ ЗНАМЕНСКІЙ
и Инспекторъ Семинаріи, Константинъ ИСТОМИНЪ.